

М3032292(Д)

АРСЕНИЙ
ТАРКОВСКИЙ

*Благословенный
свет*

АЗБУКА-КЛАССИКА

Арсений Александрович
ТАРКОВСКИЙ
1907 – 1989

Арсений
ТАРКОВСКИЙ

*Благословенный
свет*

Стихотворения

АЗБУКА

Санкт-Петербург

2012

УДК 882
ББК 84(2Рос-Рус)6
Т 19

В подготовке стихотворных текстов к печати
принимал участие В. Амирханян

Оформление обложки Валерия Гореликова

Тарковский А.

Т 19 **Благословенный свет: Стихотворения.** —
СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2012. — 336 с.
ISBN 978-5-389-03146-3

Стихи Арсения Тарковского сродни вечности. В них сравнительно мало зримых примет современности — ни комиссаров в пыльных шлемах, ни пламенных комсомольцев, ни плакатных бюрократов, ни стукачей и топтунов... И все же когда в фильме его сына Андрея Тарковского «Зеркало», который неисповедимыми путями попал на экраны в начале семидесятых, зазвучали стихи Арсения Тарковского, люди тотчас ощутили, что перед ними незаурядное явление. Политическая ангажированность и демонстративная лирическая задушевность равно чужды Тарковскому. Его строки совсем иного чекана: «Сказать по правде, мы — уста пространства И времени». А что время выпало не самое легкое — об этом поэт знал не понаслышке.

УДК 882
ББК 84(2Рос-Рус)6

© А. Тарковский (наследники), 2012
© В. Пожидаев, оформление
серии, 1996
© ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“, 2012
Издательство АЗБУКА®

ISBN 978-5-389-03146-3

СВЕЧА

Мерцая желтым язычком,
Свеча все больше оплывает.
Вот так и мы с тобой живем —
Душа горит и тело тает.

1926

А. А. Альвингу

Блеют овцы, суетится стадо,
Пробегают бешеные дни.
Век безумствует. Повремени,
Ни шуметь, ни причитать не надо.

Есть еще в руках широкий бич,
Все ворота наглухо закрыты,
И колы глубоко в землю врыты,
Чтоб овец привязывать и стричь.

1928

Не уходи, огни купальской ночи
В неверном сердце накопили яд,
А в лес пойдешь, и на тебя глядят
Веселых ведьм украинские очи.

Я трижды был пред миром виноват.
Я слышал плач, но ты была невинна,
Я говорил с тобою, Катерина,
Как только перед смертью говорят.

И видел я: встает из черных вод
Как папоротник, слабое сиянье,
И ты идешь или плывешь в тумане,
Или туман, как радуга, плывет.

Я в третий раз тебя не удержал.
И ты взлетала чайкою бездомной.
Я запер дверь и слышал ветер темный
И глиняные черепки считал.

1928

ПЕРЕД ЛИСТОПАДОМ

Все разошлись. На прощанье осталась
Оторопь желтой листвы за окном,
Вот и осталась мне самая малость
Шороха осени в доме моем.

Выпало лето холодной иголкой
Из онемелой руки тишины
И запропало в потемках за полкой,
За штукатуркой мышиною стены.

Если считаться начнем, я не вправе
Даже на этот пожар за окном.
Верно, еще рассыпается гравий
Под осторожным ее каблуком.

Там, в законном тревожном покое,
Вне моего бытия и жилья,
В желтом, и синем, и красном — на что ей
Память моя? Что ей память моя?

1929

ПРОХОЖИЙ

Прохожему — какое дело,
Что кто-то вслед за ним идет,
Что мне толкаться надоело,
Стучаться у чужих ворот?

И никого не замечает,
И белый хлеб в руках несет,
С досужим ветерком играет,
Стучится у моих ворот.

Из дома девушка выходит,
Подходит и глядит во тьму,
В лицо ему фонарь наводит,
Не хочет отворить ему.

— Что, — скажет, — бродишь,
 колобродишь,
Зачем еще приходишь к нам,
Откуда, — скажет, — к нам
 приходишь
Стучаться по ночам?

25 июня 1931

Все ты ходишь в платье черном.
Ночь пройдет, рассвета ждешь.
Все не спишь в доме просторном,
Точно в песенке живешь.

Веет ветер колокольный
В куполах ночных церквей,
Пролетает сон безвольный
Мимо горницы твоей.

Хорошо в доме просторном —
Ни зеркал, ни темноты,
Вот и ходишь в платье черном
И меня забыла ты.

Сколько ты мне снов развяжешь,
Только имя назови.
Вспомнишь обо мне — покажешь
Наяву глаза свои —

Если ангелы летают
В куполах ночных церквей,
Если розы расцветают
В темной горнице твоей.

1932

Соберемся понемногу,
Поцелуем мертвый лоб,
Вместе выйдем на дорогу,
Понесем сосновый гроб.

Есть обычай: вдоль заборов
И затворов на пути
Без кадил, молитв и хоров
Гроб по улицам нести.

Я креста тебе не ставлю,
Древних песен не пою,
Не прославлю, не ославлю
Душу бедную твою.

Для чего мне теплить свечи,
Петь у гроба твоего?
Ты не слышишь нашей речи
И не помнишь ничего.

Только слышишь — легче дыма
И безмолвной трав земных
В холоде земли родимой
Тяжесть нежных век своих.

1932

Под сердцем травы тяжелеют росинки,
Ребенок идет босиком по тропинке,
Несет землянику в открытой корзинке,
А я на него из окошка смотрю,
Как будто в корзинке несет он зарю.

Когда бы ко мне побежала тропинка,
Когда бы в руке закачалась корзинка,
Не стал бы глядеть я на дом под горой,
Не стал бы завидовать доле другой,
Не стал бы совсем возвращаться домой.

1933

КОЛЫБЕЛЬ

Андрею Т.

Она:

Что всю ночь не спишь, прохожий,
Что бредешь — не добредешь,
Говоришь одно и то же,
Спать ребенку не даешь?
Кто тебя еще услышит?
Что тебе делить со мной?
Он, как белый голубь, дышит
В колыбели лубяной.

Он:

Вечер приходит, поля голубеют, земля сиротеет.
Кто мне поможет воды зачерпнуть из криницы
глубокой?
Нет у меня ничего, я все растерял по дороге;
День провожаю, звезду встречаю. Дай мне напиться.

Она:

Где криница — там водица,
А криница на пути.
Не могу я дать напиться,
От ребенка отойти.
Вот он веки опускает,
И вечерний млечный хмель
Обвивает, омывает
И качает колыбель.

Он:

Дверь отвори мне, выйди, возьми у меня

что хочешь —

Свет вечерний, ковш кленовый, траву подорожник...

1933

Река Сугаклея уходит в камыш,
Бумажный кораблик плывет по реке,
Ребенок стоит на песке золотом,
В руках его яблоко и стрекоза.
Покрытое радужной сеткой крыло
Звенит, и бумажный корабль на волнах
Качается, ветер в песке шелестит,
И все навсегда остается таким...

А где стрекоза? Улетела. А где
Кораблик? Уплыл. Где река? Утекла.

1933

ДОМ

Юность я проморгал у судьбы на задворках,
Есть такие дворы в городах —
Подымают бугры в шелушащихся корках,
Дышат охрой и дранку трясут в коробах.

В дом вошел я, как в зеркало, жил наизнанку,
Будто сам городил колченогий забор,
Стол поставил и дверь притворил спозаранку,
Очутился в коробке, открытой во двор.

Погоди, дай мне выбраться только отсюда,
Надоест мне пластаться в окне на весу;
Что мне делать? Глумись надо мною, покуда
Все твои короба растрясу.

Так себя самого я угрозами выдал.
Ничего, мы еще за себя постоим.
Старый дом за спиной набухает, как идол,
Шелудивую глину трясут перед ним.

1933

Если б, как прежде, я был горделив,
Я бы оставил тебя навсегда;
Все, с чем расстаться нельзя ни за что,
Все, с чем возиться не стоит труда, —
Надвое царство мое разделив.

Я бы сказал:

— Ты уносишь с собой
Сто обещаний, сто праздников, сто
Слов. Это можешь с собой унести.

Мне остается холодный рассвет,
Сто запоздалых трамваев и сто
Капель дождя на трамвайном пути,
Сто переулков, сто улиц и сто
Капель дождя, побежавших вослед.

25 июня 1934

Записал я длинный адрес на бумажном лоскутке,
Все никак не мог проститься и листок держал
в руке.
Свет растекся по брусчатке. На ресницы, и на мех,
И на серые перчатки начал падать мокрый снег.

Шел фонарщик, обернулся, возле нас фонарь зажег,
Засвистел фонарь, запнулся, как пастушеский рожок.
И рассыпался неловкий, бестолковый разговор,
Легче пуха, мельче дробы... Десять лет прошло
с тех пор.

Даже адрес потерял я, даже имя позабыл
И потом любил другую, ту, что горше всех любил.
А идешь — и капнет с крыши: дом и ниша у ворот,
Белый шар над круглой нишей, и читаешь:
кто живет?

Есть особые ворота и особые дома,
Есть особая примета, точно молодость сама.

1935

ГРАД НА ПЕРВОЙ МЕЩАНСКОЙ

Бьют часы на башне,
Подымается ветер,
Прохожие — в парадные,
Хлопают двери,
По тротуару бегут босоножки,
Дождь за ними гонится,
Бьется сердце,
Мешает платью,
И розы намокли.

Град
 расшибается вдребезги
 под самой липой.

Все же
Понемногу отворяются окна,
В серебряной чешуе мостовые,
Дети грызут ледяные орехи.

1935

КУЗНЕЧИКИ

I

Тикают ходики, ветер горячий
В полдень снует челноком по Москве,
Люди бегут к поездам, а на даче
Пляшут кузнечики в желтой траве.

Кто не видал, как сухую солому
Пилит кузнечик стальным терпугом?
С каждой минутой по новому дому
Спичечный город растет за бугром.

Если бы мог я прийти на субботник,
С ними бы стал городить городок,
Я бы им строил, бетонщик и плотник,
Каменщик, я бы им камень толк.

Я бы точил топоры — я точильщик,
Я бы ковать им помог — я кузнец,
Кровельщик я, и стекольщик, и пильщик.
Я бы им песню пропел, наконец.

1935

II

Кузнечик на лугу стрекочет
В своей защитной плащ-палатке,
Не то кует, не то пророчит,
Не то свой луг разрезать хочет

На трехвершковые площадки,
Не то он лугового бога
На языке зеленом просит:
— Дай мне пожить еще немного,
Пока травы коса не косит!

1946

МЕЛЬНИЦА В ДАРГАВСКОМ УЩЕЛЬЕ

Все жужжит беспокойное веретено —
То ли осы снуют, то ли гнется камыш, —
Осетинская мельница мелет зерно,
Ты в Даргавском ущелье стоишь.

Там в плетеной корзине скрипят жернова,
Колесо без оглядки бежит, как пришлось,
И, в толченый хрусталь окунув рукава,
Белый лебедь бросается вкось.

Мне бы мельника встретить: он жил над рекой,
Ни о чем не тужил и ходил по дворам,
Он ходил — торговал нехорошей мукой,
Горьковатой, с песком пополам.

1935

ИГНАТЬЕВСКИЙ ЛЕС

Последних листьев жар сплошным самосожженьем
Восходит на небо, и на пути твоём
Весь этот лес живет таким же раздраженьем,
Каким последний год и мы с тобой живем.

В заплаканных глазах отражена дорога,
Как в пойме сумрачной кусты отражены.
Не привередничай, не угрожай, не трогай,
Не задевай лесной наволгшей тишины.

Ты можешь услышать дыханье старой жизни:
Осклизлые грибы в сырой траве растут,
До самых сердцевин их проточили слизи,
А кожу все-таки щекочет влажный зуд.

Ты знаешь, как любовь похожа на угрозу, —
Смотри, сейчас вернусь, гляди, убью сейчас!
А небо ежится и держит клен, как розу, —
Пусть жжет еще сильнее! — почти у самых глаз.

1935

ЦЕЙСКИЙ ЛЕДНИК

Друг, за чашу благодарствуй,
Небо я держу в руке,
Горный воздух государства
Пью на Цейском леднике.

Здесь хранит сама природа
Явный след былых времен —
Девятнадцатого года
Очистительный озон.

А внизу из труб Садона
Сизый тянется дымок,
Чтоб меня во время оно
Этот холод не увлек.

Там над крышами, как сетка,
Дождик дышит и дрожит,
И по нитке вагонетка
Черной бусиной бежит.

Я присутствую при встрече
Двух времен и двух высот,
И колючий снег на плечи
Старый Цее мне кладет.

1936—1940

ПОРТРЕТ

Никого со мною нет.
На стене висит портрет.

По слепым глазам старухи
Ходят мухи,
 мухи,
 мухи.

— Хорошо ли, — говорю, —
Под стеклом в твоём раю?

По щеке сползает муха,
Отвечает мне старуха:

— А тебе в твоём доме
Хорошо ли одному?

1937

ДОМ

Как я хочу вдохнуть в стихотворенье
Весь этот мир, меняющий обличье:
Травы неуловимое движенье,

Мгновенное и смутное величье
Деревьев, раздраженный и крылатый
Сухой песок, щебечущий по-птичьи, —

Весь этот мир, прекрасный и горбатый,
Как дерево на берегу Ингула.
Там я услышал первые раскаты

Грозы. Она в бараний рог согнула
Упрямый ствол, и я увидел крону —
Зеленый слепок грозового гула.

А дождь бежал по глиняному склону,
Гонимый стрелами, ветвисторогий,
Уже во всем подобный Актеону.

У ног моих он пал на полдороге.

1938

25 ИЮНЯ 1935 ГОДА

Хорош ли праздник мой, малиновый иль серый,
Но все мне кажется, что розы на окне,
И не признательность, а чувство полной меры
Бывает в этот день всегда присуще мне.
А если я не прав, тогда скажи — на что же
Мне тишина травы, и дружба рощ моих,
И стрелы птичьих крыл, и плеск ручьев, похожий
На объяснение в любви глухонемых?

1938

БЛИЗОСТЬ ВОЙНЫ

Кто может умереть — умрет,
Кто выживет — бессмертен будет,
Пойдет греметь из рода в род,
Его и правнук не осудит.

На предпоследнюю войну
Бок ó бок с новыми друзьями
Пойдем в чужую сторону.
Да будет память близких с нами!

Счастливец, кто переживет
Друзей и подвиг свой военный,
Залечит раны и пойдет
В последний бой со всей вселенной.

И слава будет не слова,
А свет для всех, но только проще,
И эта жизнь — плакун-трава
Пред той широкошумной рощей.

1940

25 ИЮНЯ 1939 ГОДА

И страшно умереть, и жаль оставить
Всю шушеру пленительную эту,
Всю чепуху, столь милую поэту,
Которую не удалось прославить.
Я так любил домой прийти к рассвету
И в полчаса все вещи переставить,
Еще любил я белый подоконник,
Цветок и воду, и стакан граненый,
И небосвод голубизны зеленой,
И то, что я — поэт и беззаконник.
А если был июнь и день рожденья,
Боготворил я праздник суетливый,
Стихи друзей и женщин поздравленья,
Хрустальный смех и звон стекла счастливого,
И завиток волос неповторимый,
И этот поцелуй неотвратимый.

Расставлено все в доме по-другому,
Июнь пришел, я не томлюсь по дому,
В котором жизнь меня терпенью учит,
И кровь моя мутится в день рожденья,
И тайная меня тревога мучит, —
Что сделал я с высокою судьбою,
О Боже мой, что сделал я с собою!

1940

СВЕРЧОК

Если правду сказать,
я по крови — домашний сверчок,
Заповедную песню
пою над печною золой,
И один для меня
приготовит крутой кипяток,
А другой для меня
приготовит шесток золотой.

Путешественник вспомнит
мой голос в далеком краю,
Даже если меня
променяет на знойных цикад.
Сам не знаю, кто выстругал
бедную скрипку мою,
Знаю только, что песнями
я, как цикада, богат.

Сколько русских согласных
в полночном моем языке,
Сколько я поговорок
сложил в коробок лубяной,
Чтобы шарили дети
в моем лубяном коробке,
В старой скрипке запечной
с единственной медной струной.

Ты не слышишь меня,
голос мой — как часы за стеной,

А прислушайся только —
и я поведу за собой,
Я весь дом подыму:
просыпайтесь, я сторож ночной!
И заречье твое
отзовется сигнальной трубой!

1940

Меловой да соляной
Твой Славянск родной,
Надоело быть одной —
Посиди со мной...

Стол накрыт на шестерых,
Розы да хрусталь,
А среди гостей моих
Горе да печаль.

И со мною мой отец,
И со мною брат.
Час проходит. Наконец
У дверей стучат.

Как двенадцать лет назад,
Холодна рука,
И немодные шумят
Синие шелка.

И вино звенит из тьмы,
И поет стекло:
«Как тебя любили мы,
Сколько лет прошло!»

Улыбнется мне отец,
Брат нальет вина,

Даст мне руку без колец,
Скажет мне она:

— Каблучки мои в пыли,
Выцвела коса,
И поют из-под земли
Наши голоса.

1940

ЯЛИК

Что ты бредишь, глазной хрусталик?
Хоть бы сам себя поберег.
Не качается лодочка-ялик,
Не взлетает птица-нырок.

Камыши полосы прибрежной
Достаются на краткий срок.
Что ты бродишь, неосторожный,
Вдалеке от больших дорог?

Все, что свято, все, что крылато,
Все, что пело мне: «Добрый путь!» —
Меркнет в желтом огне заката.
Как ты смел туда заглянуть?

Там ребенок пел загорелый,
Не хотел возвращаться домой,
И качался ялик твой белый
С голубым флажком над кормой.

1940

* * *

С утра я тебя дожидался вчера,
Они догадались, что ты не придешь,
Ты помнишь, какая погода была?
Как в праздник! И я выходил без пальто.

Сегодня пришла, и устроили нам
Какой-то особенно пасмурный день,
И дождь, и особенно поздний час,
И капли бегут по холодным ветвям.

Ни словом унять, ни платком утереть...

2 января 1941

МАРИНЕ ЦВЕТАЕВОЙ

Все наяву связалось — воздух самый
Вокруг тебя до самых звезд твоих,
И поясок, и каждый твой упрямый
Упругий шаг, и угловатый стих.

Ты, не отпущенная на поруки,
Вольна гореть и расточать вольна,
Подумай только: не было разлуки,
Смыкаются, как воды, времена.

На радость — руку, на печаль, на годы!
Смеженных крыл не размыкай опять:
Тебе подвластны гибельные воды,
Не надо снова их разъединять.

16 марта 1941

ПАМЯТИ МАРИНЫ ЦВЕТАЕВОЙ

I

Где твоя волна гремучая,
Душный, черный морской прибой, —
Ты, крылатая, звезда падучая,
Что ты сделала с собой?

Как светилась ты, милостивица,
Все раздаривая на пути.
Встать бы, крикнуть бы, воспротивиться,
Подхватить бы да унести —

Не удержишь — и поздно каяться:
Задыхаясь, идешь ко дну.
Так — жемчужина опускается
В заповедную глубину.

Сентябрь 1941

II

Я слышу, я не сплю, зовешь меня, Марина,
Поешь, Марина, мне, крылом грозишь, Марина,
Как трубы ангелов над городом поют,
И только горечью своей неисцелимой
Наш хлеб отравленный возьмешь на Страшный суд,
Как брали прах родной у стен Иерусалима
Изгнанники, когда псалмы слагал Давид

И враг шатры свои раскинул на Сионе.
А у меня в ушах твой смертный зов стоит,
За черным облаком твое крыло горит
Огнем пророческим на диком небосклоне.

1946

III

Друзья, правдолюбцы, хозяева
Продутых смертями времен,
Что вам прочитала Цветаева,
Придя со своих похорон?

Присыпаны глиною волосы,
И глины желтее рука,
И стало так тихо, что голоса
Не слышал я издалека.

Быть может, его назначение
Лишь в том, чтобы, встав на носки,
Без роздыха взять ударение
На горке нечетной строки.

Какие над Камой последние
Слова ей на память пришли
В ту горькую; все еще летнюю,
Горючую пору земли,

Солдат на войну провожающей
И вдóвой, как рóдная мать,
Земли, у которой была еще
Повадка чужих не ласкать?

Всем клином, всей вашей державою
Вы там, за последней чертой —

Со всей вашей правдой неправую
И праведной неправотой.

1962

IV. СТИРКА БЕЛЬЯ

Марина стирает белье.
В гордыне шипучую пену
Рабочие руки ее
Швыряют на голую стену.

Белье выжимает. Окно —
На улицу настезь, и платье
Развешивает.

Все равно,
Пусть видят и это распятье.

Гудит самолет за окном,
По тазу расходится пена,
Впервой надрывается днем
Воздушной тревоги сирена.

От серого платья в окне
Темнеют четыре аршина
До двери.

Как в речке на дне —
В зеленых потемках Марина.

Два месяца ровно со лба
Отбрасывать пряди упрямо,
А дальше хозяйка-судьба,
И переупрямит над Камой...

12 января 1963

V. КАК ДВАДЦАТЬ ДВА ГОДА ТОМУ НАЗАД

И что ни человек, то смерть, и что ни
Былинка, то в огонь и под каблук,
Но мне и в этом скрежете и стоне
Другая смерть слышнее всех разлук.

Зачем — стрела — я не сгорел на лоне
Пожарища? Зачем свой полукруг
Не завершил? Зачем я на ладони
Жизнь, как стрижа, держу? Где лучший друг,

Где божество мое, где ангел гнева
И праведности? Справа кровь и слева
Кровь. Но твоя, бескровная, стократ
Смертельней.

Я отброшен тетивою
Войны, и глаз твоих я не закрою.
И чем я виноват, чем виноват?

12 января 1963

VI. ЧЕРЕЗ ДВАДЦАТЬ ДВА ГОДА

Не речи, —
нет, я не хочу
Твоих сокровищ — клятв и плачей, —
Пера я не переучу
И горла не переиначу, —

Не смелостью пред смертью, — ты
Все замыслы довоплотила
В свои тетради до черты,
Где кончились твои чернила, —

Не первородству, —
я отдам
Свое, чтобы тебя по праву
На лишний день вручили там,
В земле, — твою земную славу, —

Не дерзости твоих страстей
И не тому, что все едино,
А только памяти твоей
Из гроба научи, Марина!

Как я боюсь тебя забыть
И променять в одно мгновенье
Прямую фосфорную нить
На удвоенье, утроенье
Рифм —
и в твоём стихотворенье
Тебя опять похоронить.

12 января 1963

ЧИСТОПОЛЬСКАЯ ТЕТРАДЬ

I

Льнут к Господнему порогу
Белоснежные крыле,
Чуть воздушную тревогу
Объявляют на земле.

И когда душа стенает
И дрожит людская плоть,
В смертный город посылает
Соглядатая Господь.

И летит сквозь мрак проклятый,
Сквозь лазурные лучи
Невидимый соглядатай,
Богом посланный в ночи.

Не боится Божье диво
Ни осады, ни пальбы,
Ни безумной, красногривой
Человеческой судьбы.

Ангел видит нас, бездольных,
До утра сошедших в ад,
И в убежищах подпольных
Очи ангела горят.

Не дойдут мольбы до Бога,
Сердце ангела — алмаз.

Продолжается тревога,
И Господь не слышит нас.

Рассекает воздух душный,
Не находит горних роз
И не хочет равнодушный
Божий ангел наших слез.

Мы Господних роз не крали
И в небесные врата
Из зениток не стреляли.
Мы — тщета и нищета —

Только тем и виноваты,
Что сошли в подпольный ад.
А быть может, он, крылатый,
Перед нами виноват?

25 октября 1941

II

Беспомощней, суровее и суше
Я духом стал под бременем несчастий.
В последний раз ты говоришь о страсти,
Не страсть, а скорбь терзает наши души.

Пред дикими заклятьями кликуши
Не вздрогнет мир, разорванный на части.
Что стоит плач, что может звон запястий,
Когда свистит загробный ветер в уши?

В крошечном шуме рокового боя
Не слышно клятв и слово бесполезно.
Я не бессмертен, ты, как тень, мгновенна.

Нет больше ни приюта, ни покоя,
Ни ангела над пропастью беззвездной.
А ты одна, одна во всей вселенной.

7 ноября 1941

III

Вложи мне в руку Николин образок,
Унеси меня на морской песок,
Покажи мне южный косою парусок.

Горше горького моя беда,
Слаще меда морская твоя вода.
Уведи меня отсюда навсегда.

Сонный осетр подо льдом стоит.
Пальцы мне ломает смертный стыд.
Нет на свете жестче прикамских обид.

Я вошел бы в избу — нет сверчка в уголке,
Я на лавку бы лег — нет иконки в руке,
Я бы в Каму бросился, да лед на реке.

11 ноября 1941

IV. БЕЖЕНЕЦ

Не пожалела на дорогу соли,
Так насолила, что свела с ума.
Горишь, святая камская зима,
А я живу один, как ветер в поле.

Скупишься, мать, дала бы хлеба, что ли,
Полны ядреным снегом закрома,

Бери да ешь. Тяжка моя сума:
Полпуда горя и ломоть недоли.

Я ноги отморожу на ветру,
Я беженец, я никому не нужен,
Тебе-то все равно, а я умру.

Что делать мне среди твоих жемчужин
И кованного стужей серебра
На дикой Каме, ночью, без костра?

13 ноября 1941

V

Дровяные, погонные возвожу алтари.
Кама, Кама, река моя, полыньи свои отвори.

Все, чем татары хвастали, красавица, покажи,
Наточенные ножи да затопленные баржи.

Окаю, гибель кличу, баланду кипячу,
Каторжную тачку, матерясь, качу,

С возчиками, грузчиками пью твое вино,
По доске скрипучей сойду на черное дно.

Кама, Кама, чем я плачу за твою ледяную парчу?
Я за твою парчу верной смертью плачу.

15 ноября 1941

VI

Смерть на все накладывает лапу.
Страшно мне на Чистополь взглянуть.

Арестантов гонят по этапу,
Жгучим снегом заметает путь.

Дымом горьким ты глаза мне застишь,
Дикой стужей веешь за спиной
И в слезах распахиваешь настужь
Двери Богом проклятой пивной.

На окошках теплятся коптилки
Мутные, блаженные твои.
Что же на больничные носилки
Сын твой не ложится в забытьи?

В смертный час напомнишь ли о самой
Светлой доле — и летишь опять,
И о чем всю ночь поешь за Камой,
Что конвойным хочешь рассказать?

18 ноября 1941

VII

Нестерпимо во гневе караешь, Господь,
Стыну я под дыханьем твоим,
Ты людскую мою беззащитную плоть
Рассекаешь мечом ледяным.

Вьюжный ангел мне молотом пальцы дробит
На закате Судного дня,
И целует в глаза, и в уши трубит,
И снегами заносит меня.

Я дышать не могу под твоей стопой,
Я вином твоим пыточным пьян.
Кто я, Господи Боже мой, перед тобой?
Себастьян, твой слуга Себастьян.

18 ноября 1941

VIII

Упала, задохнулась на бегу,
Огнем горит твой город златоглавый,
А все платочек комкаешь кровавый,
Все маешься, недужная, в снегу.

Я не ревную к моему врагу,
Я не страшусь твоей недоброй славы,
Кляни меня, замучь, но — Боже правый! —
Любить тебя в обиде не могу.

Не птицелов раскидывает сети,
Сетями воздух стал в твой смертный час,
Нет для тебя живой воды на свете.

Когда Господь от гибели не спас,
Как я спасу, как полюблю — такую?
О нет, очнись, я гибну и тоскую...

28 ноября 1941

IX

Вы нашей земли не считаете раем,
А краем пшеничным, чужим караваем,
Штыком вы отрезали лучшую треть.

Мы намертво знаем, за что умираем;
Мы землю родную у вас отбираем,
А вам — за ворованный хлеб умереть.

1941

X

Зову — не отзывается, крепко спит Марина.
Елабуга, Елабуга, кладбищенская глина,

Твоим бы именем назвать гиблое болото,
Таким бы словом, как засовом, запирашь ворота,

Тобою бы, Елабуга, детей стращать немилых,
Купцам бы да разбойникам лежать в твоих могилах.

А на кого дохнула ты холодом лютым?
Кому была последним земным приютом?

Чей слышала перед зарей возглас лебединый?
Ты слышала последнее слово Марины.

На гибельном ветру твоём я тоже стыну.
Еловая, проклятая, отдай Марину!

28 ноября 1941

Кони ржут за Сулою...
«Слово о полку Игореве»

Русь моя, Россия, дом, земля и матери!
Ты для новобрачного — свадебная скатерть,
Для младенца — колыбель, для юного — хмель,
Для скитальца — посох, пристань и постель,
Для пахаря — поле, для рыбака — море,
Для друга — надежда, для недруга — горе,
Для кормщика — парус, для воина — меч,
Для книжника — книга, для пророка — речь,
Для молотобойца — молот и сила,
Для живых — отцовский кров, для мертвых — могила,
Для сердца сыновьего — негасимый свет.
Нет тебя прекрасней и желанней нет.
Разве даром уголь твоего глагола
Рдяным жаром вспыхнул под пятой монгола?
Разве горький Игорь, смертью смерть поправ,
Твой не красил кровью бибричный рукав?
Разве киноварный плащ с плеча Рублева
На ветру широком не полощет снова?
Как душе — дыханье, руке — рукоять.
Хоть бы в пропасть кинуться — тебя отстоять.
1941—1944

* * *

Немецкий автоматчик подстрелит на дороге,
Осколком ли фугаски перешибут мне ноги,

В живот ли пулю влепит ээсовец-мальчишка,
Но все равно мне будет на этом фронте крышка.

И буду я разутый, без имени и славы
Замерзшими глазами смотреть на снег кровавый.

1942

* * *

Стояла батарея за этим вот холмом,
Нам ничего не слышно, а здесь остался гром,
Под этим снегом трупы еще лежат вокруг,
И в воздухе морозном остались взмахи рук.
Ни шагу знаки смерти ступить нам не дают.
Сегодня снова, снова убитые встают.
Сейчас они услышат, как снегири поют.

1942

БЕЛЫЙ ДЕНЬ

Камень лежит у жасмина.
Под этим камнем клад.
Отец стоит на дорожке.
Белый-белый день.

В цвету серебристый тополь,
Центифолия, а за ней —
Вьющиеся розы,
Молочная трава.

Никогда я не был
Счастливей, чем тогда.
Никогда я не был
Счастливей, чем тогда.

Вернуться туда невозможно
И рассказать нельзя,
Как был переполнен блаженством
Этот райский сад.

1942

Чего ты не делала только,
чтоб видеться тайно со мною...
Тебе не сиделось, должно быть,
за Камой, в доме невысоком,
Ты под ноги стлалась травой,
уж так шелестела весною,
Что боязно было: шагнешь —
и заденешь тебя ненароком.

Кукушкой в лесу притаилась
и так куковала, что люди
Завидовать стали: ну вот,
Ярославна твоя прилетела!
И если я бабочку видел,
когда и подумать о чуде
Безумием было, я знал:
ты взглянуть на меня захотела.

А эти павлиньи глазки —
там лазори по капельке было
На каждом крыле — и светились...
Я, может быть, со свету сгину,
А ты не покинешь меня,
и твоя чудотворная сила
Травой оденет, цветами подарит
и камень, и глину.

И если к земле присмотреться,
чешуйки все в радугах. Надо
Ослепнуть, чтоб имя твое
не прочесть на ступеньках и сводах

Хорóм этих нежно-зеленых.
Вот верности женской засада:
Ты за́ ночь построила город
и мне приготовила отдых.

А ива, что ты посадила
в краю, где вовек не бывала?
Тебе до рожденья могли
терпеливые ветви присниться,
Качалась она, подрастая,
и соки земли принимала.
За ивой твоей довелось мне,
за ивой от смерти укрыться.

С тех пор не дивлюсь я, что гибель
обходит меня стороною:
Я должен ладью отыскать,
плыть и плыть и, замучась, причалить,
Увидеть такую тебя,
чтобы вечно была ты со мною,
И крыл твоих, глаз твоих,
рук — никогда не печалить.

Приснись мне, приснись мне, приснись,
приснись мне еще хоть однажды.
Война меня потчует солью,
а ты этой соли не трогай,
Нет горечи горше, и горло мое
пересохло от жажды,
Дай пить, напои меня, дай мне воды
хоть глоток, хоть немного.

Не стой тут,
Убьют.
Воздух! Ложись!
Проклятая жизнь!
Милая жизнь!
Странная, смутная жизнь!
Дикая жизнь!
Травы мои коленчатые,
Мои луговые бабочки,
Небо — всё в облаках, городах, лагунах
и парусных лодках!
Дай мне еще подышать,
Дай мне побыть в этой жизни, безумной
и жадной,
Хмельному от водки,
С пистолетом в руках,
Ждать танков немецких,
Дай мне побыть хоть в этом окопе...

1943

ПРОВОДЫ

Вытрет губы, наденет шинель
И, не глядя, жену поцелует.
А на улице ветер лютует,
Он из сердца повывудет хмель.

И потянет в город обоз,
Не добудешь ста грамм по дороге,
Только ветер бросается в ноги
И глаза обжигает до слез.

А на выезде плачет жена,
Причитая и руки ломая,
Словно черные кони Мамаю
Где-то близко, как в те времена,
Мчатся, снежную пыль подымая,
Ветер бьет, и звенят стремяна.

1943

Ехал из Брянска в теплушке слепой,
Ехал домой со своею судьбой.

Что-то ему говорила она,
Только и слов — слепота и война.

Мол, хорошо, что незряч да убог,
Был бы ты зряч, уцелеть бы не мог.

Немец не тронул, на что ты ему?
Дай-ка на плечи надену суму,

Ту ли худую, пустую суму,
Дай-ка я веки тебе подыму.

Ехал слепой со своею судьбой,
Даром что слеп, а доволен собой.

1943

Хорошо мне в теплушке,
Тут бы век вековать, —
Сумка вместо подушки,
И на дождь наплевать.

Мне бы ехать с бойцами,
Грызть бы мне сухари,
Петь да спать бы ночами
От зари до зари,

У вокзалов разбитых
Брать крутой кипяток —
Бездомовный напиток —
В жестяной котелок.

Мне б из этого рая
Никуда не глядеть,
С темнотой засыпая,
Ничего не хотеть —

Ни дороги попятной,
Разоренной войной,
Ни туда, ни обратно,
Ни на фронт, ни домой, —

Но торопит, рыдая,
Песня стольких разлук,
Жизнь моя кочевая,
Твой скрежещущий стук.

1943

НОЧНОЙ ДОЖДЬ

То были капли дождевые,
Летящие из света в тень.
По воле случая впервые
Мы встретились в ненастный день,

И только радуги в тумане
Вокруг неярких фонарей
Поведали тебе заранее
О близости любви моей,

О том, что лето миновало,
Что жизнь тревожна и светла,
И как ты ни жила, но мало,
Так мало на земле жила.

Как слезы, капли дождевые
Светились на лице твоём,
А я еще не знал, какие
Безумства мы переживем.

Я голос твой далекий слышу,
Друг другу нам нельзя помочь,
И дождь всю ночь стучит о крышу,
Как и тогда стучал всю ночь.

1943

ЗЕМЛЯ

За то, что на свете я жил неумело,
За то, что не кривдой служил я тебе,
За то, что имел небессмертное тело,
Я дивной твоей сопричастен судьбе.

К тебе, истомившись, потянутся руки
С такой наболевшей любовью обнять,
Я снова пойду за Великие Луки,
Чтоб снова мне крестные муки принять.

И грязь на дорогах твоих не сладима,
И тощая глина твоя солона.
Слезами солдатскими будешь хранима
И вдовьей смертельной скорбью сильна.

1944

ОХОТА

Охота кончается.
Меня затравили.
Борзая висит у меня на бедре.
Закинул я голову так, что рога уперлись
в лопатки.

Трублю.
Подрезают мне сухожилья.
В ухо тычут ружейным стволом.

Падает на бок, цепляясь рогами за мокрые прутья.
Вижу я тусклое око с какой-то налипшей травинкой.
Черное, окостеневшее яблоко без отражений.
Ноги свяжут и шест проденут, вскинут на плечи...

1944

Как золотая птичка,
Дрожит огонь впотьмах,
В одну минуту спичка
Сгорит в моих руках.

Неверное такое,
Навек родное мне,
Сердечко голубое
Живет в ее огне.

И в этом зыбком свете,
Пусть выпавшем из рук,
Я по одной примете
Узнаю все вокруг.

Мне жалко, что ни свечки,
Ни спичек больше нет,
Что в дымные колечки
Совьется желтый свет.

Невесел и неярок,
На самый краткий срок,
Но будет мне подарок —
Последний уголек.

О, если б жар мгновенный,
Что я в стихи вложил,
Не меньше спички тленной
Тебе на радость жил!

1944

ПОЛЬКА

Все не спит палата госпитальная,
Радио не выключай — и только.
Тренькающая да беспечальная
Раненым пришлась по вкусу полька.

Наплевать, что ночь стоит за шторами,
Что повязка на культе промокла,
Дребезжащий репродуктор шпорами
Бьет без удержу в дверные стекла.

Наплевать на уговоры нянины,
Только б свет оставила в палате.
И ногой здоровой каждый раненый
Барабанит польку на кровати.

1945

СЛОВО

Слово только оболочка,
Пленка, звук пустой, но в нем
Бьется розовая точка,
Станным светится огнем,

Бьется жилка, вьется живчик,
А тебе и дела нет,
Что в сорочке твой счастливчик
Появляется на свет.

Власть от века есть у слова,
И уж если ты поэт,
И когда пути другого
У тебя на свете нет,

Не описывай заранее
Ни сражений, ни любви,
Опасайся предсказаний,
Смерти лучше не зови!

Слово только оболочка,
Пленка жребиев людских,
На тебя любая строчка
Точит нож в стихах твоих.

1945

ПАМЯТИ ДРУЗЕЙ

Их так немного было у меня.
Все умерли, все умерли. Не знаю,
Какому раю мог бы я доверить
Последнее дыхание их. Не знаю,
Какой земле доверить мог бы я
Этот холодный прах. Одним огнем
Нам опалило щеки. Мы делили
Одну судьбу. Они достойней были
И умерли, а я еще живу.
Но я не стану их благодарить
За дивный дар, мне выпавший на долю.
Я не хотел столь дорогой ценой
Купить его. Мне — их благодарить?
Да разве я посмею им признаться,
Что я дышу, и вдовы их глядят
В глаза мои — пусть не в глаза, а мимо —
Признаться им — без укоризны? Нет,
Я вдов не очерню пред мертвецами,
Вдова пройдет сторонкою и скажет...
Им все равно, что скажут вдовы их.
Благодарить за то, что я хотел бы
На их могилы принести цветы
В живых руках, дыша благоуханьем,
За шагом шаг ступая по траве,
По их траве, когда они лежат
В сырой земле и двинуться не могут.
Что двинуться? Когда их больше нет.
Ни я, ни вы, никто не нужен им.

А я без них — с кем буду хлеб делить,
С кем буду пить вино в мой светлый день,
Кому скажу: какой сегодня ветер,
Как зелена трава и небо сине?

1945

БАБОЧКА В ГОСПИТАЛЬНОМ САДУ

Из тени в свет перелетая,
Она сама и тень и свет,
Где родилась она такая,
Почти лишенная примет?
Она летает, приседая,
Она, должно быть, из Китая,
Здесь на нее похожих нет,
Она из тех забытых лет,
Где капля малая лазори
Как море синее во взоре.

Она клянется: навсегда! —
Не держит слова никогда,
Она едва до двух считает,
Не понимает ничего,
Из целой азбуки читает
Две гласных буквы — А
и
О.

А имя бабочки — рисунок,
Нельзя произнести его,
И для чего ей быть в покое?
Она как зеркальце простое.

Пожалуйста, не улетай,
О госпожа моя, в Китай!
Не надо, не ищи Китая,
Из тени в свет перелетая.
Душа, зачем тебе Китай?
О госпожа моя цветная,
Пожалуйста, не улетай!

1945

КНИГА ТРАВЫ

О нет, я не город с кремлем над рекой,
Я разве что герб городской.

Не герб городской, а звезда над щитком
На этом гербе городском.

Не гостя небесная в черни воды,
Я разве что имя звезды.

Не голос, не платье на том берегу,
Я только светиться могу.

Не луч световой у тебя за спиной,
Я — дом, разоренный войной.

Не дом на высоком валу крепостном,
Я — память о доме твоём.

Не друг твой, судьбою ниспосланный друг,
Я — выстрела дальнего звук.

В приморскую степь я тебя уведу,
На влажную землю паду,

И стану я книгой младенческих трав,
К родимому лону припав.

1945

СУББОТА, 21 ИЮНЯ

Пусть роют щели хоть под воскресенье.
В моих руках надежда на спасенье.

Как я хотел вернуться в до-войны,
Предупредить, кого убить должны.

Мне вон тому сказать необходимо:
«Иди сюда, и смерть промчится мимо».

Я знаю час, когда начнут войну,
Кто выживет, и кто умрет в плену,

И кто из нас окажется героем,
И кто расстрелян будет перед строем,

И сам я видел вражеских солдат,
Уже заполонивших Сталинград,

И видел я, как русская пехота
Штурмует Бранденбургские ворота.

Что до врага, то все известно мне,
Как ни одной разведке на войне.

Я говорю — не слушают, не слышат,
Несут цветы, субботним ветром дышат,

Уходят, пропусков не выдают,
В домашний возвращаются уют.

И я уже не помню сам, откуда
Пришел сюда и что случилось чудо.

Я все забыл. В окне еще светло,
И накрест не заклеено стекло.

1945

ЗВЕЗДНЫЙ КАТАЛОГ

До сих пор мне было невдомек —
Для чего мне звездный каталог?
В каталоге десять миллионов
Номеров небесных телефонов,
Десять миллионов номеров
Телефонов марев и миров,
Полный свод свеченья и мерцанья,
Список абонентов мирозданья.
Я-то знаю, как зовут звезду,
Я и телефон ее найду,
Пережду я очередь земную,
Поверну я азбуку стальную:

— А-13-40-25.

Я не знаю, где тебя искать.

Запоет мембрана телефона:
— Отвечает альфа Ориона.
Я в дороге, я теперь звезда,
Я тебя забыла навсегда.
Я звезда — денницына сестрица,
Я тебе не захочу присниться,
До тебя мне дела больше нет,
Позвони мне через триста лет.

1945

СТРАУС В 1913 ГОДУ

Показывали страуса в Пассаже.

Холодная коробка магазина,
И серый свет из-под стеклянной крыши,
Да эта керосинка на прилавке —
Он ко всему давным-давно привык.
Нахохлившись, на сонные глаза
Надвинул фиолетовые веки
И посреди пустого помещенья,
Не двигаясь, как чучело, стоял,
Так утвердив негнущиеся ноги,
Чтоб можно было, не меняя позы,
Стоять хоть целый час, хоть целый день
Без всякой мысли, без воспоминаний.

И научился он небытию
И ни на что не обращал вниманья —
Толкнет его хозяин или нет,
Засыплет корму или не засыплет,
И если б даже захотел, не мог
Из этого оцепененья выйти.

1945

Тебе не наскучило каждому сниться,
Кто с князем твоим горевал на войне,
О чем же ты плачешь, княгиня зегзица,
О чем ты поешь на кремлевской стене?

Твой Игорь не умер в плену от печали,
Погоне назло доконал он коня,
А как мы рубились на темной Каяле,
Твой князь на Каяле оставил меня.

И впору бы мне тетивой удавиться,
У каменной бабы воды попросить.
О том ли в Путивле кукуешь, зегзица,
Что некому раны мои остудить?

Так долго я спал, что по русские очи
С каленым железом пришла татарва,
А смерть твоего кукованья короче,
От крови моей почернела трава.

Спасибо тебе, что стонала и пела.
Я ветром иду по горячей золе,
А ты разнеси мое смертное тело
На сизом крыле по родимой земле.

1945—1946

ДОЖДЬ В ТБИЛИСИ

Мне твой город нерусский
Все еще незнаком, —
Клен под мелким дождем,
Переулок твой узкий,

Под холодным дождем
Слишком яркие фары,
Бесприютные пары
В переулке твоём,

По крутым тротуарам
Бесконечный подъем,
Затерялся твой дом
В этом городе старом.

Бесконечный подъем,
Бесконечные спуски,
Разговор не по-русски
У меня за плечом.

Сеет дождь из тумана,
Капли падают с крыш.
Ты, наверное, спишь,
В белом спишь, Кетевана?

В переулке твоём
В это час непогожий

Я — случайный прохожий
Под холодным дождем,

В этот час непогожий,
В час, покорный судьбе,
На тоску по тебе
Чем-то странно похожий.

1945

НАДПИСЬ НА КНИГЕ

Покинул я семью и теплый дом,
И седины я принял ранний иней,
И гласом вопиющего в пустыне
Мой каждый стих звучал в краю родном.

Как птица, нищ и, как Иаков, хром,
Я сам себе не изменил поныне,
И мой язык стал языком гордыни
И для других невнятным языком.

И собственного плача или смеха
Я слышу убывающее эхо,
И — Боже правый! — разве я пою?

И разве так, все то, что было свято,
Я подарил бы вам, как жизнь свою?
А я горел, я жил и пел — когда-то.

1946

НОЧНАЯ РАБОТА

Свет зажгу, на чернильные пятна
Погляжу и присяду к столу, —
Пусть поет, как сверчок непонятно,
Электрический счетчик в углу.

Пусть голодные мыши скребутся,
Словно шастать им некогда днем,
И часы надо мною смеются
На дотошном наречье своем, —

Я возьмусь за работу ночную,
И пускай их до белого дня
Обнимаются напропалую,
Пьют вино кто моложе меня.

Что мне в том? непочатая глыба,
На два века труда предо мной.
Может, кто-нибудь скажет спасибо
За постылый мой подвиг ночной.

1946

Порой по улице бредешь —
Нахлынет вдруг невесть откуда
И по спине пройдет, как дрожь,
Бессмысленная жажда чуда.

Не то чтоб встал кентавр какой
У магазина под часами,
Не то чтоб на Серпуховской
Открылось море с парусами,

Не то чтоб захотеть — и ввысь
Кометой взвиться над Москвою
Иль хоть по улице пройтись
На полвершка над мостовую.

Когда комета не взвилась,
И это назовешь удачей.
Жаль: у пространств иная связь,
И времена живут иначе.

На белом свете чуда нет,
Есть только ожиданье чуда.
На том и держится поэт,
Что эта жажда ниоткуда.

Она ждала тебя сто лет,
Под фонарем изнемогая...
Ты ею дорожи, поэт,
Она — твоя Серпуховская,

Твой город, и твоя земля,
И невзлетевшая комета,
И даже парус корабля,
Сто лет, как сгинувший со света.

Затем и на земле живем,
Работаем и узнаем
Друг друга по ее приметам,
Что ей придется стать стихом,
Когда и ты рожден поэтом.

1946

* * *

Ты, что бабочкой черной и белой
Не по-нашему дико и смело
И в мое залетела жильё,
Не колдуй надо мною, не делай
Горше горького сердце мое.

Чернота, окрыленная светом,
Та же черная верность обетам
И платок, ниспадающий с плеч.
А еще в трепетании этом
Тот же яд и нерусская речь.

1946

НОЧНОЙ ЗВОНОК

Зачем заковываешь на ночь
По-каторжному дверь свою?
Пока ты спишь, Иван Иваныч,
Я у парадного стою.

В резину черную обута,
Ко мне идет убийца-ночь.
И я звоню, ищу приюта,
А ты не хочешь мне помочь.

Закладываешь уши ватой
И слышишь смутный звон сквозь сон.
Пускай, мол, шебуршит, проклятый,
Подумаешь — глагол времен!

Не веришь в ад, не ищешь рая,
А раз их нет — какой в них прок?
Что скажешь, если запятнаю
Своею кровью твой порог?

Как в полдевятого на службу
За тысячей своих рублей,
Предав гражданство, братство, дружбу,
Пойдешь по улице своей?

Она от крови почернела,
Крестом помечен каждый дом.
Скажи: «А вам какое дело?
Я крепкий сон добыл горбом».

1946—1958

Снова я на чужом языке
Пересуды какие-то слышу, —
То ли это плоты на реке,
То ли падают листья на крышу.

Осень, видно, и впрямь хороша.
То ли это она колобродит,
То ли злая живая душа
Разговоры с собою заводит,

То ли сам я к себе не привык...
Плыть бы мне до чужих понизовий,
Петь бы мне, как поет плотовщик, —
Побольней, потемней, победовей,

На плоту натянуть дождевик,
Петь бы, шапку надвинув на брови,
Как поет на реке плотовщик
О своей невозвратной любви.

1946

ДВЕ ЛУННЫЕ СКАЗКИ

I. ЛУНА В ПОСЛЕДНЕЙ ЧЕТВЕРТИ

В последней четверти луна
Не понапрасну мне видна.
И желтовата и красна
В последней четверти луна,
И беспокойна и смутна:
Земле принадлежит она.

Смотрю в окно и узнаю
В луне земную жизнь мою,
И в смутном свете узнаю
Слова, что на земле пою,
И как на черепке стою,
На срезанном ее краю.

А что мне видно из окна?
За крыши прячется луна,
И потому, как дым, смутна,
Что на ущерб идет она,
И потому, что так темна,
Влюбленным нравится луна.

1946

II. ЛУНА И КОТЫ

Прорвав насквозь лимонно-серый
Опасный конус высоты,

На лунных крышах, как химеры,
Вопят гундосые коты.

Из желобов ночное эхо
Выталкивает на асфальт
Их мефистофельского смеха
Коленчатый и хриплый альт.

И в это дикое искусство
Влагает житель городской
Свои предчувствия и чувства
С оттенком зависти мужской.

Он верит, что в природе ночи
И тьмы лоскут, и сна глоток,
Что ночь — его чернорабочий.

А сам глядит на лунный рог,
Где сходятся, как в средоточье,
Котов египетские очи,
И пьет бессонницы белок.

1959

ДАГЕСТАН

Я лежал на вершине горы,
Я был окружен землей.
Заколдованный край внизу
Все цвета потерял, кроме двух:
Светло-синий,
Светло-коричневый там, где
 по синему камню писало перо Азраила.
Вкруг меня лежал Дагестан.

Разве гадал я тогда,
Что в последний раз
Читаю арабские буквы на камнях
 горделивой земли?
Как я посмел променять на чет и
 нечет любви
Разрежённый воздух горы?

Чтобы здесь
В ложке плавить на желтом огне
Дагестанское серебро?
Петь:
«Там я жил над ручьем,
Мыл в ледяной воде
Простую одежду мою»?

1946

Когда купальщица с тяжелою косою
Выходит из воды, одна в полдневном зное,
И прячется в тени, тогда ручей лесной
В зеленых зеркальцах поет совсем иное.

Над хрупкой чешуей светло-студеных вод
Сторукий бог ручьев свои рога склоняет,
И только стрекоза, как первый самолет,
О новых временах напоминает.

1946

Тянет железом, картофельной гнилью,
Лагерной пылью и солью камсы.
Где твое имечко, где твои крылья,
Вий над Россией топорщит усы.

Кто ты теперь? Ни креста, ни помина,
Хлюпает плот на глубокой реке,
Черное небо и мятая глина
Непропеченной лепешки в руке.

Он говорит: подымите мне веки! —
Слободы метит железным перстом,
Ржавую землю и ольхи-калеки
Метит и морит великим постом.

Он говорит: подымите мне веки! —
Как не поднять, пропадешь ни за грош.
Дырбала-арбала, дырбала-арбала,
Что он бормочет еще, не поймешь.

Заживо вяжет узлом сухожилия,
Режется в карты с таежной цингой,
Стужей проносится по чернобылью,
Свалит в овраг, и прощай, дорогой.

1946—1956

Все на земле живет порукой круговой,
И если за меня спокон веков боролась
Листва древесная —

я должен стать листвою,
И каждому зерну подать я должен голос.

Все на земле живет порукой круговой:
Созвездье, и земля, и человек, и птица.
А кто служил добру, летит вниз головой
В их омут царственный

и смерти не боится.

Он выплывет еще и сразу, как пловец,
С такою влагою навеки породнится,
Что он и сам сказать не сможет наконец
Звезда он, иль земля, иль человек,

иль птица.

Т. О.-Т.

Я боюсь, что слишком поздно
Стало сниться счастье мне.
Я боюсь, что слишком поздно
Потянулся я к беззвездной
И чужой твоей стране.

Мне-то ведомо, какую —
Ночью темной, без огня,
Мне-то ведомо, какую
Неспокойной, молодой
Ты бываешь без меня.

Я-то знаю, как другие,
В поздний час моей тоски,
Я-то знаю, как другие
Смотрят в эти роковые,
Слишком темные зрачки.

И в моей ночи ревнивой
Каблучки твои стучат,
И в моей ночи ревнивой
Над тобою дышит диво —
Первых оттепелей чад.

Был и я когда-то молод.
Ты пришла из тех ночей.
Был и я когда-то молод,
Мне понятен душный холод,
Вешний лед в крови твоей.

1947

* * *

Смерть никто, канцеляристка, дура,
Выжига, обшарканный подол,
У нее чертог — регистратура,
Канцелярский стул — ее престол.

На губах клиента стынет слово,
Словно рыба разевает рот,
Если смерть, товарищ Иванова,
Арифмометр повернет,

Подожьет под номер пламень плотский.
Все, чем горько мучилась душа,
Погашает росчерк идиотский
Синего ее карандаша.

1947

ВЕРБЛЮД

На длинных нерусских ногах
Стоит, улыбаясь некстати,
А шерсть у него на боках,
Как вата в столетнем халате.

Должно быть, молясь на восток,
Кочевники перемудрили,
В подшерсток втирали песок
И ржавой колючкой кормили.

Горбатую царскую плоть,
Престол нищеты и терпенья,
Нещедрый пустынный-господь
Слепил из отходов творенья.

И в ноздри вложили замок,
А в душу — печаль и величье,
И, верно, с тех пор погромом
На шее болтается птичьей.

По Черным и Красным пескам,
По дикому зною бродяжил,
К чужим пристрастился тюкам,
Копейки под старость не нажил.

Привыкла верблюжья душа
К пустыне, тюкам и побоям.
А все-таки жизнь хороша,
И мы в ней чего-нибудь стоим.

1947

**ПОРТНОЙ ИЗ ЛЬОВОА,
ПЕРЕЛИЦОВКА И ПОЧИНКА
(ОКТЯБРЬ, 1941)**

С чемоданчиком картонным,
Ластоногий, в котелке,
По каким-то там перронам,
С гнутой тросточкой в руке,

Сумасшедший, безответный,
Бедный житель городской,
Одержимый безбилетной
Иудейскою тоской.

Не из Лодзи, так из Львова,
Не в Казань, так на Уфу.
— Это ж казнь, даю вам слово,
Без фуфайки, на фуфу.

Колос недожатой нивы
Под сверкающим серпом.
Третьи сутки жгут архивы
В этом городе чужом.

А в вагонах — наркоматы,
Места нет живой душе,
Госпитальные халаты
И японский атташе.

Часовой стоит на страже,
Начинается пальба,
И на город черной пряжей
Опускается судьба.

Чудом сузилась жилетка,
Пахнет снегом и огнем,
И полна грудная клетка
Царским траурным вином.

Привкус меди, смёрти, тлена
У него на языке,
Будто сам Давид из плёна
К небесам воззвал в тоске.

На полу лежит в теплушке
Без подушки, без пальто,
Побирушка без полушки,
Странник, беженец, никто.

Он стоит над стылой Камой,
Спит во гробе город Львов,
Страждет сын Давида, самый
Нищий из его сынов.

Ел бы хлеб, да нету соли,
Ел бы соль, да хлеба нет.
Снег растает в чистом поле,
Порастет полынью след.

1947

КАКТУС

Далеко, далеко, за полсвета
От родимых долгот и широт,
Допотопное чудище это
У меня на окошке живет.

Что ему до воклюзского лавра
И персидских мучительниц-роз,
Если он под пятой бронтозавра
Ластовидной листвою оброс?

Терпеливый приемыш чужбины,
Доживая стотысячный век,
Гонит он из тугой сердцевины
Восковой криворукий побег.

Жажда жизни кору пробивала, —
Он живет во всю ширь своих плеч
Той же силой, что нам даровала
И в могилах звучащую речь.

1948

Жизнь меня к похоронам
Приучила понемногу.
Соблюдаем, слава Богу,
Очередность по годам.

Но ровесница моя,
Спутница моя бывая,
Отошла, не соблюдая
Зыбких правил бытия.

Несколько никчемных роз
Я принес на отпеванье,
Ложное воспоминанье
Вместе с розами принес.

Будто мы невесть куда
Едем с нею на трамвае,
И нисходит дождевая
Радуга на провода.

И при желтых фонарях
В семицветном оперенье
Слезы счастья на мгновенье
Загорятся на глазах,

И щека еще влажна,
И рука еще прохладна,
И она еще так жадно
В жизнь и счастье влюблена.

В морге млечный свет лежит
На серебряном глазете,
И за эту смерть в ответе
Совість плачет и дрожит,

Тщетно силясь хоть чуть-чуть
Сдвинуть маску восковую
И огласку роковую
Жгучей солью захлестнуть.

1951

ФОНАРИ

Мне запомнится таянье снега
Этой горькой и ранней весной,
Пьяный ветер, хлеставший с разбега
По лицу ледяною крупой,
Беспокойная близость природы,
Разорвавшей свой белый покров,
И косматые шумные воды
Под железом угрюмых мостов.

Что вы значили, что предвещали,
Фонари под холодным дождем,
И на город какие печали
Вы наслали в безумье своем,
И какую тревогою ранен,
И обидой какой уязвлен
Из-за ваших огней горожанин,
И о чем сокрушается он?

А быть может, он вместе со мною
Исполняется той же тоски
И следит за свинцовой волною,
Под мостом обходящей быки?
И его, как меня, обманули
Вам подвластные тайные сны,
Чтобы легче нам было в июле
Отказаться от черной весны.

1951

Мне в черный день приснится
Высокая звезда,
Глубокая криница,
Студеная вода
И крестики сирени
В росе у самых глаз.
Но больше нет ступени —
И тени спрячут нас.

И если вышли двое
На волю из тюрьмы,
То это мы с тобою,
Одни на свете мы,
И мы уже не дети,
И разве я не прав,
Когда всего на свете
Светлее твой рукав.

Что с нами ни случится,
В мой самый черный день,
Мне в черный день приснится
Криница и сирень,
И тонкое колечко,
И твой простой наряд,
И на мосту за речкой
Колеса простучат.

На свете все проходит,
И даже эта ночь
Проходит и уводит
Тебя из сада прочь.

И разве в нашей власти
Вернуть свою зарю?
На собственное счастье
Я как слепой смотрю.

Стучат. Кто там? — Мария. —
Отворишь дверь: — Кто там? —
Ответа нет. Живые
Не так приходят к нам,
Их поступь тяжелее,
И руки у живых
Грубее и теплее
Незримых рук твоих.

— Где ты была? — Ответа
Не слышу на вопрос.
Быть может, сон мой — это
Невнятный стук колес
Там, на мосту, за речкой,
Где светится звезда,
И кануло колечко
В криницу навсегда.

1952

НА БЕРЕГУ

Он у реки сидел на камыше,
Накошенном крестьянами на крыши,
И тихо было там, а на душе
Еще того спокойнее и тише.
И сапоги он скинул. И когда
Он в воду ноги опустил, вода
Заговорила с ним, не понимая,
Что он не знает языка ее.
Он думал, что вода — глухонемая
И бессловесно сонных рыб жилье,
Что реют над водою коромысла
И ловят комаров или слепней,
Что хочешь мыться — мойся, хочешь — пей,
И что в воде другого нету смысла.

И вправду чуден был язык воды,
Рассказ какой-то про одно и то же,
На свет звезды, на беглый блеск слюды,
На предсказание беды похожий.
И что-то было в ней от детских лет,
От непривычки мерить жизнь годами,
И от того, чему названья нет,
Что по ночам приходит перед снами,
От грозного, как в ранние года,
Растительного самоощущенья.

Вот какова была в тот день вода
И речь ее — без смысла и значенья.

1954

ДЕРЕВЬЯ

I

Чем глуше крови страстный ропот
И верный кров тебе нужней,
Тем больше ценишь трезвый опыт
Спокойной зрелости своей.

Оплакав молодые годы,
Молочный брат листвы и трав,
Глядишься в зеркало природы,
В ее лице свое узнав.

И собеседник и ровесник
Деревьев полувековых,
Ищи себя не в ранних песнях,
А в росте и упорстве их.

Им тяжело собственное бремя,
Но с каждой новой весной
В их жесткой сердцевине время
За слоем отлагает слой.

И крепнет их живая сила,
Двоятся ветви их, деля
Тот груз, которым одарила
Своих питомцев мать-земля.

О чем скорбя, в разгаре мая
Вдоль исполинского ствола
На крону смотришь, понимая,
Что мысль взамену чувств пришла?

О том ли, что в твоих созвучьях
Отвердевает кровь твоя,
Как в терпеливых этих сучьях
Луч солнца и вода ручья?

II

Державы птичьей нищеты,
Ветров зеленые кочевья,
Ветвями ищут высоты
Слепорожденные деревья.

Зато, как воины стройны,
Очеловеченные нами,
Стоят и соединены
Земля и небо их стволами.

С их плеч, когда зима придет,
Слетит убранство золотое:
Пусть отдохнет лесной народ,
Накопит силы на покое.

А листья — пусть лежат они
Под снегом, ржавчина природы.
Сквозь щели сломанной брони
Живительные брызнут воды,

И двинется весенний сок,
И сквозь кору из черной раны
Побега молодого рог
Проглянет, нежный и багряный.

И вот уже в сквозной листве
Стоят округ земли прогретой
И света ищут в синеве
Еще, быть может, до рассвета.

— Как будто горцы к нам пришли
С оружием своим старинным
На праздник матери-земли
И станом стали по низинам.

Созвучья струн волосяных
Налетом птичьим зазвучали,
И пляски ждут подруги их,
Держа в точеных пальцах шали.

Людская плоть в родстве с листвою,
И мы чем выше, тем упорней:
Древесные и наши корни
Живут порукой круговой.

1954

* * *

Позднее наследство,
Призрак, звук пустой,
Ложный слепок детства,
Бедный город мой.

Тяготит мне плечи
Бремя стольких лет.
Смысла в этой встрече
На поверку нет.

Здесь теперь другое
Небо за окном —
Дымно-голубое,
С белым голубком.

Резко, слишком резко,
Издали видна,
Рдеет занавеска
В прорези окна,

И, не узнавая,
Смотрит мне вослед
Маска восковая
Стародавних лет.

1955

Я учился траве, раскрывая тетрадь,
И трава начинала как флейта звучать.
Я ловил соответствия звука и цвета,
И когда запевала свой гимн стрекоза,
Меж зеленых ладов проходя, как комета,
Я-то знал, что любая росинка — слеза.
Знал, что в каждой фасетке огромного ока,
В каждой радуге яркострекочущих крыл
Обитает горящее слово пророка,
И Адамову тайну я чудом открыл.

Я любил свой мучительный труд, эту кладку
Слов, скрепленных их собственным светом, загадку
Смутных чувств и простую разгадку ума,
В слове *правда* мне виделась правда сама,
Был язык мой правдив, как спектральный анализ,
А слова у меня под ногами валялись.

И еще я скажу: собеседник мой прав,
В четверть шума я слышал, в полсвета я видел,
Но зато не унизил ни близких, ни трав,
Равнодушием отчей земли не обидел,
И пока на земле я работал, приняв
Дар студеной воды и пахучего хлеба,
Надо мною стояло бездонное небо,
Звезды падали мне на рукав.

1956

Ходить меня учила мать.
Вцепился я в подол,
Не знал, с какой ноги начать,
А все-таки пошел.

Сад исходил я года в два
И вдоль и поперек,
И что расту я, как трава,
Мне было невдомек —

Не потому, что был я мал,
А потому что всё
Росло, и город подрастал,
Кружась, как колесо.

Навстречу облака текли,
Деревья и дома,
Базарный пригород в пыли,
Вокзал и степь сама.

По Лилипутии своей
Пошел я напролом,
На сабли луговых людей
Ступая босиком.

Пока топтать мне довелось
Ковыль да зеленыя,
Я понял, что земная ось
Проходит сквозь меня.

1956

ДВЕ ЯПОНСКИЕ СКАЗКИ

I. БЕДНЫЙ РЫБАК

Я рыбак, а сети
В море унесло.
Мне теперь на свете
Пусто и светло.

И моя отрада
В том, что от людей
Ничего не надо
Нищете моей.

Мимо всей вселенной
Я пойду, смиренный,
Тихий и босой,
За благословенной
Утренней звездой.

1957

II. ФЛЕЙТА

Мне слышался чей-то
Затихающий зов,
Бесприютная флейта
Из-за гор и лесов.

Наклоняется ива
Над студеным ручьем,

И ручей торопливо
Говорит ни о чем,

Осторожный и звонкий,
Будто веретено,
То всплывает в воронке,
То уходит на дно.

1956—1965

РУСАЛКА

Западный ветер погнал облака.
Забеспокоилась Клязьма-река.

С первого августа дочке неможется,
Вон как скукожилась черная кожица.

Слушать не хочет ершей да плотвиц,
Губ не синит и не красит ресниц.

— Мама-река моя, я не упрямая,
Что ж это с гребнем не сладит рука моя?

Глянула в зеркало — я уж не та,
Канула в омут моя красота.

Замуж не вышла, детей не качала я,
Так почему ж я такая усталая?

Клонит ко сну меня, тянет ко дну,
Вот я прилягу, вот я усну.

— Свет мой, икринка, лягушечья спинушка,
Спи до весны, не кручинься, Иринушка!

1956

Я надену кольцо из железа,
Подтяну поясок и пойду на восток.
Бей, таежник, меня из обреза,
Жахни в сердце, браток, положи под кусток.

Схорони меня, друг, под осиной
И лицо мне прикрой придорожной парчой,
Чтобы пахло мне душистой овчиной,
Восковой свечой и медвежьей мочой.

Сам себя потерял я в России,
Вживе, как по суду,
Мимо дома бреду.
В муравьиное царство Кощея
Принесу, как приду, костяную дуду.

То ли в песне достоинство наше,
То ли в братстве с землей, то ли в смерти самой.
Кривды-матушки голос монаший
Зазвучит за спиной и пройдет стороной.

1957

АНЖЕЛО СЕККИ

— Прости, мой дорогой
мерцовский экваториал!

Слова Секки

Здесь, в Риме, после долгого изгнания,
Седой, полуслепой, полуживой,
Один среди небесного сиянья,
Стоит он с непокрытой головой.

Дыханье Рима — как сухие травы.
Привет тебе, последняя ступень!
Судьба лукава, и цари не правы,
А все-таки настал и этот день.

От мерцовского экваториала
Он старых рук не властен оторвать;
Урания не станет, как бывало,
В пустынной этой башне пировать.

Глотая горький воздух, гладит Секки
Давным-давно не чищенную медь.
— Прекрасный друг, расстанемся навеки,
Дай мне теперь спокойно умереть.

Он сходит по ступеням обветшалым
К небытию, во прах, на Страшный суд,
И ласточки над экваториалом,
Как вестницы забвения, спуют.

Еще ребенком я оплакал эту
Высокую, мне родственную тень,
Чтоб, вслед за ней пройдя по белу свету,
Благословить последнюю ступень.

1957

ПАУЛЬ КЛЕЕ

Жил да был художник Пауль Клее
Где-то за горами, над лугами.
Он сидел себе один в аллее
С разноцветными карандашами,

Рисовал квадраты и крючочки,
Африку, ребенка на перроне,
Дьяволенка в голубой сорочке,
Звезды и зверей на небосклоне.

Не хотел он, чтоб его рисунки
Были честным паспортом природы,
Где послушно строятся по струнке
Люди, кони, города и воды.

Он хотел, чтоб линии и пятна,
Как кузнечики в июльском звоне,
Говорили слитно и понятно.
И однажды утром на картоне

Проступили крылышко и темя:
Ангел смерти стал обозначаться.
Понял Клее, что настало время
С Музой и знакомыми прощаться.

Попрощался и скончался Клее.
Ничего не может быть печальней!
Если б Клее был немного злее,
Ангел смерти был бы натуральней.

И тогда с художником все вместе
Мы бы тоже сгнули со света,
Порастряс бы ангел наши кости.
Но скажите мне: на что нам это?

На погосте хуже, чем в музее,
Где порой вы бродите, живые,
И висят рядком картины Клее —
Голубые, желтые, блажные...

1957

РИФМА

Не высоко я ставлю силу эту:
И зяблики поют. Но почему
С рифмовником бродить по белу свету
Наперекор стихиям и уму
Так хочется и в смертный час поэту?

И как ребенок «мама» говорит,
И мечется, и требует покрова,
Так и душа в мешок своих обид
Швыряет, как плотву, живое слово:
За жабры — хватать! и рифмами двоит.

Сказать по правде, мы — уста пространства
И времени, но прячется в стихах
Кошечкой считалки постоянство.
Всему свой срок: живет в пещере страх,
В созвучье — допотопное шаманство.

И, может быть, семь тысяч лет пройдет,
Пока поэт, как жрец, благоговейно,
Коперника в стихах перепоеет,
А там, глядишь, дойдет и до Эйнштейна.
И я умру, и тот поэт умрет,

Но в смертный час попросит вдохновенья,
Чтобы успеть стихи досочинить:
— Еще одно дыханье и мгновенье!
Дай эту нить связать и раздвоить!
Ты помнишь рифмы влажное биенье?

1957

Кухарка жирная у скарעד
На сковородке мясо жарит,
И приправляет чесноком,
Шафраном, уксусом и перцем,
И побирушку за окном
Костит и проклинает с сердцем.

А я бы тоже съел кусок,
Погрыз бараний позвонок
И, как хозяин, кружку пива
Хватил и завалился спать:
Кляните, мол, судите криво,
Голодных сытым не понять.

У, как я голодал мальчишкой!
Тетрадь стихов таскал под мышкой,
Баранку на два дня делил:
Положишь на зубок ошибкой...
И стал жильем певучих сил,
Какой-то невесомой скрипкой.

Сквозил я, как рыбацья сеть,
И над землею мог висеть.
Осенний дождь, двойник мой серый,
Долдонил в уши свой рассказ,
В облаву милиционеры
Ходили сквозь меня не раз.

А фонари в цветных размывах
В тех переулках шелудивых,

Где летом шагу не ступить,
Чтобы влюбленных в подворотне
Не всполошить!.. Я, может быть,
Воров московских был бесплотней,

Я в спальни тенью проникал,
Летал, как пух из одеял,
И молодости клясть не буду
За росчерк звезд над головой,
За глупое пристрастье к чуду
И за карман дырявый свой.

1957

ИМЕНА

А ну-ка, Македонца или Пушкина
Попробуйте назвать не Александром,
А как-нибудь иначе!

Не пытайтесь.

Еще Петру Великому придумайте
Другое имя!

Ничего не выйдет.

Встречался вам когда-нибудь

юродивый,

Которого не называли Гришей?

Нет, не встречался, если не соврать!

И можно кожу заживо сорвать,

Но имя к нам так крепко

припечатано,

Что силы нет переименовать,

Хоть каждое затерто и захватано.

У нас не зря про имя говорят:

Оно —

Ни дать ни взять родимое пятно.

Недавно изобретена машинка:

Приставят к человеку и —

глядишь —

Ушная мочка, малая морщинка,

Ухмылка, крылышко ноздри, горбинка, —

Пищит, как бы комарик или мышь:

— Иван!

— Семен!

— Василий!

Худо, братцы,
Чужая кожа пристаёт к носам.

Есть многое на свете, друг Горацио,
Что и не снилось нашим мудрецам.

1957

МАЛИНОВКА

Душа и не глядит
на рифму конопляную,
Сидит, не чистит перышек,
не продувает горла:
Бывало, мол, и я
певала над поляною,
Сегодня, мол, не в голосе,
в зобу дыханье сперло.

Пускай душа чуть-чуть
распустится и сдвинется,
Хоть на пятнадцать градусов,
и этого довольно,
Чтобы вовсю пошла
свистать, как именинница,
И стало ей, малиновке,
и весело и больно.

Словарь у нас простой,
созвучья — из пословицы.
Попробуйте, подставьте ей
сиреневую ветку,
Она с любимым из вас
пошутит и условится
И с собственной тетрадкой
пойдет послушно в клетку.

1957

ЕЛЕНА МОЛОХОВЕЦ

...после чего отжимки можно отдать
на кухню людям.

Е. Молоховец.

Подарок молодым хозяйкам. 1911

Где ты, писательница малосольная,
Молоховец, холуйка малохольная,
Блаженство десятипудовых туш
Владетелей десяти тысяч душ?
В каком раю? чистилище? мучилище?
Костедробилище? А где твои леци
Со спаржей в зеве? раки бордозе?
Омары Крез? имперский майонез?
Кому ты с институтскими ужимками
Советуешь стерляжьими отжимками
Парадный опзрачивать бульон,
Чтоб золотым он стал, как миллион,
Отжимки слугам скармливать, чтоб ведали,
Чем нынче наниматели обедали?

Вот ты сидишь под ледяной скалой,
Перед тобою ледяной налой,
Ты вслух читаешь свой завет поваренный,
Тобой хозяйкам молодым подаренный,
И червь насытый у тебя в руке,
В другой — твой череп мямлит в дуршлаге.
Ночная тень, холодная, голодная,
Полубайстрючка, полублагородная...

1957

Я прощаюсь со всем, чем когда-то я был
И что я презирал, ненавидел, любил.

Начинается новая жизнь для меня,
И прощаюсь я с кожей вчерашнего дня.

Больше я от себя не желаю вестей
И прощаюсь с собою до мозга костей,

И уже, наконец, над собою стою,
Отделяю постылую душу мою,

В пустоте оставляю себя самого,
Равнодушно смотрю на себя — на него.

Здравствуй, здравствуй, моя ледяная броня,
Здравствуй, хлеб без меня и вино без меня,

Сновидения ночи и бабочки дня,
Здравствуй, всё без меня и вы все без меня!

Я читаю страницы неписанных книг,
Слышу круглого яблока круглый язык,

Слышу белого облака белую речь,
Но ни слова для вас не умею сберечь,

Потому что сосудом скудельным я был
И не знаю, зачем сам себя я разбил.

Больше сферы подвижной в руке не держу
И ни слова без слова я вам не скажу.

А когда-то во мне находили слова
Люди, рыбы и камни, листва и трава.

1957

СТАНЬ САМИМ СОБОЙ

Werde der du bist...

Gёте

Когда тебе придется туго,
Найдешь и сто рублей и друга.
Себя найти куда трудней,
Чем друга или сто рублей.

Ты вывернешься наизнанку,
Себя обшаришь спозаранку,
В одно смешиваешь явь и сны,
Увидишь мир со стороны

И все и всех найдешь в порядке.
А ты — как ряженный на святки —
Играешь в прятки сам с собой,
С твоим искусством и судьбой.

В чужом костюме ходит Гамлет
И кое-что про что-то мямлит, —
Он хочет Моисею играть,
А не врагов отца карать.

Из миллиона вероятий
Тебе одно придется кстати,
Но не дается, как назло,
Твое заветное число.

Загородил полнеба гений,
Не по тебе его ступени,
Но даже под его стопой
Ты должен стать самим собой.

Найдешь и у пророка слово,
Но слово лучше у немого,
И ярче краска у слепца,
Когда отыскан угол зренья
И ты при вспышке озаренья
Собой угадан до конца.

1957

ТЕЛЕФОНЫ

Номера — имена телефонов
Постигаются сразу, когда
Каждой вести пугаешься, тронув
Змеевидные их провода.

Десять букв алфавита без смысла,
Десять цифр из реестра судьбы
Сочетаются в странные числа
И гроба громоздят на горбы.

Их щемящему ритму покорный,
Начинаешь цвета различать,
Может статься, зеленый и черный
В-1-27-45.

И по номеру можно дознаться,
Кто стоит на другой стороне,
Если взять телефонные святцы
И разгадку найти, как во сне.

И особенно позднюю ночью,
В час, когда по ошибке звонят,
Можно челюсть увидеть воочью,
Подбирая число наугад.

1957

ВЕЩИ

Все меньше тех вещей, среди которых
Я в детстве жил, на свете остается.
Где лампы-«молнии»? Где черный порох?
Где черная вода со дна колодца?

Где «Остров мертвых» в декадентской раме?
Где плюшевые красные диваны?
Где фотографии мужчин с усами?
Где тростниковые аэропланы?

Где Надсона чахоточный трехдольник,
Визитки на красавцах-адвокатах,
Пахучие калоши «Треугольник»
И страусова нега плеч покатых?

Где кудри символистов полупьяных?
Где рослых футуристов затрапезы?
Где лозунги на липах и каштанах,
Бандитов сумасшедшие обрезы?

Где твердый знак и буква «ять» с «фитою»?
Одно ушло, другое изменилось,
И что не отделялось запятою,
То запятой и смертью отделилось.

Я сделал для грядущего так мало,
Но только по грядущему тоскую
И не желаю начинать сначала:
Быть может, я работал не впустую.

А где у новых спутников порука,
Что мне принадлежат они по праву?
Я посягаю на игрушки внука,
Хлеб правнуков, праправнукову славу.

1957

ФОТОГРАФИЯ

О. М. Грудцовой

В сердце дунет ветер тонкий,
И летишь, летишь стремглав,
А любовь на фотопленке
Душу держит за рукав,

У забвения, как птица,
По зерну крадет — и что ж?
Не пускает распылиться,
Хоть и умер, а живешь —

Не вовсю, а в сотой доле,
Под сурдинку и во сне,
Словно бродишь где-то в поле
В запредельной стороне.

Всё, что мило, зримо, живо,
Повторяет свой полет,
Если ангел объектива
Под крыло твой мир берет.

1957

КОНЕЦ НАВИГАЦИИ

В затонах остывают пароходы,
Чернильные загустевают воды,
Свинцовая темнеет белизна,
И если впрямь земля болеет нами,
То стала выздоравливать она —
Такие звезды блещут над снегами,
Такая наступила тишина,
И — Боже мой! — из ледяного плена
Едва звучит последняя сирена.

1957

БАЛЕТ

Пиликает скрипка, гудит барабан,
И флейта свистит по-эльзасски,
На сцену въезжает картонный рыдван
С раскрашенной куклой из сказки.

Оттуда ее вынимает партнер,
Под ляжку подставив ей руку,
И тащит силком на гостиничный двор
К пиратам на верную муку.

Те точат кинжалы, и крутят усы,
И топают в такт каблуками,
Карманные враз вынимают часы
И дико сверкают белками, —

Мол, резать пора! Но в клубничном трико,
В свом лебедином крахмале,
Над рампою прима взлетает легко,
И что-то вибрирует в зале.

Сценической чуши магический ток
Находит, как свист соловьиный,
И пробует волю твою на зубок
Холодный расчет балерины.

И весь этот пот, этот грим, этот клей,
Смущавшие вкус твой и чувства,

Уже завладели душою твоей.
Так что же такое искусство?

Наверное, будет угадана связь
Меж сценой и Дантовым адом,
Иначе откуда бы площадь взялась
Со всей это шушерой рядом?

1957

СТИХИ ИЗ ДЕТСКОЙ ТЕТРАДИ

...О, мать Ахайя,
Пробудись, я твой лучник последний...
Из тетради 1921 года

Почему захотелось мне снова,
Как в далекие детские годы,
Ради шутки не тратить ни слова,
Сочинять величавые оды,

Штурмовать олимпийские кручи,
Нимф искать по лазурным пещерам
И гекзаметр без всяких созвучий
Предпочесть новомодным размерам?

Географию древнего мира
На четверку я помню, как в детстве,
И могла бы Алкеева лира
У меня оказаться в наследстве.

Надо мной не смеялись матросы.
Я читал им:

«О, мать Ахайя!»
Мне дарили они папирасы,
По какой-то Ахайе вздыхая.

За гекзаметр в холодном вокзале,
Где жила молодая свобода,
Мне военные люди давали
Черный хлеб двадцать первого года.

Значит, шел я по верной дороге,
По кремнистой дороге поэта,

И неправда, что Пан козлоногий
До меня еще сгинул со света.

Босиком, но в буденновском шлеме,
Бедный мальчик в священном дурмане,
Верен той же аттической теме,
Я блуждал без копейки в кармане.

Ямб затасканный, рифма плохая —
Только бредни, постылые бредни,
И достойней:

 «О, мать Ахайя,
Пробудись, я твой лучник последний...»

1958

БЕССОННИЦА

Мебель трескается по ночам.
Где-то каплет из водопровода.

От вседневного груза плечам
В эту пору дается свобода,
В эту пору даются вещам
Бессловесные души людские,
И слепые,

немые,

глухие

Разбредаются по этажам.
В эту пору часы городские
Шлют секунды

туда

и сюда,

И плетутся хромые,

кривые,

Подымаются в лифте живые,
Неживые

и полуживые,

Ждут в потемках, где каплет вода,
Вынимают из сумок стаканы
И приплясывают, как цыганы,
За дверями стоят, как беда,
Сверла медленно вводят в затворы
И сейчас оборвут провода.
Но скорее они — кредиторы
И пришли навсегда, навсегда,

И счета принесли.

Невозможно

Воду в ступе, не спавши, толочь,

Невозможно заснуть, — так

тревожна

Для покоя нам данная ночь.

1958

СИНИЦЫ

В снегу, под небом синим,
а меж ветвей — зеленым,
Стояли мы и ждали
подарка на дорожке.
Синицы полетели
с неизъяснимым звоном,
Как в греческой кофейне
серебряные ложки.

Могло бы показаться,
что там невесть откуда
Идет морская синька
на белый камень мола,
И вдруг из рук служанки
под стол летит посуда,
И ложки подбирает,
бранясь, хозяин с пола.

1958

ТЕЛЕЦ, ОРИОН, БОЛЬШОЙ ПЕС

Могучая архитектура ночи!
Рабочий ангел купол повернул,
Вращающийся на древесных кронах,
И обозначились между стволами
Проемы черные, как в старой церкви,
Забытой Богом и людьми.

Но там
Взошли мои алмазные Плеяды.
Семь струн привязывает к ним Сапфо
И говорит:

«Взошли мои Плеяды.
А я одна в постели, я одна.
Одна в постели!»

Ниже и левей
В горячем персиковом блеске встали,
Как жертва у престола, золотые
Рога Тельца
и глаз его, горящий
Среди Гиад,
как Ветхого Завета
Еще одна скрижаль.
Проходит время,
Но — что мне время?
Я терпелив,
я подождать могу,
Пока взойдет за жертвенным Тельцом
Немыслимое чудо Ориона,
Как бабочка безумная, с купелью

В своих скрипучих проволочных
лапках,
Где были крещены Земля и Солнце.

Я подожду,
пока в лучах стеклянных
Сам Сириус —
с египетской, загробной,
собачьей головой —
Взойдет.

Мне раз еще увидеть суждено
Сверкающее это полотенце,
Божественную перемышку счастья,
И что бы люди там ни говорили —
Я доживу, переберу позвездно,
Пересчитаю их по каталогу,
Перечитаю их по книге ночи.

1958

ЗАТМЕНИЕ СОЛНЦА. 1914

В то лето народное горе
Надело железную цепь,
И тлела по самое море
Сухая и пыльная степь,

И пóд вечер горькие дали,
Как душная бабья душа,
Багровой тревогой дышали
И Бога хулили, греша.

А утром в село на задворки
Пришел дезертир босиком,
В белесой своей гимнастерке,
С голодным и темным лицом,

И, словно из церкви икона,
Смотрел он, как шел на ущерб
По ржавому дну небосклона
Алмазный сверкающий серп.

Запомнил я взгляд без движенья,
Совсем из державы иной,
И понял печать отчужденья
В глазах, обожженных войной.

И стало темно. И в молчанье,
Зеленом, глубоком как сон,

Ушел он и мне на прощанье
Оставил ружейный патрон.

Но сразу, по первой примете,
Узнать ослепительный свет...

.....

Как много я прожил на свете!
Столетие! Тысячу лет!

1958

ГРЕЧЕСКАЯ КОФЕЙНЯ

Где белый камень в диком блеске
Глодает синьку вод морских,
Грек Ламбринуди в красной феске
Ждал посетителей своих.

Они развешивали сети,
Распутывали полавки
И, улыбаясь точно дети,
Натягивали пиджаки.

— Входите, дорогие гости,
Сегодня кофе как вино! —
И долго в греческой кофейне
Гремели кости
Домино.

А чашки разносила Зоя,
И что-то нежное и злое
Скрывала медленная речь,
Как будто море кружевное
Спадало с этих узких плеч.

1958

Я долго добивался,
Чтоб из стихов своих
Я сам не порывался
Уйти, как лишний стих.

Где свистуны свистели
И щелкал щелкопер,
Я сам свое веселье
Отправил под топор.

Быть может, идиотство
Сполна платить судьбой
За паспортное сходство
Строки с самим собой.

А все-таки уставляю
Свои глаза на вас,
Себя в живых оставляю
Навек или на час,

Оставляю в каждом звуке
И в каждой запятой
Натруженные руки
И трезвый опыт свой.

Вот почему без страха
Смотрю себе вперед,
Хоть рифма, точно плаха,
Меня сама берет.

1958

ПЕТРОВСКИЕ КАЗНИ

Передо мною плаха
На площади встает,
Червонная рубаха
Забыться не дает.

По лугу волю славить
С косой идет косарь.
Идет Москву кровавить
Московский государь.

Стрельцы, гасите свечи!
Вам, косарям, ворам,
Ломать крутые плечи
Идет последний срам.

У, буркалы Петровы,
Навыкате белки!
Холстинные обновы.
Сынки мои, сынки!

1958

* * *

Мы шли босые, злые,
И, как под снег ракита,
Ложилась мать Россия
Под конские копыта.

Стояли мы у стенки,
Где холодом тянуло,
Выкатывая zenки,
Смотрели прямо в дуло.

Кто знает щучье слово,
Чтоб из земли солдата,
Не подымали снова
Убитого когда-то?

1958

ИЗ ОКНА

Еще мои руки не связаны,
Глаза не взглянули в последний,
Последние рифмы не сказаны,
Не пахнет венками в передней.

Наверчены звездные линии
На северном полюсе мира,
И прямоугольная, синяя
В окно мое вдвинута лира.

А ниже — бульвары и здания
В кристальном скрипичном напеве, —
Как будущее, как сказание,
Как Будда у матери в чреве.

1958

ЧЕТВЕРТАЯ ПАЛАТА

Девочке в сером халате,
Аньке из детского дома,
В женской четвертой палате
Каждая малость знакома —

Кружка и запах лекарства,
Няньки дежурной указки
И тридевятое царство —
Пятна и трещины в краске.

Будто синица из клетки,
Глянет из-под одеяла:
Не просыпались соседки,
Утро еще не настало?

Востренький нос, восковые
Пальцы, льняная косица.
Мимо проходят живые.
— Что тебе, Анька?

— Не спится.

Ангел больничный за шторой
Светит одеждой туманной.

— Я за больной.

— За которой?

— Я за детдомовской Анной.

1958

ЛАЗУРНЫЙ ЛУЧ

Тогда я запер на замок двери своего
дома и ушел вместе с другими.

Г. Уэллс

Сам не знаю, что со мною:
И последыш, и пророк,
Что ни сбудется с землею,
Вижу вдоль и поперек.

Кто у мачехи-Европы
Молока не воровал?
Мотоциклы, как циклопы,
Заглотали перевал,

Шелестящие машины
Держат путь на океан,
И горячий дух резины
Дышит в пеших горожан.

Слесаря, портные, прачки
По шоссе, как муравьи,
Катят каторжные тачки,
Волокут узлы свои.

Потеряла мать ребенка,
Воздух ловит рыбьим ртом,
А из рук торчит пеленка
И бутылка с молоком.

Паралитик на коляске
Боком валится в кювет,

Бельма вылезли из маски,
Никому и дела нет.

Спотыкается священник
И бормочет:

— Умер Бог, —
Голубки бумажных денег
Вылетают из-под ног.

К пристаням нельзя пробиться,
И Европа пред собой
Смотрит, как самоубийца,
Не мигая, на прибор.

В океане по колена,
Белый и большой, как бык,
У причала роет пену,
Накреньясь, «трансатлантик».

А еще одно мгновенье —
И от Страшного суда,
Как надежда на спасенье,
Он отвалит навсегда.

По сто раз на дню, как брата,
Распинали вы меня,
Нет вам к прошлому возврата,
Вам подземка не броня.

— Ууу-ла! Ууу-ла! —
марсиане

Воют на краю Земли,
И лазурный луч в тумане
Их треножники зажгли.

ИВАНОВА ИВА

Иван до войны проходил у ручья,
Где выросла ива неведомо чья.

Не знали, зачем на ручей налегла,
А это Иванова ива была.

В своей плащ-палатке, убитый в бою,
Иван возвратился под иву свою.

Иванова ива,
Иванова ива,
Как белая лодка, плывет по ручью.

1958

Сирени вы, сирени,
И как вам не тяжёл
Застывший в трудном крене
Альтовый гомон пчел?

Осталось нетерпенье
От юности моей
В горячей вашей пене
И в глубине теней.

А какдохнет по пчелам
И пробежит гроза
И ситцевым подолом
Ударит мне в глаза —

Пойдет прохлада низом
Траву в коленях гнуть,
И дождь по гроздьям сизым
Покажется, как ртуть.

Под вечер — вёдро снова,
И, верно, в том и суть,
Чтоб хоть силком смычковый
Лиловый гуд вернуть.

1958

ПОСРЕДИНЕ МИРА

Я человек, я посредине мира,
За мною мириады инфузорий,
Передо мною мириады звезд.
Я между ними лег во весь свой рост —
Два берега связующее море,
Два космоса соединивший мост.

Я Нестор, летописец мезозоя,
Времен грядущих я Иеремия.
Держа в руках часы и календарь,
Я в будущее втянут, как Россия,
И прошлое клянусь, как нищий царь.

Я больше мертвецов о смерти знаю,
Я из живого самое живое.
И — Боже мой! — какой-то мотылек,
Как девочка, смеется надо мною,
Как золотого шелка лоскуток.

1958

РАННЯЯ ВЕСНА

Эй, в черном ситчике, неряха городская,
Ну, здравствуй, мать-весна! Ты вон теперь какая:
Расселась — ноги вниз — на Каменном мосту
И первых ласточек бросает в пустоту.

Девчонки-писанки с короткими носами,
Как на экваторе, толкутся под часами
В древнеегипетских ребристых башмаках,
С цветами желтыми в русалочьих руках.

Как не спешить туда взволнованным студентам,
Французам в дудочках, с владимирским акцентом,
Рабочим молодым, жрецам различных муз
И ловким служащим, бежавшим брачных уз?

Но дворник с номером косится исподлобья,
Пока троллейбусы проходят, как надгробья,
И я бегу в метро, где, у Москвы в плену,
Огромный базилевс залег во всю длину.

Там нет ни времени, ни смерти, ни апреля,
Там дышит ровное забвение без хмеля,
И ровное тепло подземных городов,
И ровный узкий свист летучих поездов.

1958

МАЛЮТКА-ЖИЗНЬ

Я жизнь люблю и умереть боюсь.
Взглянули бы, как я под током бьюсь
И гнусь, как язь в руках у рыболова,
Когда я перевоплощаюсь в слово.

Но я не рыба и не рыболов.
И я из обитателей углов,
Похожий на Раскольникова с виду.
Как скрипку, я держу свою обиду.

Терзай меня — не изменюсь в лице.
Жизнь хороша, особенно в конце,
Хоть под дождем и без гроша в кармане,
Хоть в Судный день — с иглой в гортани.

А! Этот сон! Малютка-жизнь, дыши,
Возьми мои последние гроши,
Не отпускай меня вниз головою
В пространство мировое, шаровое!

1958

ЗИМОЙ

Куда меня ведет подруга —
Моя судьба, моя судьба?
Бредем, теряя кромку круга
И спотыкаясь о гроба.

Не видно месяца над нами,
В сугробах вязнут костыли,
И души белыми глазами
Глядят вослед поверх земли.

Ты помнишь ли, скажи, старуха,
Как проходили мы с тобой
Под этой каменной стеной
Зимою снежной в час ночной
Давным-давно, и так же глухо
Вполголоса и в четверть слуха
Гудело эхо за спиной?

1958

Над черно-сизой ямою
И жухлым снегом в яме
Заплакала душа моя
Прощальными слезами.

Со скрежетом подъемные
Ворочаются краны
И сыплют шлак в огромные
Расхристанные раны,

Губастые бульдозеры,
Дрожа по-человечьи,
Асфальтовое озеро
Гребут себе под плечи.

Безбровая, безбольная,
Еще в родильной глине,
Встает прямоугольная
Бетонная богиня.

Здесь будет сад с эстрадами
Для скрипок и кларнетов,
Цветной бассейн с наядами
И музыки для поэтов.

А ты, душа-чердачница,
О чем затосковала?
Тебе ли, неудачница,
Твоей удачи мало?

Прощай, житье московское,
Где ты любить училась,
Петровско-Разумовское,
Прощайте, ваша милость!

Истцы, купцы, повытчики,
И что в вас было б толку,
Когда б не снег на ситчике,
Накинутом на челку.

Эх, маков цвет, мещанское
Житьишко за заставой!
Я по линейке странствую,
И правый и неправый.

1958

УТРО В ВЕНЕ

Где ветер бросает ножи
В стекло министерств и музеев,
С насмешливым свистом стрижи
Стригут комаров-ротозеев.

Оттуда на город забот,
Работ и вечерней зевоты,
На роботов Моцарт ведет
Свои насекомые ноты.

Живи, дорогая свирель!
Под праздник мы пол натирали,
И в окна посыпался хмель —
На каждого по сто спиралей.

И если уж смысла искать
В таком суматошном концерте,
То молодость, правду сказать,
Под старость опаснее смерти.

1958

ГОЛУБИ

Семь голубей — семь дней недели
Склевали корм и улетели,
На смену этим голубям
Другие прилетают к нам.

Живем, считаем по семерке,
В последней стае только пять,
И наши старые задворки
На небо жалко променять.

Тут наши сизари воркуют,
По кругу ходят и жалкуют,
Асфальт крупитчатый клюют
И на поминках дождик пьют.

1958

· ДОМ НАПРОТИВ

Ломали старый деревянный дом.
Уехали жильцы со всем добром —

С диванами, кастрюлями, цветами,
Косыми зеркалами и котами.

Старик взглянул на дом с грузовика,
И время подхватило старика,

И все осталось навсегда как было.
Но обнажились между тем стропила,

Забрезжила в проемах без стекла
Сухая пыль, и выступила мгла.

Остались в доме сны, воспоминанья,
Забутые надежды и желанья.

Сруб разобрали, бревна увезли.
Но ни на шаг от милой им земли

Не отходили призраки былого,
И про рябину песню пели снова,

На свадьбах пили белое вино,
Ходили на работу и в кино,

Гробы на полотенцах выносили,
И друг у друга денег в долг просили,

И спали парами в пуховиках,
И первенцев держали на руках,

Пока железная десна машины
Не выгрызла их шелудивой глины,

Пока над ними кран, как буква «Г»,
Не повернулся на одной ноге.

1958

ПОЭТЫ

Мы звезды меняем на птичьи кларнеты
И флейты, пока еще живы поэты,
И флейты — на синие щетки цветов,
Трещотки стрекоз и кнуты пастухов.

Как странно подумать, что мы променяли
На рифмы, в которых так много печали,
На голос, в котором и присвист и жечь,
Свою корневую, подземную честь.

А вы нас любили, а вы нас хвалили,
Так что ж вы лежите могила к могиле
И молча плывете, в ладьях накреньясь,
Косарь и псалтырщик, и плотничий князь?

1958

* * *

Пускай меня простит Винсент Ван-Гог
За то, что я помочь ему не мог,

За то, что я травы ему под ноги
Не постелил на выжженной дороге,

За то, что я не развязал шнурков
Его крестьянских пыльных башмаков,

За то, что в зной не дал ему напиться,
Не помешал в больнице застрелиться.

Стою себе, а надо мной навис
Закрученный, как пламя, кипарис.

Лимонный крон и темно-голубое, —
Без них не стал бы я самим собою;

Унизил бы я собственную речь,
Когда б чужую ношу сбросил с плеч.

А эта грубость ангела, с какою
Он свой мазок роднит с моей строкою,

Ведет и вас через его зрачок
Туда, где дышит звездами Ван-Гог.

1958

ТИТАНИЯ

Прямых стволов благословение
И млечный пар над головой,
И я ложусь в листву осеннюю,
Дышу подспудицей грибной.

Мне грешная моя, невинная
Земля моя передает
Свое терпенье муравьиное
И душу крепкую, как йод.

Кончаются мои скитания.
Я в лабиринт корней войду
И твой престол найду, Титания,
В твоей державе пропаду.

Что мне в моем погибшем имени?
Твой ржавый лист — моя броня.
Кляни меня, но не гони меня,
Убей, но не гони меня.

1958

МОГИЛА ПОЭТА

Памяти Н. А. Заболоцкого

I

За мертвым сиротливо и пугливо
Душа тянулась из последних сил,
Но мне была бессмертьем перспектива
В минувшем исчезающих могил.

Листва, трава — все было слишком живо,
Как будто лупу кто-то положил
На этот мир смущенного порыва,
На эту сеть пульсирующих жил.

Вернулся я домой, и вымыл руки,
И лег, закрыв глаза. И в смутном звуке,
Проникшем в комнату из-за окна,

И в сумерках, нависших, как в предгрозье,
Без всякого бессмертья, в грубой прозе
И наготе стояла смерть одна.

1958

II

Венков еловых птичьих лапки
В снегу остались от живых.
Твоя могила в белой шапке,
Как царь, проходит мимо них

Туда, к распахнутым воротам,
Где ты не прах, не человек,
И в облаках за поворотом
Восходит снежный твой ковчег.

Не человек; а череп века,
Его чело, язык и медь.

Заката огненное веко
Не может в небе догореть.

1959

ТЕМНЕЕТ

Какое счастье у меня украли!
Когда бы ты пришла в тот страшный год,
В орлянку бы тебя не проиграли,
Души бы не пустили в оборот.

Мне девочка с венгерскою шарманкой
Поет с надрывной хрипотой о том,
Как вывернуло время вверх изнанкой
Твою судьбу под проливным дождем.

И старческой рукою моет стекла
Сентябрьский ветер, и уходит прочь,
И челка у шарманщицы намокла,
И вот уже у нас в предместье — ночь.

1958

Т. О.-Т.

Вечерний, сизокрылый,
Благословенный свет!
Я словно из могилы
Смотрю тебе вослед.

Благодарю за каждый
Глоток воды живой,
В часы последней жажды
Подаренный тобой.

За каждое движенье
Твоих прохладных рук,
За то, что утешенья
Не нахожу вокруг.

За то, что ты надежды
Уводишь, уходя,
И ткань твоей одежды
Из ветра и дождя.

1958

ОЛИВЫ

Марине Т.

Дорога ведет под обрыв,
Где стала трава на колени
И призраки диких олив,
На камни рога положив,
Застыли, как стадо оленей.
Мне странно, что я еще жив
Средь стольких могил и видений.

Я сторож вечерних часов
И серой листвы надо мною.
Осеннее небо мой кров.
Не помню я собственных снов
И слез твоих поздних не стою.
Давно у меня за спиною
Задвинут железный засов.

А где-то судьба моя прячет
Ключи у степного костра,
И спутник ее до утра
В багровой рубахе маячит.
Ключи она прячет и плачет
О том, что ей песня сестра
И в путь собираться пора.

Седые оливы, рога мне
Кладите на плечи теперь,
Кладите рога, как на камни:
Святой колыбелью была мне
Земля похорон и потерь.

1958

* * *

На черной трубе погорелого дома
Орел отдыхает в безлюдной степи.
Так вот, что мне с детства так горько знакомо:
Видение цезарианского Рима —
Горбатый орел, и ни дома, ни дыма...
А ты, мое сердце, и это стерпи.

1958

КО́РА

Когда я вечную разлуку
Хлебну, как ледяную ртуть,
Не уходи, но дай мне руку
И проводи в последний путь.

Постой у смертного порога
До темноты, как луч дневной,
Побудь со мной еще немного
Хоть в трех аршинах надо мной.

Ужасный рот царицы Кору
Улыбкой привечает нас,
И душу обнажают взоры
Ее слепых загробных глаз.

1958

АКТЕР

Всё кончается, как по звонку,
На убогой театральной сцене
Дранкой вверх несут мою тоску —
Душные лиловые сирени.

Я стою хмелён и одиноко,
Будто нищий над своею шапкой,
А моя любимая со щек
Маков цвет стирает сальной тряпкой.

Я искусство ваше презирал.
С чем еще мне жизнь сравнить, скажите,
Если кто-то роль мою сыграл
На вертушке роковых событий?

Где же ты, счастливый мой двойник?
Ты, видать, увел меня с собою,
Потому что здесь чужой старик
Ссорится у зеркала с судьбою.

1958

СЕРЕБРЯНЫЕ РУКИ

Девочка Серебряные Руки
Заблудилась под вечер в лесу.
В ста шагах разбойники от скуки
Свистом держат птицу на весу.

Кони спотыкаются лихие,
Как бутылки, хлопают стрельба,
Птичьи гнезда и сучки сухие
Обирает поверху судьба.

— Ой, березы, вы мои березы,
Вы мои пречистые ручьи,
Расступитесь и омойте слезы,
Расплетите косыньки мои,

Приоденьте корнем и травкою,
Положите на свою кровать,
Помешайте злобе и разбою
Руки мои белые отнять!

1959

ДЕРЕВО ЖАННЫ :

Мне говорят, а я уже не слышу,
Что́ говорят. Моя душа к себе
Прислушивается, как Жанна д'Арк.
Какие голоса тогда поют!

И управлять я научился ими:
То флейты вызываю, то фаготы,
То арфы. Иногда я просыпаюсь,
А все уже давным-давно звучит,
И кажется — финал не за горами.

Привет тебе, высокий ствол и ветви
Упругие, с листвой зелено-ржавой,
Таинственное дерево, откуда
Ко мне слетает птица первой ноты.

Но стоит взяться мне за карандаш,
Чтоб записать словами гул литавров,
Охотничьи сигналы духовых,
Весенние размытые порывы
Смычков, — я понимаю, что со мной:
Душа к губам прикладывает палец —
Молчи! Молчи!

И все, чем смерть жива
И жизнь сложна, приобретает новый,
Прозрачный, очевидный, как стекло,
Внезапный смысл. И я молчу, но я
Весь без остатка, весь как есть — в раструбе
Воронки, полной утреннего шума.
Вот почему, когда мы умираем,

Оказывается, что ни полслова
Не написали о себе самих,
И то, что прежде нам казалось нами,
Идет по кругу
Спокойно, отчужденно, вне сравнений
И нас уже в себе не заключает.

Ах, Жанна, Жанна, маленькая Жанна!
Пусть коронован твой король, — какая
Заслуга в том? Шумит волшебный дуб,
И что-то голос говорит, а ты
Огнем горишь в рубахе не по росту.

1959

ПОЭТ НАЧАЛА ВЕКА

Твой каждый стих — как чаша яда,
Как жизнь, спаленная грехом,
И я дышу, хоть и не надо,
Нельзя дышать твоим стихом.

Ты — бедный мальчик сумасшедший,
С каких-то белых похорон
На пиршество друзей приведший
Колоколов прощальный звон.

Прости меня, я как в тумане
Приникну к твоему плащу
И в черной затвердевшей ткани
Такую стужу отыщу,

Такой возврат невыносимый
Смертельной юности моей,
Что гул погибельной Цусимы
Твоих созвучий не страшней.

Тогда я стираю руки
И путь держу на твой магнит.
А на земле —
 «В последней муке
Внизу душа моя скорбит».

1959

ПРЕВРАЩЕНИЕ

Я безупречно был вооружен,
И понял я, что мне клинок не нужен,
Что дудкой Марса я заморожен
И в боевых доспехах безоружен,
Что с плеч моих плывет на землю гнет,
Куда меня судьба ни повернет.

Что тяжек я всей тяжестью земною,
Как якорь, волочащийся по дну,
И цепь разматывается за мною,
А я себя матросам не верну...
И пожелал я
 легкости небесной,
Сестры чудесной
 поросли древесной.

И — Бог свидетель — я открыл лицо,
И ласточки снуют, как пальцы пряжи,
Трава просовывает копьцо
Сквозь каждое кольцо моей рубахи.
Лежу, —
 а жилы чудом сращены
С хрящами придорожной бузины.

1959

В ДОРОГЕ

Где черный ветер, как налетчик,
Поет на языке блатном,
Проходит путевой обходчик,
Во всей степи один с огнем.

Над полосую отчужденья
Фонарь качается в руке,
Как два крыла из сновиденья
В середине ночи на реке.

И в желтом колыбельном свете
У мирозданья на краю
Я по единственной примете
Родную землю узнаю.

Есть в рельсах железнодорожных
Пророческий и смутный зов
Благословенных, невозможных,
Не спящих ночью городов.

И осторожно, как художник,
Следит проезжий за огнем,
Покуда железнодорожник
Не пропадет в краю степном.

1959

ЭСХИЛ

В обнимку с молодостью, второпях
Чурался я отцовского наследия
И не приметил, как в моих стихах
Свила гнездо Эсхилова трагедия.

Почти касаясь клюва и когтей,
Обманутый тысячелетней сказкою,
С огнем и я играл, как Прометей,
Пока не рухнул на́ гору кавказскую.

Гонца богов, мальчишку, холуя,
На крылышках снующего над сценою,
— Смотри, — молю, — вот кровь и кость моя,
Иди, возьми что хочешь, хоть вселенную!

Никто из хора не спасет меня,
Не крикнет: «Смилуйся или добей его!»
И каждый стих, звучащий дольше дня,
Живет все той же казнью Прометеевой.

1959

Вы, жившие на свете до меня,
Моя броня и кровная родня
От Алигьери до Скиапарелли,
Спасибо вам, вы хорошо горели.

А разве я не хорошо горю
И разве равнодушием корю
Вас, для кого я столько жил на свете,
Трава и звезды, бабочки и дети?

Мне шапку бы и пред тобою снять,
Мой город —
 весь как нотная тетрадь,
Еще не тронутая вдохновеньем,
Пока июль по каменным ступеням
Литаврами не катится к реке,
Пока перо не прикипит к руке...

1959

КАРЛОВЫ ВАРЫ

Даже песня дается недаром,
И уж если намучились мы,
То какими дрожжами и жаром
Здесь когда-то вздымало холмы?

А холмам на широкую спину,
Как в седло, посадили кремли
И с ячменных полей десятину
В добрый Пильзен варить повезли.

Расцветай же, как лучшая роза
В наилучшем трехмерном плену,
Дорогая житейская проза,
Воспитавшая эту страну.

Пойте, честные чешские птицы,
Пойте, птицы, пока по холмам
Бродит грузный и розоволицый
Старый Гёте, столь преданный вам.

1959

СОКРАТ

Я не хочу ни власти над людьми,
Ни почестей, ни войн победоносных.
Пусть я застыну, как смола на соснах,
Но я не царь, я из другой семьи.

Дано и вам, мою цикуту пьющим,
Пригубить немоту и глухоту.
Мне рубище раба не по хребту,
Я не один, но мы еще в грядущем.

Я плоть от вашей плоти, высота
Всех гор земных и глубина морская.
Как раковину мир переполняя,
Шумит по-олимпийски пустота.

1959

ВЕТЕР

Душа моя затосковала ночью.

А я любил изорванную в клочья,
Исхлестанную ветром темноту
И звезды, брезжущие на лету
Над мокрыми сентябрьскими садами,
Как бабочки с незрячими глазами,
И на цыганской масляной реке
Шатучий мост, и женщину в платке,
Спадавшем с плеч над медленной водою,
И эти руки, как перед бедою.

И кажется, она была жива,
Жива, как прежде, но ее слова
Из влажных «Л» теперь не означали
Ни счастья, ни желаний, ни печали,
И больше мысль не связывала их,
Как повелось на свете у живых.

Слова горели, как под ветром свечи,
И гасли, словно ей легло на плечи
Все горе всех времен. Мы рядом шли,
Но этой горькой, как полынь, земли
Она уже стопами не касалась
И мне живую больше не казалась.

Когда-то имя было у нее.
Сентябрьский ветер и ко мне в жилье
Врывается —

то лязгает замками,

То волосы мне трогает руками.

1959

КОМИТАС

Ничего душа не хочет
И, не открывая глаз,
В небо смотрит и бормочет,
Как безумный Комитас.

Медленно идут светила
По спирали в вышине,
Будто их заговорила
Сила, спящая во мне.

Вся в крови моя рубаха,
Потому что и меня
Обдувает ветром страха
Стародавняя резня.

И опять Айя-Софии
Камень ходит предо мной,
И земля ступни босые
Обжигает мне золой.

Лазарь вышел из гробницы,
А ему и дела нет,
Что летит в его глазницы
Белый яблоневый цвет.

До утра в гортани воздух
Шелушится, как слюда,
И стоит в багровых звездах
Кривда Страшного суда.

1959

Мы крепко связаны разладом,
Столетия нас не развели.
Я волхв, ты волк, мы где-то рядом
В текучем словаре земли.

Держась бок ó бок, как слепые,
Руководимые судьбой,
В бессмертном словаре России
Мы оба смертники с тобой.

У русской песни есть обычай
По капле брать у крови в долг
И стать твоей ночной добычей.
На то и волхв, на то и волк.

Снег, как на бойне, пахнет сладко,
И ни звезды над степью нет.
Да и тебе, старик, свинчаткой
Еще перешибут хребет.

1960

ПОСЛЕ ВОЙНЫ

I

Как дерево поверх лесной травы
Распластывает листьев пятерню
И, опираясь о кустарник, вкось,
И вширь, и вверх распространяет ветви,
Я вытянулся понемногу. Мышцы
Набухли у меня, и раздалась
Грудная клетка. Легкие мои
Наполнил до мельчайших альвеол
Колючий спирт из голубого кубка,
И сердце взяло кровь из жил, и жилам
Вернуло кровь, и снова взяло кровь,
И было это как преображенье
Простого счастья и простого горя
В прелюдию и фугу для органа.

II

Меня хватило бы на все живое —
И на растения, и на людей,
В то время умиравших где-то рядом
И где-то на другом конце земли
В страданиях немыслимых, как Марсий,
С которого содрали кожу. Я бы
Ничуть не стал, отдав им жизнь, бедней
Ни жизнью, ни самим собой, ни кровью.

Но сам я стал как Марсий. Долго жил
Среди живых, и сам я стал как Марсий.

III

Бывает, в летнюю жару лежишь
И смотришь в небо, и горячий воздух
Качается, как люлька, над тобой,
И вдруг находишь странный угол чувств:
Есть в этой люльке щель, и сквозь нее
Проходит холод запредельный, будто
Какая-то иголка ледяная...

IV

Как дерево с подмытого обрыва,
Разбрызгивая землю над собой,
Обрушивается корнями вверх,
И быстрина перебирает ветви,
Так мой двойник по быстрине иной
Из будущего в прошлое уходит.
Вослед себе я с высоты смотрю
И за́ сердце хватаюсь. Кто мне дал
Трепещущие ветви, мощный ствол
И слабые, беспомощные корни?
Тлетворна смерть, но жизнь еще тлетворней,
И необуздан жизни произвол.

Уходишь, Лазарь? Что же, уходи!
Еще горит полнеба за спиною.
Нет больше связи меж тобой и мною.
Спи, жизнелюбец! Руки на груди
Сложи и спи!

Приди, возьми, мне ничего не надо,
Люблю — отдам и не люблю — отдам.

Я заменить хочу тебя, но если
Я говорю, что перейду в тебя,
Не верь мне, бедное дитя, я лгу...

О, эти руки с пальцами, как лозы,
Открытые и влажные глаза,
И раковины маленьких ушей,
Как блюдца, полные любовной песни,
И крылья, ветром выгнутые круто...

Не верь мне, бедное дитя, я лгу,
Я буду порываться, как казнимый,
Но не могу я через отчужденье
Переступить, и не могу твоим
Крылом плеснуть, и не могу мизинцем
Твоим коснуться глаз твоих, глазами
Твоими посмотреть. Ты во сто крат
Сильней меня, ты — песня о себе,
А я — наместник дерева и Бога,
И осужден твоим судом за песню.

1960—1969

ОДА

Мало мне воздуха, мало мне хлеба,
Льды, как сорочку, сорвать бы мне с плеч,
В горло вобрать бы лучистое небо,
Между двумя океанами лечь,
Под ноги лечь у тебя на дороге
Звездной песчинкою в звездный песок,
Чтоб над тобою крылатые боги
Перелетали с цветка на цветок.

Ты бы могла появиться и раньше
И приоткрыть мне твою высоту,
Раньше могли бы твои великанши
Книгу твою развернуть на лету,
Раньше могла бы ты новое имя
Мне подобрать на своем языке, —
Вспыхнуть бы мне под стопами твоими
И навсегда затеряться в песке.

1960

ВТОРАЯ ОДА

Подложи мне под голову руку
И восставь меня, как до зари
Подымала на счастье и муку,
И опять к высоте привари,

Чтобы пламя твое ледяное
Синей солью стекало со лба.
И внизу, как с горы, предо мною
Шевелились леса и хлеба,

Чтобы кровь из-под стоп, как с предгорий
Жарким деревом вниз головой,
Каждой веткой ударилась в море
И несла корабли по кривой,

Чтобы вызов твой первый — сначала
Прозвучал и в горах не затих...
Ты в созвездья других превращала,
Я и сам из преданий твоих.

1967

ПЕСНЯ

Давно мои ранние годы прошли
По самому краю,
По самому краю родимой земли,
По скошенной мяте, по синему раю,
И я этот рай навсегда потеряю.

Колышется ива на том берегу,
Как белые руки.
Пройти до конца по мосту не могу,
Но лучшего имени влажные звуки
На память я взял при последней разлуке.

Стоит у излуки
И моет в воде свои белые руки,
А я перед ней в неоплатном долгу.
Сказал бы я, кто на поёмном лугу,
На том берегу
За ивой стоит, как русалка над речкой,
И с пальца на палец бросает колечко.

1960

У ЛЕСНИКА

В лесу потерял я ружье,
Кусты разрывая плечами;
Глаза мне ночное зверье
Слепило своими свечами.

Лесник меня прячет в избе,
Сижу я за кружкой чая,
И кажется мне, что к себе
Попал я, по лесу блуждая.

Открыла мне память моя
Таинственный мир соответствий:
И кружка, и стол, и скамья
Такие же точно, как в детстве.

Такие же двери у нас
И стены такие же были.
А он продолжает рассказ,
Свои стародавние были.

Цигарку свернет и в окно
Моими посмотрит глазами.
— Пускай их свистят. Все равно.
У нас тут балуют ночами.

1960

ЗАГАДКА С РАЗГАДКОЙ

Кто, еще прозрачный школьник,
Учит Музу чепухе
И торчит, как треугольник,
На шатучем лопухе?

Головастый внук Хирона,
Полувсадник-полуконь,
Кто из рук Анакреона
Вынул скачущий огонь?

Кто Державину докука,
Хлебникову брат и друг,
Взял из храма ультразвука
Золотой зубчатый лук?

Кто, коленчатый, зеленый
Царь, циркач или божок,
Для меня сберег каленый,
Норовистый их смычок?

Кто стрекочет и пророчит,
И антеннами усов
Пятки времени щекочет,
Как пружинками часов?

Мой кузнечик, мой кузнечик,
Герб державы луговой!
Он и мне протянет глечик
С ионийскою водой.

1960

В МУЗЕЕ

Это не мы, это они — ассирийцы,
Жезл государственный бравшие крепко в клешни,
Глинобородые боги-народоубийцы,
В твердых одеждах цари, — это они!

Кровь, как булыжник, торчит из щербатого горла,
И невозможно пресытиться жизнью, когда
В дыхало льву пернатые вогнаны сверла,
В рабьих ноздрях — жесткий укус царева суда.

Я проклиная тиару Шамшиадада,
Я клинописной хвалы не пишу все равно,
Мне на земле ни почета, ни хлеба не надо,
Если мне царские крылья разбить не дано.

Жизнь коротка, но довольно и ста моих жизней,
Чтобы заполнить глотающий кости провал.
В башенном городе у ассирийцев на тризне
Я хорошо бы с казненными попиrowал.

Я проклиная подошвы царских сандалий.
Кто я — лев или раб, чтобы мышцы мои
Без воздаянья в соленую землю втоптали
Прямоугольные каменные муравьи?

1960

СНЕЖНАЯ НОЧЬ В ВЕНЕ

Ты безумна, Изора, безумна и зла,
Ты кому подарила свой перстень с отравой
И за дверью трактирной тихонько ждала:
Моцарт, пей, не тужи, смерть в союзе со славой.

Ах, Изора, глаза у тебя хороши
И черней твоей черной и горькой души.
Смерть позорна, как страсть. Подожди, уже скоро,
Ничего, он сейчас задохнется, Изора.

Так лети же, снегов не касаясь стопой:
Есть кому еще уши залить глухотой
И глаза слепотой, есть еще голодуха,
Госпитальный фонарь и сиделка-старуха.

1960

ПЕРЕВОДЧИК

Шах с бараньей мордой — на троне.
Самарканд — на шахской ладони.
У подножья — лиса в чалме
С тысячью двустешиий в уме.
Розы сахаринной породы,
Соловьиная пахлава,
Ах, восточные переводы,
Как болит от вас голова.

Полуголый палач в застенке
Воду пьет и таращит зенки.
Все равно. Мертвеца в рядно
Зашивают, пока темно.
Спи без просыпу, царь природы,
Где твой меч и твои права?
Ах, восточные переводы,
Как болит от вас голова.

Да пребудет роза редифом¹,
Да царит над голодным тифом
И соленой паршой степей
Лунный выкормыш — соловей.
Для чего я лучшие годы
Продал за чужие слова?
Ах, восточные переводы,
Как болит от вас голова.

¹ Редиф — в восточной поэзии одно или несколько слов, повторяемых в конце стихотворной строки после рифмы.

Зазубрил ли ты, переводчик,
Арифметику парных строчек?
Каково тебе по песку
Волочить старуху-тоску?
Ржа пустыни щепотью соды
Ни жива шипит, ни мертва.
Ах, восточные переводы,
Как болит от вас голова.

1960

ЗЕМНОЕ

Когда б на роду мне написано было
Лежать в колыбели богов,
Меня бы небесная мамка вспоила
Святым молоком облаков,

И стал бы я богом ручья или сада,
Стерег бы хлеба и гроба, —
Но я человек, мне бессмертья не надо:
Страшна неземная судьба.

Спасибо, что губ не свела мне улыбка
Над солью и желчью земной.
Ну что же, прощай, олимпийская скрипка,
Не смейся, не пой надо мной.

1960

ТОЛЬКО ГРЯДУЩЕЕ

Рассчитанный на одного, как номер
Гостиницы — с одним окном, с одной
Кроватью и одним столом, я жил
На белом свете, и моя душа
Привыкла к телу моему. Бывало,
В окно посмотрит, полежит в постели,
К столу присядет — и скрипит пером,
Творя свою нехитрую работу.

А за окном ходили горожане,
Грузовики трубили, дождь шумел,
Посвистывали милиционеры,
Всходило солнце — наступало утро,
Всходили звезды — наступала ночь,
И небо то светлело, то темнело.

И город полюбил я, как приезжий,
И полон был счастливых впечатлений,
Я новое любил за новизну,
А повседневное — за повседневность,
И так как этот мир четырехмерен,
Мне будущее приходилось впору.

Но кончилось мое уединенье,
В пятнадцатирублевый номер мой
Еще один вселился постоялец,
И новая душа плодиться стала,
Как хромосома на стекле предметном.

Я собственной томился теснотой,
Хотя и раздвигался, будто город,

И слободами громоздился.

Я

Мост перекинул через речку.

Мне

Рабочих не хватало. Мы пылили
Цементом, грохотали кирпичом
И кожу бугорчатую земли
Бульдозерами до костей сдирали.

Хвала тому, кто потерял себя!
Хвала тебе, мой быт, лишенный быта!
Хвала тебе, благословенный тензор,
Хвала тебе, иных времен язык!
Сто лет пройдет — нам не понять его,
Я перед ним из «Слова о полку»,
Лежу себе, побитый татарвой:
Нас тысяча на берегу Каялы,
Копье торчит в траве,
а на копье
Степной орел седые перья чистит.

1960

К СТИХАМ

Стихи мои, птенцы, наследники,
Душеприказчики, истцы,
Молчальники и собеседники,
Смиренники и гордецы!

Я сам без роду и без племени
И чудом вырос из-под рук,
Едва меня лопата времени
Швырнула на гончарный круг.

Мне вытянули горло длинное,
И выкруглили душу мне,
И обозначили былинные
Цветы и листья на спине,

И я раздвинул жар березовый,
Как заповедал Даниил,
Благословил закал свой розовый
И как пророк заговорил.

Скупой, охряной, неприкаянной
Я долго был землей, а вы
Упали мне на грудь нечаянно
Из клювов птиц, из глаз травы.

1960

КАМЕНЬ НА ПУТИ

Пророческая власть поэта
Бессильна там, где в свой рассказ
По странной прихоти сюжета
Судьба живьем вгоняет нас.

Вначале мы предполагаем
Какой-то взгляд со стороны
На то, что адом или раем
Считать для ясности должны.

Потом, кончая со стихами,
В последних четырех строках
Мы у себя в застенке сами
Себя свежем второпях.

Откуда наша власть? Откуда
Все тот же камень на пути?
Иль новый Бог, творящий чудо,
Не может сам себя спасти?

1960

РУКОПИСЬ

А. А. Ахматовой

Я кончил книгу и поставил точку
И рукопись перечитать не мог.
Судьба моя сгорела между строк,
Пока душа меняла оболочку.

Так блудный сын срывает с плеч сорочку,
Так соль морей и пыль земных дорог
Благословляет и клянет пророк,
На ангелов ходивший в одиночку.

Я тот, кто жил во времена мои,
Но не был мной. Я младший из семьи
Людей и птиц, я пел со всеми вместе

И не покину пиршества живых —
Прямой гербовник их семейной чести,
Прямой словарь их связей корневых.

1960

ПОД ПРЯМЫМ УГЛОМ

Мы — только под прямым углом,
Наперекор один другому,
Как будто не привыкли к дому
И в разных плоскостях живем,

Друг друга потеряли в давке
И порознь вышли с двух сторон,
И бережно несем, как сон,
Оконное стекло из лавки.

Мы отражаем всё и вся
И понимаем с полуслова,
Но только не один другого,
Жизнь, как стекло, в руках неся.

Пока мы время тратим, споря
На двух враждебных языках,
По стенам катятся впотьмах
Колеса радуг в коридоре.

1960

ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ

Еще в скорлупе мы висим на хвощах,
Мы — ранняя проба природы,
У нас еще кровь не красна, и в хрящах
Шумят силурийские воды,

Еще мы в пещере костра не зажгли
И мамонтов не рисовали,
Ни белого неба, ни черной земли
Богам еще не назвали.

А мы уже в горле у мира стоим
И бомбою мстим водородной
Еще не рожденным потомкам своим
За собственный грех первородный.

Ну что ж, флорентийские башни смахнем,
Развеем число Галилея
И Моцарта флейту продуем огнем,
От первого тлена хмелея.

Нам снится немая, как камень, земля
И небо, нагое без птицы,
И море без рыбы и без корабля,
Сухие, пустые глазницы.

1960

РУКИ

Взглянул я на руки свои
Внимательно, как на чужие:
Какие они корневые —
Из крепкой рабочей семьи.

Надежная старая стать
Для дружеских твердых пожатий;
Им плуга бы две рукояти,
Буханку бы хлебную дать,

Держать бы им сердце земли,
Да все мы, видать, звездолубцы, —
И в небо мои пятизубцы
Двумя якорями росли.

Так вот чем наш подвиг велик:
Один и другой пятерик
Свой труд принимают за благо,
И древней атлантовой тягой
К ступням прикипел материк.

1960

ШЕКСПИР – ЭСХИЛ

Что трагедия Шекспира,
Фортинбрасова труба,
Если гасит факел пира
Настоящая судьба,

Разлучает с гордой речью
Твой святой бескровный рот
И прямую, человечью —
Круче лука — спину гнет?

А покуда сердце пило
Зрелый хмель счастливых сил,
Почему же ты Эхила
Помянуть стихом забыл?¹

Никакого Эльсинора,
Сосны, сумерки да снег.
Человека вместо хора
Обступил двадцатый век.

У Эхила это было:
Только правда и судьба
Да скалистая могила
Непокорного раба.

1960

¹ ...Чепчик счастья, Шекспира отец.

О. Мандельштам. «Стихи о неизвестном солдате». (Прим. автора.)

ЗУММЕР

Я бессмертен, пока я не умер,
И для тех, кто еще не рожден,
Разрываю пространство, как зуммер
Телефона грядущих времен.

Так последний связист под обстрелом,
От большого пути в стороне,
Прикрывает расстрелянным телом
Ящик свой на солдатском ремне.

На снегу в затвердевшей шинели,
Кулаки к подбородку прижав,
Он лежит, как дитя в колыбели,
Правотой несравненною прав.

Где когда-то с боями прошли мы
От большого пути в стороне,
Разбегается неповторимый
Терпкий звук на широкой волне.

Это старая честь боевая
Говорит:

— Я земля. Я земля, —
Под землей провода расправляя
И корнями овсов шевеля.

1961

СТЕПЬ

Земля сама себя глотает
И, тычась в небо головой,
Провалы памяти латает
То человеком, то травой.

Трава — под конскою подковой,
Душа — в коробке костяной,
И только слово, только слово
В степи маячит под луной.

А степь лежит, как Ниневия,
И на курганах валуны
Спят, как цари сторожевые,
Опившись оловом луны.

Последним умирает слово.
Но небо движется, пока
Сверло воды проходит снова
Сквозь жесткий щит материка.

Дохнет репейника ресница,
Сверкнет кузнечика седло,
Как радугу, степная птица
Расчешет сонное крыло.

И в сизом молоке по плечи
Из рая выйдет в степь Адам

И дар прямой разумной речи
Вернет и птицам и камням,

Любовный бред самосознания
Вдохнет, как душу, в корни трав,
Трепещущие их названья
Еще во сне пересоздав.

1961

ЭВРИДИКА

У человека тело
Одно, как одиночка.
Душе осточертела
Сплошная оболочка
С ушами и глазами
Величиной в пятак
И кожей — шрам на шраме,
Надетой на костяк.

Летит сквозь роговицу
В небесную криницу,
На ледяную спицу,
На птичью колесницу
И слышит сквозь решетку
Живой тюрьмы своей
Лесов и нив трещотку,
Трубу семи морей.

Душе грешно без тела,
Как телу без сорочки, —
Ни помысла, ни дела,
Ни замысла, ни строчки.
Загадка без разгадки:
Кто возвратится вспять,
Сплясав на той площадке,
Где некому плясать?

И снится мне другая
Душа, в другой одежде:
Горит, перебегая
От робости к надежде,

Огнем, как спирт, без тени
Уходит по земле,
На память гроздь сирени
Оставив на столе.

Дитя, беги, не сетуй
Над Эвридикой бедной
И палочкой по свету
Гони свой обруч медный,
Пока хоть в четверть слуха
В ответ на каждый шаг
И весело и сухо
Земля шумит в ушах.

1961

СТЕПНАЯ ДУДКА

I

Жили, воевали, голодали,
Умирили врозь, по одному.
Я не живописец, мне детали
Ни к чему, я лучше соль возьму.

Из всего земного ширпотреба
Только дудку мне и принесли:
Мало взял я у земли для неба,
Больше взял у неба для земли.

Я из шапки вытряхнул светила,
Выпустил я птиц из рукава.
Обо мне земля давно забыла.
Хоть моим рифмовником жива.

1962

II

На каждый звук есть эхо на земле.
У пастухов кипел кулеш в котле,
Почесывались овцы рядом с нами
И черными стучали башмачками.
Что деньги мне? Что мне почет и честь
В степи вечерней без конца и края?

С Овидием хочу я брынзу есть
И горевать на берегу Дуная,
Не различать далеких голосов,
Не ждать благословенных парусов.

1960

III

Где вьюгу на латынь
Переводил Овидий,
Я пил степную синь
И суп варил из мидий.

И мне огнем беды
Дуду насквозь продуло,
И потому лады
Поют, как Мариула,

И потому семья
У нас не без уroda,
И хороша моя
Дунайская свобода.

Где грел он в холода
Лепешку на ладони,
Там южная звезда
Стоит на небосклоне.

1964

IV

Земля неплодородная, степная,
Горючая, но в ней для сердца есть
Кузнечика скрипица костяная
И кесарем униженная честь.

А где мое грядущее? Бог весть.
Изгнание чужое вспоминая,
С Овидием и я за дестью десть
Листал тетрадь на берегу Дуная.

За желть и жёлчь любил я этот край
И говорил: — Кузнечик мой, играй! —
И говорил: — Семь лет пути до Рима!

Теперь мне и до степи далеко.
Живи хоть ты, глоток сухого дыма,
Шалаш, кожух, овечье молоко.

1962

ШИПОВНИК

Т. О.-Т.

Я завещаю вам шиповник,
Весь полный света, как фонарь,
Июньских бабочек письмовник,
Задворков праздничный словарь.

Едва калитку отворяли,
В его корзине сам собой,
Как струны в запертом рояле,
Гудел и звякал разнобой.

Там, по ступеням светотени,
Прямыми крыльями стуча,
Сновала радуга видений
И вдоль и поперек луча.

Был очевиден и понятен
Пространства замкнутого шар —
Сплетенье линий, лепет пятен,
Мельканье брачующихся пар.

1962

КУЗНЕЦ

Клянусь, мне столько лет, что наковальня
И та не прослужила бы так долго,
Куда уж там кувалде и мехам.
Сам на себе я самого себя
Самим собой ковал — и горн гашу,
А все-таки работой недоволен:
Тут на железе трещина, тут выгиб
Не тот, тут — раковина, где должна бы
Свистеть волшебной флейтой горловина.

Не мастера ты выковал, кузнец,
Кузнечика ты смастерил, а это
И друг неверный, и плохой близнец,
Ни хлеба от такого, ни совета.

Что ж, топочи, железная нога!
Железная не там открылась книга.
Живи, браток, железным усом двигай!
А мне наутро — новая туга...

1962

СНЫ

Садится ночь на подоконник,
Очки железные надев,
И длинный вавилонский сонник,
Как жрец, читает нараспев.

Уходят вверх ее ступени,
Но нет перил над пустотой,
Где судят тени, как на сцене,
Иноязычный разум твой.

Ни смысла, ни числа, ни меры.
А судьи кто? И в чем твой грех?
Мы вышли из одной пещеры,
И клинопись одна на всех.

Явь от потопа до Эвклида
Мы досмотреть обречены.
Отдай — что взял; что видел — выдай!
Тебя зовут твои сыны.

И ты на чьем-нибудь пороге
Найдешь когда-нибудь приют,
Пока быки бредут, как боги,
Боками трутся на дороге
И жвачку времени жуют.

1962

ПЕРВЫЕ СВИДАНИЯ

Свиданий наших каждое мгновенье,
Мы праздновали, как богоявление,
Одни на целом свете. Ты была
Смелей и легче птичьего крыла,
По лестнице, как головокруженье,
Через ступень сбегала и вела
Сквозь влажную сирень в свои владенья
С той стороны зеркального стекла.

Когда настала ночь, была мне милость
Дарована, алтарные врата
Отворены, и в темноте светилась
И медленно клонилась нагота,
И, просыпаясь: «Будь благословенна!» —
Я говорил и знал, что дерзновенно
Мое благословенье: ты спала,
И тронуть веки синевою вселенной
К тебе сирень тянулась со стола,
И синевою тронутые веки
Спокойны были, и рука тепла.

А в хрустале пульсировали реки,
Дымились горы, брезжили моря,
И ты держала сферу на ладони
Хрустальную, и ты спала на троне,
И — Боже правый! — ты была моя.
Ты пробудилась и преобразила
Вседневный человеческий словарь,
И речь по горло полнозвучной силой
Наполнилась, и слово *ты* раскрыло
Свой новый смысл и означало: *царь*.

На свете все преобразилось, даже
Простые вещи — таз, кувшин, — когда
Стояла между нами, как на страже,
Слоистая и твердая вода.

Нас повело неведомо куда.
Пред нами расступались, как миражи,
Построенные чудом города,
Сама ложилась мята нам под ноги,
И птицам с нами было по дороге,
И рыбы подымались по реке,
И небо развернулось пред глазами...

Когда судьба по следу шла за нами,
Как сумасшедший с бритвою в руке.

1962

ПОЭТ

Жил на свете рыцарь бедный...

Эту книгу мне когда-то
В коридоре Госиздата
Подарил один поэт;
Книга порвана, измята,
И в живых поэта нет.

Говорили, что в обличье
У поэта нечто птичье
И египетское есть;
Было нищее величье
И задерганная честь.

Как боялся он пространства
Коридоров! Постоянства
Кредиторов! Он, как дар,
В диком приступе жеманства
Принимал свой гонорар.

Так елозит по экрану
С реверансами, как спьяну,
Старый клоун в котелке
И, как трезвый, прячет рану
Под жилеткой из пике.

Оперенный рифмой парной,
Кончен подвиг календарный, —
Добрый путь тебе, прощай!
Здравствуй, праздник гонорарный,
Черный белый каравай!

Гнутым словом забавлялся,
Птичьим клювом улыбался,
Встречных с лету брал в зажим,
Одиночества боялся
И стихи читал чужим.

Так и надо жить поэту.
Я и сам спую по свету,
Одиночества боюсь,
В сотый раз за книгу эту
В одиночестве берусь.

Там в стихах пейзажей мало,
Только бестолочь вокзала
И театра кутерьма,
Только люди как попало,
Рынок, очередь, тюрьма.

Жизнь, должно быть, наболтала,
Наплела судьба сама.

1963

СЛОВАРЬ

Я ветвь меньшая от ствола России,
Я плоть ее, и до листвы моей
Доходят жилы, влажные, стальные,
Льняные, кровяные, костяные,
Прямые продолжения корней.

Есть высоты властительная тяга,
И потому бессмертен я, пока
Течет по жилам — боль моя и благо —
Ключей подземных ледяная влага,
Все эР и эЛЬ святого языка.

Я призван к жизни кровью всех рождений
И всех смертей, я жил по времена,
Когда народа безымянный гений
Немую плоть предметов и явлений
Одушевлял, даруя имена.

Его словарь открыт во всю страницу,
От облаков до глубины земной. —
Разумной речи научить синицу
И лист единый заронить в криницу,
Зеленый, рдяный, ржавый, золотой...

1963

Мне опостытели слова, слова, слова,
Я больше не могу превозносить права
На речь разумную, когда всю ночь о крышу
В отрепьях, как вдова, колотится листва.
Оказывается, я просто плохо слышу
И неразборчива ночная речь вдовства.
Меж нами есть родство. Меж нами нет родства.
И если я твержу деревьям сумасшедшим,
Что у меня в росе по локоть рукава,
То, кроме стога, им уже ответить нечем.

1963—1968

ГРАММОФОННАЯ ПЛАСТИНКА

I

Июнь, июль, пройди по рынку,
Найди в палатке бой и лом
И граммофонную пластинку
Прогрей пожарче за стеклом,

В трубу немую и кривую
Пластмассу черную сверни,
Расплавь дорожку звуковую
И время дай остыть в тени.

Поостеречься бы, да поздно:
Я тоже под иглой пою
И все подряд раздам позвездно,
Что в кожу врезано мою.

1963

II

Я не пойду на первое свиданье,
Ни в чем не стану подражать Монтану,
Не зарыдаю гулко, как Шаляпин.
Сказать — скажу: я полужил и полу — казалось — жил,
и сам себя прошляпил.
Уймите, ради Бога, радиолу!

1957

ПОЛЕВОЙ ГОСПИТАЛЬ

Стол повернули к свету. Я лежал
Вниз головой, как мясо на весах,
Душа моя на нитке колотилась,
И видел я себя со стороны:
Я без довесков был уравновешен
Базарной жирной гирей.

Это было

Посередине снежного щита,
Щербатого по западному краю,
В кругу незамерзающих болот,
Деревьев с перебитыми ногами
И железнодорожных полустанков
С расколотыми черепами, черных
От снежных шапок, то двойных, а то
Тройных.

В тот день остановилось время,
Не шли часы, и души поездов
По насыпям не пролетали больше
Без фонарей, на серых лапах пара,
И ни вороньих свадеб, ни метелей,
Ни оттепелей не было в том лимбе,
Где я лежал в позоре, в наготе,
В крови своей, вне поля тяготенья
Грядущего.
Но сдвинулся и на оси пошел
По кругу щит слепительного снега,
И низко у меня над головой
Семерка самолетов развернулась,
И марля, как древесная кора,
На теле затвердела, и бежала

Чужая кровь из колбы в жилы мне,
И я дышал, как рыба на песке,
Глотая твердый, слюдяной, земной,
Холодный и благословенный воздух.

Мне губы обметало, и еще
Меня поили с ложки, и еще
Не мог я вспомнить, как меня зовут,
Но ожил у меня на языке
Словарь царя Давида.

А потом

И снег сошел, и ранняя весна
На цыпочки привстала и деревья
Окутала своим платком зеленым.

1964

ВЕСЕННЯЯ ПИКОВАЯ ДАМА

Зимний Германн поставил
Жизнь на карту свою, —
Мы играем без правил,
Как в неравном бою.

Тридцать первого марта
Карты сами сдаем.
Снега черная карта
Бита красным тузом.

Германн дернул за ворот
И крючки оборвал,
И свалился на город
Воробьиный обвал,

И ножи конькобежец
Зашвырнул под кровать,
Начал лед-громовержец
На реке баловать.

Охмелев от азарта,
Мечет масти квартал,
А игральные карты
Сроду в руки не брал.

1964

ДОРОГА

Н. Л. Степанову

Я врѣзался в возраст учета
Не сдавшихся возрасту прав,
Как в город из-за поворота
Железнодорожный состав.

Еще я в дымящихся звездах
И чертополохе степей,
И жаркой воронкою воздух
Стекает по коже моей.

Когда отдышаться сначала
Не даст мне мое божество,
Я так отойду от вокзала
Уже без себя самого —

Пойду под уклон за подмогой,
Прямую сгибая в дугу, —
И кто я пред этой дорогой?
И чем похвалиться могу?

1964

МЩЕНИЕ АХИЛЛА

Фиолетовой от зноя,
Остывающей рукой
Рану смертную потрогал
Умирающий Патрокл,

И последнее, что слышал, —
Запредельный вой тетив,
И последнее, что видел, —
Пальцы склеивает кровь.

Мертв лежит он в чистом поле,
И Ахилл не пьет, не ест,
И пока ломает руки,
Щит кует ему Гефест.

Равнодушно пьют герои
Хмель времен и хмель могил,
Мчит вокруг горящей Трои
Тело Гектора Ахилл.

Пожалел Ахилл Приама,
И несет старик Приам
Мимо дома, мимо храма
Жертву мстительным богам.

Не Ахилл разрушит Трою,
И его лучистый щит
Справедливою рукою
Новый мститель сокрушит.

И еще на город ляжет
Семь пластов сухой земли,
И стоит Ахилл по плечи
В щебне, прахе и золе.

Так не дай пролить мне крови,
Чистой, грешной, дорогой,
Чтобы клейкой красной глины
В смертный час не мять рукой.

1965

ДО СТИХОВ

Когда, еще спросонок, тело
Мне душу жгло, и предо мной
Огнем вперед судьба летела
Неопалимой купиной, —

Свистели флейты ниоткуда,
Кричали у меня в ушах
Фанфары, и земного чуда
Ходила сетка на смычках,

И в каждом цвете, в каждом тоне
Из тысяч радуг и ладов
Окрестный мир стоял в короне
Своих морей и городов.

И странно: от всего живого
Я принял только свет и звук, —
Еще грядущее ни слова
Не заронило в этот круг...

1965

ПОЗДНЯЯ ЗРЕЛОСТЬ

Не для того ли мне поздняя зрелость,
Чтобы за сердце схватившись, оплакать
Каждого слова сентябрьскую спелость,
Яблока тяжесть, шиповника мякоть,

Над лесосекой тянувшийся порох,
Сухость брусничной поляны, и ради
Правды — вернуться к стихам, от которых
Только пометки остались в тетради.

Всё, что собрали, сложили в корзины,
И на мосту прогремела телега.
Дай мне еще поклониться с вершины,
Дай удержаться до первого снега.

1965

О, только бы привстать, опомниться, очнуться
И в самый трудный час благословить труды,
Вспоившие луга, вскормившие сады,
В последний раз глотнуть из выгнутого блюда
Листа ворсистого
Хрустальный мозг воды.

Дай каплю мне одну, моя трава земная,
Дай клятву мне взамен — принять в наследство речь,
Гортанью разрастись и крови не беречь,
Не помнить обо мне и, мой словарь ломая,
Свой пересохший рот моим огнем обжечь.

1965

ЖИЗНЬ, ЖИЗНЬ

I

Предчувствиям не верю и примет
Я не боюсь. Ни клеветы, ни яда
Я не бегу. На свете смерти нет.
Бессмертны все. Бессмертно всё. Не надо
Бояться смерти ни в семнадцать лет,
Ни в семьдесят. Есть только явь и свет,
Ни тьмы, ни смерти нет на этом свете.
Мы все уже на берегу морском,
И я из тех, кто выбирает сети,
Когда идет бессмертье косяком.

II

Живите в доме — и не рухнет дом.
Я вызову любое из столетий,
Войду в него и дом построю в нем.
Вот почему со мною ваши дети
И жены ваши за одним столом, —
А стол один и прадеду и внуку:
Грядущее свершается сейчас,
И если я приподымаю руку,
Все пять лучей останутся у вас.
Я каждый день минувшего, как крепью,
Ключицами своими подпирал,
Измерил время землемерной цепью
И сквозь него прошел, как сквозь Урал.

III

Я век себе по росту подбирал.
Мы шли на юг, держали пыль над степью;
Бурьян чадил; кузнечик баловал,
Подковы трогал усом, и пророчил,
И гибелью грозил мне, как монах.
Судьбу свою к седлу я приторочил;
Я и сейчас, в грядущих временах,
Как мальчик, привстаю на стремянах.

Мне моего бессмертия довольно,
Чтоб кровь моя из века в век текла.
За верный угол ровного тепла
Я жизнью заплатил бы своевольно,
Когда б ее летучая игла
Меня, как нить, по свету не вела.

1965

НОЧЬ ПОД ПЕРВОЕ ИЮНЯ

Пока еще последние колена
Последних соловьев не отгремели,
И смутно брезжит у твоей постели
Боярышника розовая пена,

Пока ложится железнодорожный
Мост, как самоубийца, под колеса,
И жизнь моя над черной рябью плеса
Летит стремглав дорогой непреложной,

Спи, как на сцене, на своей поляне,
Спи, — эта ночь твоей любви короче, —
Спи в сказке для детей, в ячейке ночи,
Без имени в лесу воспоминаний.

Так вот когда я стал самим собою,
И что ни день — мне новый день дороже,
Но что ни ночь — пристрастнее и строже
Мой суд нетерпеливый над судьбою...

1965

ЯВЬ И РЕЧЬ

Как зрение — сетчатке, голос — горлу,
Число — рассудку, ранний трепет — сердцу,
Я клятву дал вернуть мое искусство
Его животворящему началу.

Я гнул его, как лук, я тетивой
Душил его — и клятвой пренебрег.

Не я словарь по слову составлял,
А он меня творил из красной глины;
Не я пять чувств, как пятерню Фома,
Вложил в зияющую рану мира,
А рана мира облегла меня,
И жизнь жива помимо нашей воли.

Зачем учил я посох прямизне,
Лук — кривизне и птицу — птичьей роще?
Две кисти рук, вы на одной струне,
О, явь и речь, зрачки расширьте мне,
И причастите вашей царской мощи,

И дайте мне остаться в стороне
Свидетелем свободного полета
Воздвигнутого чудом корабля,
О, два крыла, две лопасти оплота,
Надежного, как воздух и земля!

1965

НОВОГОДНЯЯ НОЧЬ

Я не буду спать
Ночью новогодней,
Новую тетрадь
Я начну сегодня.

Ради смысла дат
И преображенья
С головы до пят
В плоть стихотворенья —

Год переберу,
Месяцы по строчке
Передам перу
До последней точки.

Где оно — во мне
Или за дверями,
В яви или сне
За семью морями,

В пляске по снегам
Белой круговерти, —
Я не знаю сам,
В чем мое бессмертье,

Но из декабря
Брошусь к вам, живущим

Вне календаря,
Наравне с грядущим.

О, когда бы рук
Мне достало на год
Кончить новый круг!
Строчки сами лягут...

1965

Я по каменной книге учу вневре́менный язык,
Меж двумя жерновами плыву, как зерно в камневерти,
И уже я по горло в двухмерную плоскость проник,
Мне хребет размолото на мельнице жизни и смерти.

Что мне делать, о посох Исайи, с твоей прямизной?
Тоньше волоса пленка без времени, верха и низа.
А в пустыне народ на камнях собирался, и в зной
Кожу мне холодила рогожная царская риза.

1966

Тогда еще не воевали с Германией,
Тринадцатый год был еще в середине,
Неведеньем в доме болели, как манией,
Как жаждой три пальмы в песчаной пустыне.

У матери пахло спиртовкой, фиалкою,
Лиловой накидкой в шкафу, на распялке;
Все детство мое, по-блаженному жалкое,
В горячей спиртовке и пармской фиалке.

Зато у отца, как в Сибири у ссыльного,
Был плед Гарибальди и Герцен под локтем.
Ванилью тянуло от города пыльного,
От пригорода — конским потом и дегтем.

Казалось, что этого дома хозяева
Навечно в своей довоенной Европе,
Что не было, нет и не будет Сараева,
И где они, эти мазурские топи?..

1966

Когда вступают в спор природа и словарь
И слово силится отвлечься от явлений,
Как слепок от лица, как цвет от светотени, —
Я нищий или царь? Коса или косарь?

Но миру своему я не дарил имен:
Адам косил камыш, а я плету корзину.
Коса, косарь и царь, я нищ наполовину,
От самого себя еще не отделен.

1966

НОЧНАЯ БАБОЧКА «МЕРТВАЯ ГОЛОВА»

Ходит Пиковая дама,
Палец с головой Адама,
Вверх и вниз под потолком,
Стекол кожу неживую,
Будто рану ножевую,
Метит белым сквозняком.

Треплет свечку, морщит пламя
Знамя ночи вкось углами,
Соглядачай, часовой,
Жироватый, суховатый...
— Чур, щеки не припечатай,
Чур, не трогать, я живой!

Ночью все мы — на чужбине
Под воронкой черно-синей,
В царстве чуждых душ и тел,
Днем — в родительском гнездове
Душным потом, красной кровью
Ограничим свой предел.

1966

* * *

Третьи сутки дождь идет,
Ковыряет серый лед
И вороне на березе
Моем клюв и перья мнет
(Дождь пройдет).

Недаром к прозе
(Всё проходит)
сердце льнет,
К бедной прозе на березе,
На реке и за рекой
(Чуть не плача),
к бедной прозе
На бумаге под рукой.

1966

Я в детстве заболел
От голода и страха. Корку с губ
Сдеру — и губы облизну; запомнил
Прохладный и солоноватый вкус.
А все иду, а все иду, иду,
Сижу на лестнице в парадном, греюсь,
Иду себе в бреду, как под дуду
За крысоловом в реку, сяду — греюсь
На лестнице; и так знобит и эдак.
А мать стоит, рукою манит, будто
Невдалеке, а подойти нельзя:
Чуть подойду — стоит в семи шагах,
Рукою манит; подойду — стоит
В семи шагах, рукою манит.

Жарко

Мне стало, расстегнул я ворот, лег, —
Тут затрубили трубы, свет по векам
Ударил, кони поскакали, мать
Над мостовой летит, рукою манит —
И улетела...

И теперь мне снится
Под яблонями белая больница,
И белая под горлом простыня,
И белый доктор смотрит на меня,
И белая в ногах стоит сестрица
И крыльями поводит. И остались.
А мать пришла, рукою поманила
И улетела...

1966

ПАМЯТИ А. А. АХМАТОВОЙ

I

Стелил я снежную постель,
Луга и рощи обезглавил,
К твоим ногам прильнуть заставил
Сладчайший лавр, горчайший хмель.

Но марта не сменил апрель
На страже росписей и правил.
Я памятник тебе поставил
На самой слезной из земель.

Под небом северным стою
Пред белой, бедной, непокорной
Твоею высотой горной

И сам себя не узнаю,
Один, один в рубахе черной
В твоём грядущем, как в раю.

Август 1968

II

Когда у Николы Морского
Лежала в цветах нищета,
Смирненное чуждое слово
Светилось темно и сурово
На воске державного рта.

Но смысл его был непонятен,
А если понять — не сберечь,
И был он, как небыль, невнятен
И разве что — в трепете пятен
Вокруг оплывающих свеч.

И тень бездомовной гордыни
По черному Невскому льду,
По снежной Балтийской пустыне
И по Адриатике синей
Летела у всех на виду.

Апрель 1966

III

Домой, домой, домой,
Под сосны в Комарове...
О, смертный ангел мой
С венками в изголовье,
В косынке кружевной,
С крылами наготове!

Как для деревьев снег,
Так для земли не бремя
Открытый твой ковчег,
Плывущий перед всеми
В твой двадцать первый век,
Из времени во время.

Последний луч несла
Зима над головою,
Как первый взмах крыла
Из-под карельской хвои,
И звезды ночь зажгла
Над снежной синевою.

И два крыла у тени за спиной,
Как два луча, померкли понемногу.

И год прошел по кругу стороной.
Зима трубит из просеки лесной;
Нестройным звоном отвечает рогу
Карельских сосен морок слюдяной.

Что, если память вне земных условий
Бессильна день восстановить в ночи?
Что, если тень, покинув землю, в слове
Не пьет бессмертья?

Сердце, замолчи,
Не лги, глотни еще немного крови,
Благослови рассветные лучи.

12 января 1967

ЗИМА В ДЕТСТВЕ

I

В желтой траве отплясали кузнечики,
Мальчику на зиму кутают плечики,
Рамы вставляют, летает снежок,
Дунула вьюга в почтовый рожок.
А за воротами шаркают пыльщики,
И ножи-ножницы точат точильщики,
Сани скрипят, и снуют бубенцы,
И по железу стучат кузнецы.

II. МЕРЕЩИТСЯ ВЕЯЛКА

А в доме у Тарковских
Полным-полно приезжих,
Гремят посудой, спорят,
Не разбирают елки,

И сыплются иголки
В зеркальные скорлупки,
Пол серебром посолен,
А самый младший болен.

На лбу компресс, на горле
Компресс. Идут со свечкой.
Малиной напоили?
Малиной напоили.

В углу зажгли лампадку,
И веялку приносят,
И ставят на площадку,
И крутят рукоятку,

И сыплются обрезки —
Жестянки и железки.
Вставай, пойдем по краю,
Я все тебе прощаю.

То под гору, то в гору
Пойдем в другую пору
По зимнему простору,
Малиновому снегу.

1967

ЛАСТОЧКИ

Летайте, ласточки, но в клювы не берите
Ни пилки, ни сверла, не делайте открытий,
Не подражайте нам; довольно и того,
Что вы по-варварски свободно говорите,
Что зоркие зрачки в почетной вашей свите
И первой зелени святое торжество.

Я в Грузии бывал, входил и я когда-то
По щебню и траве в пустынный храм Баграта —
В кувшин расколотый, и над жерлом его
Висела ваша сеть. И Симон Чиковани
(А я любил его, и мне он был как брат)
Сказал, что на земле пред вами виноват —
Забыл стихи сложить о легком вашем стане,
Что в детстве здесь играл, что, может быть, Баграт
И сам с ума сходил от ваших восклицаний.

Я вместо Симона хвалу вам воздаю.
Не подражайте нам, но только в том краю,
Где Симон спит в земле, вы спойте, как в дурмане,
На языке своем одну строку мою.

1967

И я ниоткуда
Пришел расколоть
Единое чудо
На душу и плоть.

Державу природы
Я должен рассечь
На песню и воды,
На сушу и речь

И, хлеба земного
Отведав, прийти
В свечении слова
К началу пути.

Я сын твой, отрада
Твоя, Авраам,
И жертвы не надо
Моим временам,

А сколько мне в чаше
Обид и труда...
И после сладчайшей
Из чаш —
 никуда?

1967

ДОМ БЕЗ ЖИЛЬЦОВ

Дом без жильцов заснул и снов не видит.
Его душа безгрешна и пуста,
В себя глядит закрытыми глазами,
Но самое себя не сознает
И дико вскидывается, когда
Из крана бульба шлепнется на кухне.
Водопровод молчит, и телефон
Молчит.

Ну что же, спи спокойно, дом,
Спи, кубатура-сирота! Вернутся
Твои жильцы, и время в чем попало —
В больших кувшинах, в синих ведрах, в банках
Из-под компота — принесут, и окна
Отворят, и продуют сквозняком.
Часы стояли? Шли часы? Стояли.
Вот мы и дома. Просыпайся, дом!

1967

ПЕРВАЯ ГРОЗА

Лиловая в Крыму и белая в Париже,
В Москве моя весна скромней и сердцу ближе,
Как девочка в слезах. А вор в дождевике
Под дождь — из булочной с бумажкой в кулаке,
Но там, где туфелькой скользнула изумрудной,
Беречься ни к чему и плакать безрассудно.
По лужам облака проходят косяком,
Павлиньи радуги плывут под каблуком,
И девочка бежит по гребню светотени
(А это жизнь моя) в зеленом по колени,
Авоськой машучи, по лестнице винтом,
И город весь внизу, и гром — за нею в дом...

1967

* * *

Стихи попадают в печать,
И в точках, расставленных с толком,
Себя невозможно признать
Бессонниц моих кривотолкам.

И это не книга моя,
А в дальней дороге без весел
Идет по стремнине ладья,
Что сам я у пристани бросил.

И нет ей опоры верней,
Чем дружбы неведомой плечи.
Минувшее ваше, как свечи,
До встречи погашено в ней.

1967

Вот и лето прошло,
Словно и не бывало.
На пригреве тепло.
Только этого мало.

Все, что сбыться могло,
Мне, как лист пятипалый,
Прямо в руки легло,
Только этого мало.

Понапрасну ни зло,
Ни добро не пропало,
Все горело светло,
Только этого мало.

Жизнь брала под крыло,
Берегла и спасала,
Мне и вправду везло.
Только этого мало.

Листьев не обожгло,
Веток не обломало...
День промыт, как стекло,
Только этого мало.

1967

* * *

Мне бы только теперь до конца не раскрыться,
Не раздать бы всего, что напела мне птица,
Белый день наболтал, наморгала звезда,
Намигала вода, накислола кислица,
На прожиток оставить себе навсегда
Крепкий шарик в крови, полный света и чуда,
А уж если дороги не будет назад,
Так втянуться в него и не выйти оттуда,
И — в аорту, неведомо чью, наугад.

1967

Мамка птичья и стрекозья,
Помутнела синева,
Душным воздухом предгрозя
Дышит жухлая трава.

По деревне ходит Каин,
Стекла бьет и на расчет,
Как работника хозяин,
Брата младшего зовет.

Духоту сшибает холод,
По пшенице пляшет град.
Видно, мир и вправду молод,
Авель вправду виноват.

Я гляжу из-под ладони
На тебя, судьба моя,
Не готовый к обороне,
Будто в Книге Бытия.

1967

* * *

Во вселенной наш разум счастливый
Ненадежное строит жилье,
Люди, звезды и ангелы живы
Шаровым натяженьем ее.
Мы еще не зачали ребенка,
А уже у него под ногой
Никуда выгибается пленка
На орбите его круговой.

1968

* * *

Наша кровь не ревнует по дому,
Но зияет в грядущем пробел,
Потому что земное земному
На земле полагает предел.
Обезумевшей матери снится
Верещанье четверки коней,
Фэтон, и его колесница,
И багровые кубы камней.

1968

* * *

На пространство и время ладони
Мы наложим еще с высоты,
Но поймем, что в державной короне
Драгоценней звезда нищеты,
Нищеты, и тщеты, и заботы
О нерадостном хлебе своем,
И с чужими созвездьями счесть
На земле материнской сведем.

1968

* * *

Струнам счет ведут на лире
Наши древние права,
И всего дороже в мире
Птицы, звезды и трава.

До заката всем народом
Лепят ласточки дворец,
Перед солнечным восходом
Наклоняет лук Стрелец.

И в кувшинчик из живого
Персефонины стекла
Вынуть хлебец свой медовый
Опускается пчела.

Потаенный ларь природы
Отмыкает нищий царь
И крадет залог свободы —
Летних месяцев букварь.

Дышит мята в каждом слове,
И от головы до пят
Шарики зеленой крови
В капиллярах шебуршат.

1968

* * *

Пляшет перед звездами звезда,
Пляшет колокольчиком вода,
Пляшет шмель и в дудочку дудит,
Пляшет перед скинией Давид.

Плачет птица об одном крыле,
Плачет погорелец на золе,
Плачет мать над люлькою пустой,
Плачет крепкий камень под пятой.

1968

Отнятая у меня, ночами
Плакавшая обо мне, в нестрогом
Черном платье, с детскими плечами,
Лучший дар, не возвращенный Богом,

Заклинаю прошлым, настоящим,
Крепче спи, не всхлипывай спросонок,
Не следи за мной зрачком косящим,
Ангел, олененок, соколенок.

Из камней Шумера, из пустыни
Аравийской, из какого круга
Памяти — в сиянии гордыни
Горло мне захлестываешь туго?

Я не знаю, где твоя держава,
И не знаю, как сложить заклятье,
Чтобы снова потерять мне право
На твоё дыханье, руки, платье.

1968

ПРИАЗОВЬЕ

На полустанке я вышел. Чугун отдыхал
В крупных шарах маслянистого пара. Он был
Царь ассирийский в клубящихся гроздьях кудрей.
Степь отворилась, и в степь как воронкой ветров
Душу втянуло мою. И уже за спиной
Не было мазанок; лунные башни вокруг
Зыблились и утверждались до края земли,
Ночь разворачивала из проема в проем
Твердое, плотно укатанное полотно.
Юность моя отошла от меня, и мешок
Сгорбил мне плечи. Ремни развязал я, и хлеб
Солью посыпал, и степь накормил, а седьмой
Долей насытил свою терпеливую плоть.
Спал я, пока в изголовье моем остывал
Пепел царей и рабов, и стояла в ногах
Полная чаша свинцовой азовской слезы.
Снилось мне все, что случится в грядущем со мной.
Утром очнулся и землю землею назвал,
Зною подставил еще не окрепшую грудь.

1968

* * *

Как сорок лет тому назад,
Сердцебиение при звуке
Шагов, и дом с окошком в сад,
Свеча и близорукий взгляд,
Не требующий ни поруки,
Ни клятвы. В городе звонят.
Светает. Дождь идет, и темный,
Намокший дикий виноград
К стене прижался, как бездомный,
Как сорок лет тому назад.

1969

Как сорок лет тому назад
Я вымок под дождем, я что-то
Забыл, мне что-то говорят,
Я виноват, тебя простят,
И поезд в десять пятьдесят
Выходит из-за поворота.
В одиннадцать конец всему,
Что будет сорок лет в грядущем
Тянуться поездом идущим
И окнами мелькать в дыму,
Всему, что ты без слов сказала,
Когда уже пошел состав.
И чья-то юность, у вокзала
От провожающих отстав,
Домой по лужам как попало
Плетется, прикусив рукав.

1969.

Хвала измерившим высоты
Небесных звезд и гор земных
Глазам — за свет и слезы их!

Рукам, уставшим от работы,
За то, что ты, как два крыла,
Руками их не отвела!

Гортани и губам хвала
За то, что трудно мне поется,
Что голос мой и глух и груб,
Когда из глубины колодца
Наружу белый голубь рвется
И разбивает грудь о сруб!

Не белый голубь — только имя,
Живому слуху чуждый лад,
Звучащий крыльями твоими,
Как сорок лет тому назад.

1969

Когда под соснами, как подневольный раб,
Моя душа несла истерзанное тело,
Еще навстречу мне земля стремглав летела
И птицы прядали, заслышав конский храп.

Иголки черные, и сосен чешуя,
И брызжет из-под ног багровая брусника,
И веки пальцами я раздираю дико,
И тело хочет жить, и разве это — я?

И разве это я ищу сгоревшим ртом
Колен сухих корней, и как во время бно,
Земля глотает кровь, и сестры Фазтона
Преображаются и плачут янтарем.

1969

МАНЕКЕН

В мастерской живописца сидит манекен
Деревянный, суставчатый, весь на шарнирах,
Откровенный как правда, в зияющих дырах
На местах сочленений локтей и колен.

Пахнет пылью и тленом, пахнёт скипидаром,
Живописец уже натянул полотно.
Кем ты станешь, натурщик? Не все ли равно,
Если ты неживой и позируешь даром.

Ах, не все ли равно. Подмалёвок лилов,
Черный контур клубится под кистью шершавой.
Кисть в союзе с кредитками, краска со славой.
Нет для смежных искусств у поэзии слов.

Кто хозяин твой? Гений? Бездарность? Халтурщик?
Я молве-клеветнице его не предаю,
Потому что из глины был создан Адам.
Ты — подобье Адама, бесплатный натурщик.

Кто я сам, если плачут и ходят окрест
На шарнирах и в дырах пространство и время,
Многозвездный венец возлагают на тебя
И на слабые плечи пророческий крест?

1969

ЗАСУХА

Земля зачерствела, как губы,
Обметанные сыпняком,
И засухи дымные трубы
Беззвучно гудели кругом,

И высохло русло речное,
Вода из колодцев ушла.
Навечно осталась от зноя
В крови ледяная игла.

Качается узкою лодкой
И целится в сердце мое,
Но, видно, дороги короткой
Не может найти острие.

Есть в круге грядущего мира
Для засухи этой приют,
Где души скитаются сиром
И ложной надеждой живут.

1971

* * *

Мне другие мерещатся тени,
Мне другая поет нищета.
Переплетчик забыл о шагрени,
И красильщик не красит холста,

И кузнечная музыка счетом
На три четверти в три молотка
Не проявится за поворотом
Перед выездом из городка.

За коклюшки свои кружевница
Под окном не садится с утра,
И лудильщик, цыганская птица,
Не чадит кислотой у костра,

Златобит молоток свой забросил,
Златошвейная кончилась нить.
Наблюдать умиранье ремесел
Все равно что себя хоронить.

И уже электронная лира
От своих программистов тайком
Сочиняет стихи Кантемира,
Чтобы собственным кончить стихом.

1973

* * *

Красный фонарик стоит на снегу.
Что-то я вспомнить его не могу.

Может быть, это листок-сирота,
Может быть, это обрывок бинта,

Может быть, это на снежную ширь
Вышел кружить красногрудый снегирь,

Может быть, это морочит меня
Дымный закат окаянного дня.

1973

ЗИМА В ЛЕСУ

Свободы нет в природе,
Ее соблазн исчез,
Не надо на свободе
Смущать ноябрьский лес.

Застыли в смертном сраме
Над собственной листвой
Осины вверх ногами
И в землю головой.

В рубахе погорельца
Идет мороз-Кашей,
Прищелкивая тельца
Опавших желудей.

А дуб в кафтане рваном
Стоит, на смерть готов,
Как перед Иоанном
Боярин Колычев.

Прощай, великолепье
Багряного плаща!
Кленовое отрепье
Слетело, трепеща,

В кувшине кислорода
Истлело на весу...
Какая там свобода,
Когда зима в лесу.

1973

МАРТОВСКИЙ СНЕГ

По такому белому снегу
Белый ангел альфу-омегу
Мог бы крыльями написать
И лебяжью смертную негу
Ниспослать мне как благодать.

Но и в этом снежном застое
Еле слышно о непокое
Сосны черные говорят:
Накипает под их корою
Сумасшедший слезный разлад.

Верхней ветви — семь верст до неба,
Нищей птице — ни крошки хлеба,
Сердцу — будто игла насквозь:
Велика ли его потреба, —
Лишь бы небо впору пришлось.

А по тем снегам из-за лога
Наплывает гулом тревога,
И чужда себе, предо мной
Жизнь земная, моя дорога
Бредит под своей сединой.

1974

И это снилось мне, и это снится мне,
И это мне еще когда-нибудь приснится,
И повторится все, и все довоплотится,
И вам приснится все, что видел я во сне.

Там, в стороне от нас, от мира в стороне
Волна идет вослед волне о берег биться,
А на волне звезда, и человек, и птица,
И явь, и сны, и смерть — волна вослед волне.

Не надо мне числа: я был, и есмь, и буду,
Жизнь — чудо из чудес, и на колени чуду
Один, как сирота, я сам себя кладу,
Один, среди зеркал — в ограде отражений
Морей и городов, лучащихся в чаду.
И мать в слезах берет ребенка на колени.

1974

Я тень из тех теней, которые, однажды
Испив земной воды, не утолили жажды
И возвращаются на свой кремнистый путь,
Смущая сны живых, живой воды глотнуть.

Как первая ладья из чрева океана,
Как жертвенный кувшин выходит из кургана,
Так я по лестнице взойду на ту ступень,
Где будет ждать меня твоя живая тень.

А если это ложь, а если это сказка,
И если не лицо, а гипсовая маска
Глядит из-под земли на каждого из нас
Камнями жесткими своих бесслезных глаз?..

1974

С безымянного пальца кольцо
В третий раз поневоле скатилось,
Из-под каменной маски светилось
Искаженное горем лицо.

Никому, никогда, ни при ком
Ни слезы, среди людей как в пустыне,
Одержимая вдовой гордыней,
Одиночества смертным грехом.

Но стоит над могильным холмом
Выше облака снежной колонной
Царский голос ее, просветленный
Одиночества смертным грехом.

Отпусти же и мне этот грех.
Отпусти, как тебе отпустили.
Снег лежит у тебя на могиле.
Снег слетает на землю при всех.

1974

Тот жил и умер, та жила
И умерла, и эти жили
И умерли; к одной могиле
Другая плотно прилегла.

Земля прозрачнее стекла,
И видно в ней, кого убили
И кто убил: на мертвой пыли
Горит печать добра и зла.

Поверх земли мятутся тени
Сошедших в землю поколений;
Им не уйти бы никуда
Из наших рук от самосуда,
Когда б такого же суда
Не ждали мы невесть откуда.

1975

ФЕОФАН ГРЕК

Когда я видел воплощенный гул,
И меловые крылья оживали,
Открылось мне: я жизнь перешагнул,
А подвиг мой еще на перевале.

Мне должно завещание могил,
Зияющих, как ножевая рана,
Свести к библейской резкости белил
И подмастерьем стать у Феофана.

Я по когтям узнал его: он лев,
Он кость от кости собственной пустыни,
И жажду я, и вижу сны, истлев
На раскаленных углях благостыни.

Я шесть веков дышу его огнем
И ревностью шести веков изранен.
— Придешь ли, милосердный самарянин,
Повить меня твоим прохладным льном?

1975—1976

ЖИЛИ-БЫЛИ

Вся Россия голодала,
Чуть жила на холоду,
Грамофоны, одеяла,
Стулья, шапки, что попало
На пшено и соль меняла
В девятнадцатом году.

Брата старшего убили,
И отец уже ослеп,
Все имущество спустили,
Жили, как в пустой могиле,
Жили-были, воду пили
И пекли крапивный хлеб.

Мать согнулась, постарела,
Поседела в сорок лет
И на худенькое тело
Рвань по-нищенски надела;
Ляжет спать — я то и дело:
Дышит мама или нет?

Гости что-то стали редки
В девятнадцатом году.
Сердобольные соседки
Тоже, будто птицы в клетке
На своей засохшей ветке,
Жили у себя в аду.

Но картошки гниловатой
Нам соседка принесла

И сказала:

— Как богато

Жили нищие когда-то.
Бог Россию виноватой
Счел за Гришкины дела.

Вечер был. Сказала:

— Ешьте! —

Подала лепешки мать.
Муза в розовой одежде,
Не являвшаяся прежде,
Вдруг предстала мне в надежде
Не давать ночами спать.

Первое стихотворенье
Сочинял я, как в бреду:
«Из картошки в воскресенье
Мама испекла печенье!»
Так познал я вдохновенье
В девятнадцатом году.

1977

ПУШКИНСКИЕ ЭПИГРАФЫ

I

Спой мне песню, как синица
Тихо за морем жила...

Зимний вечер

Почему, скажи, сестрица,
Не из Божьего ковша,
А из нашего напитокся
Захотела ты, душа?

Человеческое тело
Ненадежное жилье,
Ты влетела слишком смело
В сердце тесное мое.

Тело может истомиться,
Яду невзначай глотнуть,
И потянешься, как птица,
От меня в обратный путь.

Но когда ты отзывалась
На призывы бытия,
Непосильной мне казалась
Ноша бедная моя, —

Может быть, и так случится,
Что, закончив перелет,
Будешь биться, биться, биться —
И не отомкнут ворот.

Пой о том, как ты земную
Боль, и соль, и желчь пила,
Как входила в плоть живую
Смертоносная игла,

Пой, бродяжка, пой, синица,
Для которой корма нет,
Пой, как саваном ложится
Снег на яблоневый цвет,

Как возвысилась пшеница,
Да побил пшеницу град...
Пой, хоть время прекратится,
Пой, на то ты и певица,
Пой, душа, тебя простят.

1976

II

...Как мимолетное виденье,
Как гений чистой красоты...
«К* * *»

Как тот Кавказский Пленник в яме,
Из глины нищеты моей
И я неловкими руками
Лепил свистульки для детей.

Не испытав закала в печке,
Должно быть, вскоре на куски
Ломались козлики, овечки,
Верблюдики и петушки.

Бросали дети мне объедки,
Искусство жалкое ценя,

И в яму, как на зверя в клетке,
Смотрели сверху на меня.

Приспав сердечную тревогу,
Я забывал, что пела мать,
И научился понемногу
Мне чуждый лепет понимать.

Я смутно жил, но во спасенье
Души, изнывшей в полусне,
Как мимолетное виденье,
Опять явилась муза мне,

И лестницу мне опустила,
И вывела на белый свет,
И леньность сердца мне простила,
Пусть хоть теперь, на склоне лет.

1976

III

Что тревожишь ты меня?

Что ты значишь...

*Стихи, сочиненные ночью
во время бессонницы*

Разобрал головоломку —
Не могу ее сложить.
Подскажи хоть ты потомку,
Как на свете надо жить —

Ради неба или ради
Хлеба и тщеты земной,
Ради сказанных в тетради
Слов идущему за мной?

Под окном — река забвенья,
Испарения болот.
Хмель чужого поколения
И тревожит, и влечет.

Я кричу, а он не слышит,
Жжет свечу до бела дня,
Будто мне в ответ он пишет:
«Что тревожишь ты меня?»

Я не стою ни полслова
Из его черновика,
Что ни слово — для другого,
Через годы и века.

Боже правый, неужели
Вслед за ним пройду и я
В жизнь из жизни мимо цели,
Мимо смысла бытия?

1976

IV

Я каждый раз, когда хочу сундук
Мой отпереть...

Скупой рыцарь

В магазине меня обсчитали:
Мой целковый кассирше нужней.
Но каких несравнимых печалей
Не дарили мне в жизни моей:

В снежном, полном веселости мире,
Где алмазная светится высь,
Прямо в грудь мне стреляли, как в тире,
За душой, как за призом, гнались;

Хорошо мне изранили тело
И не взяли за то ни копья,
Безвозмездно мне сердце изъела
Драгоценная ревность моя;

Клевета расстилала мне сети,
Голубевшие, как бирюза,
Наилучшие люди на свете
С царской щедростью лгали в глаза.

Был бы хлеб. Ни богатства, ни славы
Мне в моих сундуках не беречь.
Не гадал мой даритель лукавый,
Что вручил мне с подарками право
На прямую свободную речь.

1977

* * *

Мир ловил меня, но не поймал.
Автоэпитафия Гр. Сковороды

Где целовали степь курганы
Лицом в траву, как горбуны,
Где дробно били в барабаны
И пыль клубили табуны,

Где на рогах волы качали
Степное солнце чумака,
Где горькой патокой печали
Чадил костер из кизяка,

Где спали каменные бабы
В календаре былых времен
И по ночам сходились жабы
К ногам их плоским на поклон,

Там пробирался я к Азову:
Подставил грудь под суховей,
Босой, пошел на юг по зову
Судьбы скитальческой своей,

Топтал чабрец родного края
И ночевал — не помню где,
Я жил, невольюно подражая
Григорию Сковороде,

Я грыз его благословенный,
Священный, каменный сухарь,
Но по лицу моей вселенной
Он до меня прошел, как царь;

Пред ним прельстительные сети
Меняли тщетно цвет на цвет.
А я любил-ячейки эти,
Мне и теперь свободы нет.

Не надивуюсь я величию ;
Счастливых помыслов его.
Но подари мне песню птичью
И степь — не знаю для чего.

Не для того ли, чтоб оттуда
В свой час при свете поздних звезд,
Благословив земное чудо,
Вернуться на родной погост?

1976

ГРИГОРИЙ СКОВОРОДА

Не искал ни жилища, ни пищи,
В ссоре с кривдой и с миром не в мире,
Самый косноязычный и нищий
Изо всех государей Псалтыри.

Жил в сродстве горделивый смиренник
С древней книгою книг, ибо это
Правдолюбия истинный ценник
И душа сотворенного света.

Есть в природе притин своеволью:
Степь течет оксамитом под ноги,
Присыпает сивашскою солью
Черствый хлеб на чумацкой дороге,

Птицы молятся, верные вере,
Тихо светят речистые речки,
Домовитые малые звери
По-над норами встали, как свечки.

Но и сквозь обольщения мира,
Из-за литер его Алфавита¹,
Брезжит небо синее сапфира,
Крыльям разума настезь открыто.

1976

¹ «Алфавит мира» — трактат Григория Сковороды. Сковорода почитал Библию душой мира. (Прим. автора.)

Душу, вспыхнувшую на лету,
Не увидели в комнате белой,
Где в перстах милосердных колдуний
Нежно теплилось детское тело.

Дождь по саду прошел накануне,
И просохнуть земля не успела;
Столько было сирени в июне,
Что сияние мира синело.

И в июле, и в августе было
Столько света в трех окнах, и цвета
Столько в небо фонтанами било
До конца перевозданного лета,
Что судьба моя и за могилой
Днем творенья, как почва, прогрета.

1976

Просыпается тело,
Напрягается слух.
Ночь дошла до предела,
Крикнул третий петух.

Сел старик на кровати,
Заскрипела кровать.
Было так при Пилате.
Что теперь вспоминать.

И какая досада
Сердце точит с утра?
И на что это надо —
Горевать за Петра?

Кто всего мне дороже,
Всех желаннее мне?
В эту ночь — от кого же
Я отрекся во сне?

Крик идет петушиный
В первой утренней мгле
Через горы-долины
По широкой земле.

1976

Был домик в три оконца
В такой окрашен цвет,
Что даже в спектре солнца
Такого цвета нет.

Он был еще спектральной,
Зеленый до того,
Что я в окошко спальни
Молился на него.

Я верил, что из рая,
Как самый лучший сон,
Оттенка не меняя,
Переместился он.

Поныне домик чудный,
Чудесный и чудной,
Зеленый, изумрудный,
Стоит передо мной.

И ставни затворяли,
Но иногда и днем
На чем-то в нем играли
И что-то пели в нем,

А ночью на крылечке
Прощались, и впотьмах
Затепливали свечи
В бумажных фонарях.

1976

Еще в ушах стоит и гром и звон:
У, как трезвонил вагоновожатый!

Туда ходил трамвай, и там была
Неспешная и мелкая река —
Вся в камыше и ряске.

Я и Валя

Сидим верхом на пушках у ворот
В Казенный сад, где двухсотлетний дуб,
Мороженщики, будка с лимонадом
И в синей раковине музыканты.

Июнь сияет над Казенным садом.

Труба бубнит, бьют в барабан, и флейта
Свистит, но слышно, как из-под подушки:
В полбарабана, в полтрубы, в полфлейты
И в четверть сна, в одну восьмую жизни.

Мы оба

(в летних шляпах на резинке,
В сандалиях, в матросках с якорями)
Еще не знаем, кто из нас в живых
Останется, кого из нас убьют,
О судьбах наших нет еще и речи,
Нас дома ждет парное молоко,
И бабочки садятся нам на плечи,
И ласточки летают высоко.

1976

* * *

Ночью медленно время идет.
Завершается год високосный.
Чуют жилами старые сосны
Вешних смол коченеющий лед.

Хватит мне повседневных забот,
А другого мне счастья не надо.
Я-то знаю: и там, за оградой,
Чей-нибудь завершается год.

Знаю: новая роща встает
Там, где сосны кончаются наши.
Тяжелы черно-белые чаши,
Чуют жилами срок и черед.

1976

А все-таки я не истец,
Меня и на земле кормили:
«Налей ему прокисших щец,
Остатки на помойку вылей».

Всему свой срок и свой конец,
А все-таки меня любили:
Одна: «Прощай!» — и под венец,
Другая крепко спит в могиле,

А третья — у чужих сердец
По малой капле слез и смеха
Берет и складывает эхо.
И я должник, а не истец.

1977

БОБЫЛЬ

Двор заполонила сорная,
Безнадзорная, узорная,
Подзаборная трава,
Дышит мятой и паслёном,
Шелком шитые зеленым
Простирает рукава.

На дворе трава некошена,
С похорон гостей не прошено,
И бобыль один в избе
Под окошком с крестовиной,
Заплетённым паутиной,
Спит с сигаркой на губе,

Видит сон про птицу райскую,
Про свою вину хозяйскую
Перед Богом и женой,
Про невзбитую подушку,
Непечатую чекушку
И про тот платок цветной.

1977

* * *

Влажной землей из окна потянуло,
Уксусной прелью хмельнее вина;
Мать подошла и в окно заглянула,
И потянуло землей из окна.

— В зимней истоме у матери в доме
Спи, как ржаное зерно в черноземе,
И не заботься о смертном конце.

— Без сновидений, как Лазарь во гробе,
Спи до весны в материнской утробе,
Выйдешь из гроба в зеленом венце.

1977

Меркнет зрение — сила моя,
Два незримых алмазных копья;
Глохнет слух, полный давнего грома
И дыхания отчего дома;
Жестких мышц ослабели узлы,
Как на пашне седые волы;
И не светятся больше ночами
Два крыла у меня за плечами.

Я свеча, я сгорел на пиру.
Соберите мой воск поутру,
И подскажет вам эта страница,
Как вам плакать и чем вам гордиться,
Как веселья последнюю треть
Раздарить и легко умереть,
И под сенью случайного крова
Загореться посмертно, как слово.

1977

Бабочки хохочут как безумные,
Вьются хороводы милых дур
По лазурному нагромождению
Стереометрических фигур:
Учит их всей этой математике
Голенький и розовый амур.

Хореографическим училищем,
Карнавальным молодым вином
Отдает июньская сумятица
Бабочек, играющих с огнем,
Перебрасывающихся бисером
Со своим крылатым вожакom.

И уносит их ватагу школьную,
Хрупкую, бездумную, безвольную,
Ветер, в жизнь входящий напролом.

1978

Сколько листвы намело. Это легкие наших деревьев,
Опустошенные, сплюсненные пузыри кислорода,
Кровли птичьих гнездовий, опора летнего неба,
Крылья замученных бабочек, охра и пурпур надежды
На драгоценную жизнь, на раздоры и примиренья.
Падайте наискось наземь, горите в кострах, дотлевайте,
Лодочки глупых сильфид, у нас под ногами. А дети
Северных птиц улетают на юг, ни с кем не прощаясь.
Листья, братья мои, дайте знак, что через полгода
Ваша зеленая смена оденет нагие деревья.
Листья, братья мои, внушите мне полную веру
В силы, и зренье благое мое, и мое осязанье,
Листья, братья мои, укрепите меня в этой жизни,
Листья, братья мои, на ветвях удержитесь до снега.

1978

* * *

В последний месяц осени,
На склоне
Горчайшей жизни,
Исполненный печали,
Я вошел
В безлиственный и безымянный лес.
Он был по край омыт
Молочно-белым
Стеклом тумана.
По седым ветвям
Стекали слезы чистые,
Какими
Одни деревья плачут накануне
Всеобесцвечивающей зимы.
И тут случилось чудо:
На закате
Забрезжила из тучи синева,
И яркий луч пробился, как в июне,
Из дней грядущих в прошлое мое.
И плакали деревья накануне
Благих трудов и праздничных щедрот
Счастливых бурь, клубящихся в лазури,
И повели синицы хоровод,
Как будто руки по клавиатуре
Шли от земли до самых верхних нот.

1978

От составителя

В настоящий сборник включены почти все стихотворения, вошедшие в прижизненное издание Арсения Тарковского — «Избранное» (М.: Художественная литература, 1982).

Из стихотворений, не включенных автором в «Избранное», выбраны те, которые важны для более полного представления о творческом пути поэта.

Стихотворения располагаются в хронологическом порядке, согласно датам их написания, выверенным по рукописным тетрадам автора.

Под каждым стихотворением ставится год его написания. Две даты через тире указывают на год написания стихотворения и на год его последней авторской редакции. В тех случаях, когда, на наш взгляд, необходимо уточнение времени написания стихотворения, ставится число и месяц.

В стихотворных циклах год написания ставится под каждым отдельным стихотворением. Если стихотворения, вошедшие в цикл, написаны в один и тот же год, он указывается под последним из них. Циклы помещены согласно хронологии по году написания первого стихотворения.

Исключение составляют стихи «Памяти А. А. Ахматовой», которые, кроме первого, открывающего цикл, написаны в 1967 году. Поэтому они помещены в рамках этого года.

«Цветаевский» цикл возник из стихотворений, написанных в разные годы и печатавшихся разрозненно в различных изданиях (книги «Избранное», «Земле —

земное», «Волшебные горы», альманах «День поэзии — 1965»). В рукописях поэта указаний о его построении и составе не встречается. Впервые как цикл — в книге: *Тарковский А. А. Собр. соч.: В 3 т. М.: Художественная литература, 1991. Т. 1: Стихотворения.*

Стихотворение, открывающее цикл в Собрании сочинений — «Из старой тетради» («Все наяву связалось — воздух самый...»), написано в марте 1941 года, до начала войны, при жизни Цветаевой. Поэтому мы ставим его по хронологии перед стихами «Памяти Марины Цветаевой» и приводим по тексту сборника «Земле — земное», но, согласно рукописи 1941 года, под заглавием «Марине Цветаевой».

Что касается цикла «Чистопольская тетрадь», то в списке, подаренном поэтом Марии Сергеевне Петровых в Чистополе в 1941 году, он носил название «Камская тетрадь» и включал в себя семь стихотворений. Туда не входили стихи «Упала, задохнулась на бегу...», «Вы нашей земли не считаете раем...» и «Елабуга» (в тетради 1960-х годов — без заглавия — «Зову — не отзывается, крепко спит Марина...»). В рукописной тетради стихотворений 1941—1945 годов цикл размещен под заголовком «Чистопольская тетрадь», он состоял из восьми стихотворений. Туда не входили стихи «Вы нашей земли не считаете раем...» и «Елабуга». В настоящей книге цикл «Чистопольская тетрадь» приводится по рукописной тетради 1960-х годов.

Стихотворения «Ода» и «Вторая ода», согласно указанию автора на полях тетради 1960-х годов, печатаются вместе.

Тексты проверены по «Избранному» и по рукописям, ряд стихотворений публикуется в первоначальных редакциях. В тех случаях, когда текст стихотворения изменялся автором для печати из цензурных соображений или по требованию редакции (в большинстве случаев такие места отмечены в рукописях поэтом), восстанавливается подлинный текст. К таким стихам относятся «Смерть на все накладывает лапу...» («Чистопольская тетрадь»), «Портной из Львова, перелицов-

ка и починка», «Конец навигации», «Из окна», «Оливы», «Поэт начала века», «Степь», «Сны», «Григорий Сковорода» и некоторые другие.

Стихотворение «Мы крепко связаны разладом...» (1960) из-за цензуры печаталось под заголовком «Песня под пулями» вместе с военными стихами. Мы помещаем его, согласно рукописи, без заголовка, который уводит от правильного понимания стихотворения.

Авторские сноски в стихотворениях «Григорий Сковорода» и «Шекспир — Эсхил» сохраняются.

М. Т.

Хроника жизни и творчества Арсения Александровича Тарковского

1907 — 12 июня (25 июня н. ст.) — родился в Елисаветграде Херсонской губернии;

25 июня — крещен в Преображенской церкви.

1914 — посещает с отцом поэтические вечера приезжавших в Елисаветград поэтов — К. Бальмонта, И. Северянина, Ф. Сологуба;

— гибель на фронте Первой мировой войны, в Мазурских болотах, мужа тетки Веры Карловны полковника Владимира Дмитриевича Ильина, дяди Володи;

29 сентября — заболел скарлатиной.

1915 — поступает в подготовительный класс гимназии Крыжановского.

1919 — попадает в плен к атаманше Маруське Никифоровой;

май — в бою с отрядом Григорьева погибает старший брат Валерий.

1922 — кончает елисаветградскую трудовую школу № 11 и поступает в 1-ю зиновьевскую профтехническую школу.

1924 — 26 декабря — смерть отца, А. К. Тарковского.

1925 — конец июня — едет в Москву для продолжения образования. Работает распространителем книг. После собеседования поступает на Высшие государственные литературные курсы при Всероссийском Союзе поэтов при Москпрофобра. Знакомится с поэтом и теоретиком стиха Георгием Александровичем Шенгели.

1926 — работает распространителем литературы;

декабрь — едет в Ленинград, где был принят поэтом и прозаиком Ф. Сологубом. Встреча с М. Г. Фальц.

1927 — публикация в сборнике «Две зари» (изд. «Никитинские субботники») стихотворения «Свеча» (1926).

С конца 1920-х гг. — работает в газете «Гудок», пишет очерки и стихотворные фельетоны. Псевдоним — Тарас Подкова.

1928 — 20 февраля — смерть в Зиновьевске А. В. Гусева, дяди Саши;

февраль — женится на Марии Ивановне Вишняковой, также слушательнице Высших государственных литературных курсов;

лето — едет в Зиновьевск к матери. Провожает М. Г. Фальц в Одессу.

1929 — закрытие Высших государственных литературных курсов. Слушателям предоставлено право сдать выпускные экзамены в 1-м МГУ. Тарковский этим правом не воспользовался;

лето — едет в Зиновьевск к матери.

1930 — июнь — уезжает в село Завражье Юрьевоцкого района Ивановской области к своей теще, Вере Николаевне Петровой (1880—1966).

1931 — работа на Всесоюзном радио;

май — на квартире у поэта Рюрика Ивнева молодые поэты А. Тарковский, Н. Берендгоф, А. Штейнберг читают свои стихи О. Э. Мандельштаму;

лето — командировка под Нижний Новгород на стекольный завод. Пишет радиопьесу «Стекло»;

— в Завражье у Петровых. Вспышка туберкулезного процесса.

1932 — 3 января — поэма «Стекло» передается по Всесоюзному радио. Ее автор подвергается критике за «мистику»;

конец марта — вместе с женой приезжает в село Завражье;

4 апреля — рождение сына Андрея;

6 июня — уехал в Москву из Завражья;

декабрь — поездка в Ленинград.

1933 — примерно в этом году Г. А. Шенгели, тогда сотрудник отдела литературы народов СССР Гослитиздата, привлекает к работе над переводами национальной поэзии молодых поэтов — А. Тарковского, М. Петровых, С. Липкина, А. Штейнберга и др.;

лето — с семьей едет в город Юрьевец, где живет его теща (Революционный пер., д. 3).

- 1934 — выход первой книги переводов;
лето — неоднократно присзжает в Малоярославец, где живут на даче жена и сын;
— творческая поездка в Орджоникидзе (Северная Осетия);
3 октября — рождение дочери Марины.
1936 — *май* — поездка в Симферополь и Ялту (дом отдыха);
— знакомство с Антониной Александровной Бохоновой (1905—1951).
1937 — уход из семьи. Соединяет жизнь с А. А. Бохоновой.
1938 — *лето* — живет на Волге с А. А. Бохоновой в 60 км вниз по Волге от Калинина (теперь Тверь);
— поездка в Туркмению для переводов стихов туркменского поэта Кемине;
— перевод драмы в стихах Ги де Мопассана «Измена графини де Рюм» (по подстрочнику Нины Витальевны Горнунг).
1939 — *весна* — поездка в Тбилиси;
лето — живет в Чечено-Ингушетии (Грозный, поселок Ведено) с женой и ее дочерью, Еленой Трениной. Работает над переводами чеченских и ингушских поэтов;
сентябрь — едет по издательским делам в Ленинград. Заболевает там дифтерией, лежит в больнице им. Боткина;
начало октября — присутствует на похоронах Л. Д. Менделеевой.
1940 — вступает в Союз писателей СССР;
— знакомится с М. И. Цветаевой;
— официальный развод с М. И. Тарковской-Вишняковой.
1941 — 22 июня — началась война;
лето — проходит военную подготовку с писателями Москвы;
16 октября — с матерью, М. Д. Тарковской, выезжает в Чистополь Татарской ССР, куда эвакуируется Союз писателей и где уже находится А. А. Бохонова с дочерью;
октябрь — *ноябрь* — работает в колхозе и на разгрузке дров. Создает цикл «Чистопольская тетрадь». Пишет многочисленные заявления в правление Союза писателей с просьбой направить его на фронт;

декабрь — с группой писателей возвращается в Москву, где ждет назначения в действующую армию;

конец декабря — получает назначение в действующую армию.

1942 — 3 января — Приказом НКО СССР за № 0220 зачислен на должность писателя армейской газеты.

Январь 1942 — декабрь 1943 — работает как военный корреспондент и автор стихотворных материалов в газете 11-й (потом 16-й Гвардейской Краснознаменной) армии «Боевая тревога». Пишет песни для армейского ансамбля песни и пляски.

1943 — январь — представлен к награждению орденом Красной Звезды;

конец сентября — начало октября — приезжает в отпуск в Москву;

3 октября — приезжает к детям в Переделкино;

13 декабря — тяжело ранен под Городком Витебской области;

декабрь — находится в военных госпиталях, где переносит несколько ампутаций левой ноги.

1944 — январь — жена перевозит Тарковского из Калинин в Москву. Находится в госпитале в Москве (сейчас Институт им. Вишневого на Б. Серпуховской улице). Профессор Вишневский производит еще одну ампутацию, в результате которой удается остановить газовую гангрену;

— смерть матери, М. Д. Тарковской;

лето — живет с женой в Доме творчества писателей в поселке Переделкино.

1945 — едет в Грузию. В Тбилиси встречается с поэтами С. Чиковани, Г. Абашидзе, с актрисой Натой Вачнадзе, а также с женщиной по имени Кетевана, которой посвящает несколько лирических стихотворений;

август — с женой А. А. Бохоновой едет в Армению в творческую командировку. Встречи с поэтессой С. Капутикян и художником М. Сарьяном;

— готовит книгу стихотворений для издательства «Советский писатель».

1946 — в доме Г. А. Шенгели и его жены, поэтессы Н. Л. Манухиной, знакомится с А. А. Ахматовой;

— выходят «чистые листы» и «сигнал» книги стихов. После постановления ЦК КПСС «О журналах „Звезда“ и „Ленинград“» книга снимается с производства.

1947 — связывает свою судьбу с Т. А. Озерской (1907—1991);

— работает в Ашхабаде и Фирузе над переводами туркменского классика Махтумкули.

1948 — в Ашхабаде и Нукусе работает над переводом каракалпакского эпоса «Сорок девушек»; получает комнату от Союза писателей по адресу ул. Коровий вал, д. 22, кв. 4.

1949 — весна — ЦК КПСС поручает Тарковскому перевод юношеских стихов И. В. Сталина (к 70-летию вождя). Осенью поручение отменяется;

сентябрь — поездка в Туркмению.

1950 — август — поездка в Азербайджан для работы над переводом поэмы Расула Рзы «Ленин» с Т. А. Озерской, ее сыном, Алексеем Студенецким, и дочерью Мариной (Баку, Мардакяны, село Алты-Агач);

декабрь — оформляет развод с А. А. Бохоновой.

1951 — 26 января — регистрирует брак с Т. А. Озерской;

22 марта — смерть А. А. Бохоновой.

1954 — делегат 2-го Всесоюзного съезда советских писателей.

1955 — лето — посещает Кировоград (бывший Елисаветград, Зиновьевск).

1959 — май — с Т. А. Озерской-Тарковской лечится на чехословацком курорте Карловы Вары. Посещает ГДР.

1962 — выход в свет первой книги «Перед снегом» (М.: «Советский писатель», 142 с., тир. 6000 экз.);

август — сын поэта, кинорежиссер Андрей Тарковский, получает Главный приз Венецианского международного кинофестиваля за фильм «Иваново детство».

1960-е гг. — ведет поэтическую студию при Московском отделении Союза писателей. Выступает на поэтических вечерах.

1965 — поездка в Польшу.

1966 — выход книги «Земле — земное» (М.: «Советский писатель», 175 с., тир. 20 000 экз.);

5 марта — смерть А. А. Ахматовой;

9 марта — вместе с В. А. Кавериним сопровождает гроб с телом А. А. Ахматовой в Ленинград;

апрель — в составе делегации советских писателей едет с женой во Францию.

1967 — в составе делегации советских писателей едет с женой в Англию. Встреча с литературоведом и переводчиком русской поэзии Питером Норманом и его женой Н. С. Франк.

1969 — выходит книга «Вестник» (М.: «Советский писатель», 291 с., тир. 20 000 экз.).

1970 — поездка во Францию;

— поездка на Украину (Житомир, Киев).

1971 — лето — поездка с женой в Грузию (Боржоми, санаторий «Ликани»);

— присуждение Государственной премии Туркменской ССР им. Махтумкули.

1974 — выход книги «Стихотворения» (М.: «Художественная литература», 288 с., тир. 25 000 экз.).

1977 — в связи с семидесятилетием награжден орденом Дружбы народов.

1978 — выход книги «Волшебные горы» (Тбилиси: «Мерани», 283 с., тир. 15 000 экз.).

1979 — 5 октября — смерть Марии Ивановны Вишняковой, первой жены.

1980 — выход книги «Зимний день» (М.: «Советский писатель», 96 с., тир. 25 000 экз.).

1982 — выход книги «Избранное» (М.: «Художественная литература», 736 с., тир. 25 000 экз.);

осень — едет в Ереван.

1983 — выход книги «Стихи разных лет» (М.: «Современник», 206 с., тир. 20 000 экз.).

1986 — 29 декабря — в Париже скончался сын, Андрей Арсеньевич Тарковский.

1987 — в связи с восьмидесятилетием награжден орденом Трудового Красного Знамени;

— выход книг «От юности до старости» (М.: «Советский писатель», 112 с., тир. 50 000 экз.) и «Быть самим собой» (М.: «Советская Россия», 256 с., тир. 20 000 экз.).

1988 — с ноября — находится в Центральной клинической больнице в Кунцево.

1989 — *апрель* — выход книги «Звезды над Арагацем» (Ереван: «Сове тахан грох», 234 с., тир. 5000 экз.) (на титульном листе дата — 1988);

27 мая — скончался в больнице;

1 июня — похоронен на кладбище в Перedelкинe после гражданской панихиды в Центральном доме литераторов и отпевания в храме Преображения Господня;

ноябрь — Постановлением правительства СССР присуждена посмертно Государственная премия за книгу стихотворений «От юности до старости».

Указатель

- «А в доме у Тарковских...» (Мерещится веялка; Зима в детстве, II) 252
- «А все-таки я не истец...» 299
- Актер («Все кончается, как по звонку...») 173
- Анжело Секки («Здесь, в Риме, после долгого изгнания...») 112
- «А ну-ка, Македонца или Пушкина...» (Имена) 119
- Бабочка в госпитальном саду («Из тени в свет перелетая...») 67
- «Бабочки хохочут как безумные...» 303
- Балет («Пиликает скрипка, гудит барабан...») 132
- Бедный рыбак («Я рыбак, а сети...»; Две японские сказки, I) 108
- Беженец («Не пожалела на дороге соли...»; Чистопольская тетрадь, IV) 44
- Белый день («Камень лежит у жасмина...») 52
- «Беспомощней, суровее и суше...» (Чистопольская тетрадь, II) 43
- Бессонница («Мебель трескается по ночам...») 136
- «Блеют овцы, суетится стадо...» 6
- Близость войны («Кто может умереть — умрет...») 28
- Бобыль («Двор заполонила сорная...») 300
- «Бывает, в летнюю жару лежишь...» (После войны, III) 188
- «Был домик в три оконца...» 296
- «Бьют часы на башне...» (Град на Первой Мещанской) 19
- В дороге («Где черный ветер, как налетчик...») 179
- «Венков еловых птички лапки...» (Могила поэта, II) 166
- Верблюд («На длинных нерусских ногах...») 92
- Весенняя пиковая дама («Зимний Германн поставил...») 229
- Ветер («Душа моя затосковала ночью...») 184
- «Вечерний, сизокрылый...» 169
- Вещи («Все меньше тех вещей, среди которых...») 128
- «В желтой траве отплясали кузнечики...» (Зима в детстве, I) 252
- «В затонах остывают пароходы...» (Конец навигации) 131

- «Взглянул я на руки свои...» (Руки) 207
- «Влажной землей из окна потянуло...» 301
- «В лесу потерял я ружье...» (У лесника) 193
- «Вложи мне в руку Николин образок...» (Чистопольская тетрадь, III) 44
- «В магазине меня обсчитали...» (Пушкинские эпитафии, IV) 289
- «В мастерской живописца сидит манекен...» (Манекен) 273
- В музее («Это не мы, это они — ассирийцы...») 195
- «В обнимку с молодостью, второпях...» (Эсхил) 180
- «Во вселенной наш разум счастливый...» 262
- «Вот и лето прошло...» 259
- «В последней четверти луна...» (Луна в последней четверти; Две лунные сказки, I) 83
- «В последний месяц осени...» 305
- «Все жужжит беспокойное веретено...» (Мельница в Даргавском ущелье) 22
- «Все кончается, как по звонку...» (Актер) 173
- «Все меньше тех вещей, среди которых...» (Вещи) 128
- «Все наяву связалось — воздух самый...» (Марине Цветаевой) 36
- «Все не спит палата госпитальная...» (Полька) 63
- «Все разошлись. На прощанье осталась...» (Перед листопадом) 8
- «В сердце дунет ветер тонкий...» (Фотография) 130
- «Все ты ходишь в платье черном...» 10
- «В снегу, под небом синим...» (Синицы) 138
- «Вся Россия голодала...» (Жили-были) 284
- «В то лето народное горе...» (Затмение Солнца. 1914) 141
- Вторая ода («Подложи мне под голову руку...») 191
- «Вы, жившие на свете до меня...» 181
- «Вы нашей земли не считаете раем...» (Чистопольская тетрадь, IX) 47
- «Вытрет губы, наденет шинель...» (Проводы) 56
- «Где белый камень в диком блеске...» (Греческая кофейня) 143
- «Где ветер бросает ножи...» (Утро в Вене) 159
- «Где вьюгу на латынь...» (Степная дудка, III) 215
- «Где твоя волна гремучая...» (Памяти Марины Цветаевой, I) 37
- «Где ты, писательница малосоляная...» (Елена Молоховец) 122
- «Где целовали степь курганы...» 291
- «Где черный ветер, как налетчик...» (В дороге) 179
- Голуби («Семь голубей — семь дней недели...») 160
- Град на Первой Мещанской («Бьют часы на башне...») 19

- Граммофонная пластинка (цикл) 226
- Греческая кофейня («Где белый камень в диком блеске...») 143
- Григорий Сковорода («Не искал ни жилища, ни пищи...») 293
- «Давно мои ранние годы прошли...» (Песня) 192
- Дагестан («Я лежал на вершине горы...») 85
- «Даже песня дается недаром...» (Карловы Вары) 182
- «Далеко, далеко, за полсвета...» (Кактус) 95
- 25 июня 1935 года («Хорош ли праздник мой, малиновый иль серый...») 27
- 25 июня 1939 года («И страшно умереть, и жаль оставить...») 29
- Две лунные сказки (цикл) 83
- Две японские сказки (цикл) 108
- «Двор заволодела сорная...» (Бобыль) 300
- «Девочка Серебряные Руки...» (Серебряные Руки) 174
- «Девочке в сером халате...» (Четвертая палата) 148
- Дерево Жанны («Мне говорят, а я уже не слышу...») 175
- Деревья (цикл) 102
- «Державы птичьей нищеты...» (Деревья, II) 103
- Дождь в Тбилиси («Мне твой город нерусский...») 74
- Дом («Как я хочу вдохнуть в стихотворенье...») 26
- Дом («Юность я проморгал у судьбы на задворках...») 16
- Дом без жильцов («Дом без жильцов заснул и снов не видит...») 256
- Дом без жильцов заснул и снов не видит...» (Дом без жильцов) 256
- Дом напротив («Ломали старый деревянный дом...») 161
- «Домой, домой, домой...» (Памяти А. А. Ахматовой, III) 249
- Дорога («Я врѣзался в возраст учета...») 230
- «Дорога ведет под обрыв...» (Оливы) 170
- «До сих пор мне было невдомек...» (Звездный каталог) 71
- До стихов («Когда, еще спросонок, тело...») 233
- «Дровяные, погонные возвожу алтари...» (Чистопольская тетрадь, V) 45
- «Друг, за чашу благодарствуй...» (Цейский ледник) 24
- «Друзья, правдолюбцы, хозяева...» (Памяти Марины Цветаевой, III) 38
- Дума («И горько стало мне, что жизнь моя прошла...») 88
- «Душа и не глядит...» (Малиновка) 121
- «Душа моя затосковала ночью...» (Ветер) 184
- «Душу, вспыхнувшую на лету...» 294
- Елена Молоховец («Где ты, писательница малосольная...») 122
- «Если б, как прежде, я был горделив...» 17

- «Если правду сказать...» (Сверчок) 30
«Ехал из Брянска в теплушке слепой...» 57
«Еще в скорлупе мы висим на хвощах...» (Предупреждение) 206
«Еще в ушах стоит и гром и звон...» 297
«Еще мои руки не связаны...» (Из окна) 147
- «Живите в доме — и не рухнет дом...» (Жизнь, жизнь, II) 236
Жизнь, жизнь (цикл) 236
«Жизнь меня к похоронам...» 96
«Жил да был художник Пауль Клее...» (Пауль Клее) 114
Жили-были («Вся Россия голодала...») 284
«Жили, воевали, голодали...» (Степная дудка, I) 214
- Загадка с разгадкой («Кто, еще прозрачный школьник...») 194
«За мертвым сиротливо и пугливо...» (Могила поэта, I) 166
«Западный ветер погнал облака...» (Русалка) 110
«Записал я длинный адрес на бумажном лоскутке...» 18
Засуха («Земля зачерствела, как губы...») 274
Затмение Солнца. 1914 («В то лето народное горе...») 141
«За то, что на свете я жил неумело...» (Земля) 60
«Зачем заковылаешь на ночь...» (Ночной звонок) 81
Звездный каталог («До сих пор мне было невдомек...») 71
«Здесь, в Риме, после долгого изгнания...» (Анжело Секки) 112
Земля («За то, что на свете я жил неумело...») 60
«Земля зачерствела, как губы...» (Засуха) 274
«Земля неплодородная, степная...» (Степная дудка, IV) 215
«Земля сама себя глотает...» (Степь) 210
Земное («Когда б на роду мне написано было...») 199
Зима в детстве (цикл) 252
Зима в лесу («Свободы нет в природе...») 277
«Зимний Германн поставил...» (Весенняя пиковая дама) 229
Зимой («Куда меня ведет подруга...») 156
«Зову — не отзывается, крепко спит Марина...» (Чистопольская тетрадь, X) 47
Зуммер («Я бессмертен, пока я не умер...») 209
- «Иван до войны проходил у ручья...» (Иванова ива) 151
Иванова ива («Иван до войны проходил у ручья...») 151
Игнатъевский лес («Последних листьев жар сплошным саможжением...») 23
«И горько стало мне, что жизнь моя прошла...» (Дума) 88
Из окна («Еще мои руки не связаны...») 147
«Из тени в свет перелетая...» (Бабочка в госпитальном саду) 67
Имена («А ну-ка, Македонца или Пушкина...») 119

- «И страшно умереть, и жаль оставить...» (25 июня 1939 года)
29
- «Их так немного было у меня...» (Памяти друзей) 65
- «И что ни человек, то смерть, и что ни...» (Как двадцать два года тому назад; Памяти Марины Цветаевой, V) 40
- «И это снилось мне, и это снится мне...» 279
- «И эту тень я проводил в дорогу...» (Памяти А. А. Ахматовой, V) 250
- «Июнь, июль, пройди по рынку...» (Граммозфонная пластинка, I) 226
- «И я ниоткуда...» 255

Как двадцать два года тому назад («И что ни человек, то смерть, и что ни...»; Памяти Марины Цветаевой, V) 40

- «Как дерево поверх лесной травы...» (После войны, I) 187
- «Как дерево с подмытого обрыва...» (После войны, IV) 188
- «Как золотая птичка...» 62
- «Как зрение — сетчатке, голос — горлу...» (Явь и речь) 239
- «Какое счастье у меня украли!...» (Темнеет) 168
- «Как сорок лет тому назад, сердцебиение при звуке...» 269
- «Как сорок лет тому назад я вымок под дождем...» 270
- «Как тот Кавказский Пленник в яме...» (Пушкинские эпиграфы, II) 287
- Кактус («Далеко, далеко, за полсвета...») 95
- «Как я хочу вдохнуть в стихотворенье...» (Дом) 26
- «Камень лежит у жасмина...» (Белый день) 52
- Камень на пути («Пророческая власть поэта...») 203
- Карловы Вары («Даже песня дается недаром...») 182
- «Клянусь, мне столько лет, что наковальня...» (Кузнец) 218
- Книга травы («О нет, я не город с кремлем над рекой...») 68
- «Когда б на роду мне написано было...» (Земное) 199
- «Когда вступают в спор природа и словарь...» 244
- «Когда, еще спросонок, тело...» (До стихов) 233
- «Когда купальница с тяжелою косою...» 86
- «Когда под соснами, как подневольный раб...» 272
- «Когда тебе придется туго...» (Стань самим собой) 125
- «Когда у Николы Морского...» (Памяти А. А. Ахматовой, II) 248
- «Когда я вечную разлуку...» (Кора) 172
- «Когда я видел воплощенный гул...» (Феофан Грек) 283
- Колыбель («Что всю ночь не спишь, прохожий...») 13
- Комитас («Ничего душа не хочет...») 185
- Конец навигации («В затолах остывают пароходы...») 131
- Кора («Когда я вечную разлуку...») 172
- «Красный фонарик стоит на снегу...» 276

К стихам («Стихи мои, птенцы, наследники...») 202
«Кто, еще прозрачный школьник...» (Загадка с разгадкой) 194
«Кто может умереть — умрет...» (Близость войны) 28
«Куда меня ведет подруга...» (Зимой) 156
Кузнец («Клянусь, мне столько лет, что наковальня...») 218
«Кузнечик на лугу стрекочет...» (Кузнечики, II) 20
Кузнечики (цикл) 20
«Кухарка жирная у скаред...» 117

Лазурный луч («Сам не знаю, что со мною...») 149
Ласточки («Летайте, ласточки, но в клювы не берите...») 254
«Летайте, ласточки, но в клювы не берите...» (Ласточки) 254
«Лиловая в Крыму и белая в Париже...» (Первая гроза) 257
«Ломали старый деревянный дом...» (Дом напротив) 161
Луна в последней четверти («В последней четверти луна...»;
Две лунные сказки, I) 83
Луна и коты («Прорвав насквозь лимонно-серый...»; Две лун-
ные сказки, II) 83
«Льнут к Господнему порогу...» (Чистопольская тетрадь, I) 42

Малиновка («Душа и не глядит...») 121
«Мало мне воздуха, мало мне хлеба...» (Ода) 190
Малютка-жизнь («Я жизнь люблю и умереть боюсь...») 155
«Мамка птичья и стрекозья...» 261
Манекен («В мастерской живописца сидит манекен...») 273
«Марина стирает белье...» (Стирка белья; Памяти Марины
Цветаевой, IV) 39
Марине Цветаевой («Все наяву связалось — воздух самый...») 36
Мартовский снег («По такому белому снегу...») 278
«Мебель трескается по ночам...» (Бессонница) 136
Мельница в Даргавском ущелье («Все жужжит беспокойное
веретено...») 22
«Меня хватило бы на все живое...» (После войны, II) 187
Мерещится веялка («А в доме у Тарковских...»; Зима в дет-
стве, II) 252
«Меркнет зрение — сила моя...» 302
«Мерцают желтым язычком...» (Свеча) 5
«Мне бы только теперь до конца не раскрыться...» 260
«Мне в черный день приснится...» 99
«Мне говорят, а я уже не слышу...» (Дерево Жанны) 175
«Мне другие мерещатся тени...» 275
«Мне запомнится таянье снега...» (Фонари) 98
«Мне опостытели слова, слова, слова...» 225
«Мне слышался чей-то...» (Флейта; Две японские сказки,
II) 108

- «Мне твой город нерусский...» (Дождь в Тбилиси) 74
 Могила поэта (цикл) 166
 «Могучая архитектура ночи!...» (Телец, Орион, Большой Пес) 139
 Мщение Ахилла («Фиолетовой от зноя...») 231
 «Мы звезды меняем на птичьи кларнеты...» (Поэты) 163
 «Мы крепко связаны разладом...» 186
 «Мы — только под прямым углом...» (Под прямым углом) 205
 «Мы шли босые, злые...» 146
- На берегу («Он у реки сидел на камыше...») 101
 «На длинных нерусских ногах...» (Верблюды) 92
 Надпись на книге («Покинул я семью и теплый дом...») 76
 «На каждый звук есть эхо на земле...» (Степная дудка, II) 214
 «На полустанке я вышел. Чугун отдыхал...» (Приазовье) 268
 «На пространство и время ладони...» 264
 «На черной трубе погорелого дома...» 171
 «Над черно-сизой ямою...» 157
 «Наша кровь не ревнует по дому...» 263
 «Не высоко я ставлю силу эту...» (Рифма) 116
 «Не для того ли мне поздняя зрелость...» (Поздняя зрелость) 234
 «Не искал ни жилища, ни пищи...» (Григорий Сковорода) 293
 «Немецкий автоматчик подстрелит на дороге...» 50
 «Не пожалела на дорогу соли...» (Беженец; Чистопольская тетрадь, IV) 44
 «Не речи, — нет, я не хочу...» (Через двадцать два года; Памяти Марины Цветаевой, V) 40
 «Нестерпимо во гневе караешь, Господь...» (Чистопольская тетрадь, VII) 46
 «Не стой тут...» 55
 «Не уходи, огни купальской ночи...» 7
 «Никого со мною нет...» (Портрет) 25
 «Ничего душа не хочет...» (Комитас) 185
 Новогодняя ночь («Я не буду спать...») 240
 «Номера — имена телефонов...» (Телефоны) 127
 Ночная бабочка «Мертвая голова» («Ходит Пиковая дама...») 245
 Ночная работа («Свет зажгу, на чернильные пятна...») 77
 Ночной дождь («То были капли дождевые...») 59
 Ночной звонок («Зачем заковываешь на ночь...») 81
 Ночь под первое июня («Пока еще последние колена...») 238
 «Ночью медленно время идет...» 298
- Ода («Мало мне воздуха, мало мне хлеба...») 190
 Оливы («Дорога ведет под обрыв...») 170

- «О нет, я не город с кремлем над рекой...» (Книга травы) 68
 «Он у реки сидел на камыше...» (На берегу) 101
 «Отнятая у меня, ночами...» 267
 «О, только бы привстать, опомниться, очнуться...» 235
 Охота («Охота кончается...») 61
 «Охота кончается...» (Охота) 61
- Памяти А. А. Ахматовой (цикл) 248
 Памяти друзей («Их так немного было у меня...») 65
 Памяти Марины Цветаевой (цикл) 37
 Пауль Клее («Жил да был художник Пауль Клее...») 114
 Первая гроза («Лиловая в Крыму и белая в Париже...») 257
 Первые свидания («Свиданий наших каждое мгновенье...») 220
 Переводчик («Шах с бараньей мордой — на троне...») 197
 Перед листопадом («Все разошлись. На прощанье осталась...») 8
 «Передо мною плаха...» (Петровские казни) 145
 Песня («Давно мои ранние годы прошли...») 192
 Петровские казни («Передо мною плаха...») 145
 «Пиликает скрипка, гудит барабан...» (Балет) 132
 «Пляшет перед звездами звезда...» 266
 «Подложи мне под голову руку...» (Вторая ода) 191
 Под прямым углом («Мы — только под прямым углом...») 205
 «Под сердцем травы тяжелеют росинки...» 12
 «Позднее наследство...» 105
 Поздняя зрелость («Не для того ли мне поздняя зрелость...») 234
 «Пока еще последние колена...» (Ночь под первое июня) 238
 «Показывали страуса в Пассаже...» (Страус в 1913 году) 72
 «Покинул я семью и теплый дом...» (Надпись на книге) 76
 Полевой госпиталь («Стол повернули к свету. Я лежал...») 227
 «Пó льду, пó снегу, по жасмину...» (Памяти А. А. Ахматовой, IV) 250
 Польша («Все не спит палата госпитальная...») 63
 «Порой по улице бредешь...» 78
 Портной из Львова, перелицовка и починка (октябрь, 1941) («С чемоданчиком картонным...») 93
 Портрет («Никого со мною нет...») 25
 После войны (цикл) 187
 «Последних листьев жар сплошным самосожженьем...» (Игнатьевский лес) 23
 Посредине мира («Я человек, я посредине мира...») 153

- «По такому белому снегу...» (Мартовский снег) 278
 «Почему захотелось мне снова...» (Стихи из детской тетради) 134
 «Почему, скажи, сестрица...» (Пушкинские эпитафии, I) 286
 Поэт («Эту книгу мне когда-то...») 222
 Поэт начала века («Твой каждый стих — как чаша яда...») 177
 Поэты («Мы звезды меняем на птички кларнеты...») 163
 Превращение («Я безупречно был вооружен...») 178
 Предупреждение («Еще в скорлупе мы висим на хвощах...») 206
 «Предчувствиям не верю и примет...» (Жизнь, жизнь, I) 236
 Приазовье («На полустанке я вышел. Чугун отдыхал...») 268
 «Приди, возьми, мне ничего не надо...» (После войны, V) 189
 Проводы («Вытрет губы, наденет шинель...») 56
 «Прорвав насквозь лимонно-серый...» (Луна и коты; Две лунные сказки, II) 83
 «Пророческая власть поэта...» (Камень на пути) 203
 «Просыпается тело...» 295
 «Прохожему — какое дело...» (Прохожий) 9
 Прохожий («Прохожему — какое дело...») 9
 «Прямых стволов благословение...» (Титания) 165
 «Пускай меня простит Винсент Ван-Гог...» 164
 «Пусть роят щели хоть под воскресенье...» (Суббота, 21 июня) 69
 Пушкинские эпитафии (цикл) 286
- «Разобрал головоломку...» (Пушкинские эпитафии, III) 288
 Ранняя весна («Эй, в черном ситчике, неряха городская...») 154
 «Рассчитанный на одного, как номер...» (Только грядущее) 200
 «Река Сугаклея уходит в камыш...» 15
 Рифма («Не высоко я ставлю силу эту...») 116
 Руки («Взглянул я на руки свои...») 207
 Рукопись («Я кончил книгу и поставил точку...») 204
 Русалка («Западный ветер погнал облака...») 110
 «Русь моя, Россия, дом, земля и матерь!..» 49
- «Садится ночь на подоконник...» (Сны) 219
 «Сам не знаю, что со мною...» (Лазурный луч) 149
 «С безымянного пальца кольцо...» 281
 Сверчок («Если правду сказать...») 30
 «Свет зажгу, на чернильные пятна...» (Ночная работа) 77
 Свеча («Мерцающая желтым язычком...») 5
 «Свиданий наших каждое мгновенье...» (Первые свидания) 220

- «Свободы нет в природе...» (Зима в лесу) 277
- «Семь голубей — семь дней недели...» (Голуби) 160
- Серебряные Руки («Девочка Серебряные Руки...») 174
- Синицы («В снегу, под небом синим...») 138
- «Сирени вы, сирени...» 152
- «Сколько листвы намело. Это легкие наших деревьев...» 304
- Словарь («Я ветвь меньшая от ствола России...») 224
- Слово («Слово только оболочка...») 64
- «Слово только оболочка...» (Слово) 64
- «Смерть на все накладывает лапу...» (Чистопольская тетрадь, VI) 45
- «Смерть никто, канцеляристка, дура...» 91
- Снежная ночь в Вене («Ты безумна, Изора, безумна и зла...») 196
- «Снова я на чужом языке...» 82
- Сны («Садится ночь на подоконник...») 219
- «Соберемся понемногу...» 11
- Сократ («Я не хочу ни власти над людьми...») 183
- Стань самим собой («Когда тебе придется туго...») 125
- «Стелил я снежную постель...» (Памяти А. А. Ахматовой, I) 248
- Степная дудка (цикл) 214
- Степь («Земля сама себя глотает...») 210
- Стирка белья («Марина стирает белье...»; Памяти Марины Цветаевой, IV) 39
- Стихи из детской тетради («Почему захотелось мне снова...») 134
- «Стихи мои, птенцы, наследники...» (К стихам) 202
- «Стихи попадают в печать...» 258
- «Стол накрыт на шестерых...» 32
- «Стол повернули к свету. Я лежал...» (Полевой госпиталь) 227
- «Стояла батарея за этим вот холмом...» 51
- Страус в 1913 году («Показывали страуса в Пассаже...») 72
- «Струнам счет ведут на лире...» 265
- Суббота, 21 июня («Пусть роют щели хоть под воскресенье...») 69
- «С утра я тебя дождался вчера...» 35
- «С чемоданчиком картонным...» (Портной из Львова, перелицовка и починка (октябрь, 1941)) 93
- «Твой каждый стих — как чаша яда...» (Поэт начала века) 177
- «Тебе не наскучило каждому сниться...» 73
- Телефоны («Номера — имена телефонов...») 127
- Телец, Орион, Большой Пес («Могучая архитектура ночи!...») 139
- Темнеет («Какое счастье у меня украли!...») 168

- «Тикают ходики, ветер горячий...» (Кузнечики, I) 20
 Титания («Прямых стволов благословение...») 165
 «То были капли дождевые...» (Ночной дождь) 59
 «Тогда еще не воевали с Германией...» 243
 Только грядущее («Рассчитанный на одного, как номер...») 200
 «Тот жил и умер, та жила...» 282
 «Третьи сутки дождь идет...» 246
 «Ты безумна, Изора, безумна и зла...» (Снежная ночь в Вене) 196
 «Ты, что бабочкой черной и белой...» 80
 «Тянет железом, картофельной гнилью...» 87
- У лесника («В лесу потерял я ружье...») 193
 «Упала, задохнулась на бегу...» (Чистопольская тетрадь, VIII) 47
 Утро в Вене («Где ветер бросает ножи...») 159
 «У человека тело...» (Эвридика) 212
- Феофан Грек («Когда я видел воплощенный гул...») 283
 «Фиолетовой от зноя...» (Мщение Ахилла) 231
 Флейта («Мне слышался чей-то...»; Две японские сказки, II) 108
 Фонари («Мне запомнится таянье снега...») 98
 Фотография («В сердце дунет ветер тонкий...») 130
- «Хвала измерившим высоты...» 271
 «Ходит Пиковая дама...» (Ночная бабочка «Мертвая голова») 245
 «Ходить меня учила мать...» 107
 «Хорош ли праздник мой, малиновый иль серый...» (25 июня 1935 года) 27
 «Хорошо мне в теплушке...» 58
- Цейский ледник («Друг, за чашу благодарствуй...») 24
- «Чего ты не делала только...» 53
 «Чем глуше крови страстный ропот...» (Деревья, I) 102
 Через двадцать два года («Не речи, — нет, я не хочу...»; Памяти Марины Цветаевой, V) 40
 Четвертая палата («Девочке в сером халате...») 148
 Чистопольская тетрадь (цикл) 42
 «Что всю ночь не спишь, прохожий...» (Колыбель) 13
 «Что трагедия Шекспира...» (Шекспир — Эсхил) 208
 «Что ты бредишь, глазной хрусталик?...» (Ялик) 34
- «Шах с бараньей мордой — на троне...» (Переводчик) 197

Шекспир — Эсхил («Что трагедия Шекспира...») 208
Шиповник («Я завещаю вам шиповник...») 217

Эвридика («У человека тело...») 212

«Эй, в черном ситчике, неряха городская...» (Ранняя весна)
154

Эсхил («В обнимку с молодостью, второпях...») 180

«Это не мы, это они — ассирийцы...» (В музее) 195

«Эту книгу мне когда-то...» (Поэт) 222

«Юность я проморгал у судьбы на задворках...» (Дом) 16

«Я безупречно был вооружен...» (Превращение) 178

«Я бессмертен, пока я не умер...» (Зуммер) 209

«Я боюсь, что слишком поздно...» 90

«Я в детстве заболел...» 247

«Я век себе по росту подбирал...» (Жизнь, жизнь, III) 237

«Я ветвь меньшая от ствола России...» (Словарь) 224

«Я врѣзался в возраст учета...» (Дорога) 230

Явь и речь («Как зрение — сетчатке, голос — горлу...») 239

«Я долго добивался...» 144

«Я жизнь люблю и умереть боюсь...» (Малютка-жизнь) 155

«Я завещаю вам шиповник...» (Шиповник) 217

«Я кончил книгу и поставил точку...» (Рукопись) 204

«Я лежал на вершине горы...» (Дагестан) 85

Ялик («Что ты бредишь, глазной хрусталик?») 34

«Я надену кольцо из железа...» 111

«Я не буду спать...» (Новогодняя ночь) 240

«Я не пойду на первое свиданье...» (Граммфонная пластинка,
II) 226

«Я не хочу ни власти над людьми...» (Сократ) 183

«Я по каменной книге учу вневременный язык...» 242

«Я прощаюсь со всем, чем когда-то я был...» 123

«Я рыбак, а сети...» (Бедный рыбак; Две японские сказки, I)
108

«Я слышу, я не сплю, зовешь меня, Марина...» (Памяти Марины Цветаевой, II) 37

«Я тень из тех теней, которые, однажды...» 280

«Я учился траве, раскрывая тетрадь...» 106

«Я человек, я посредине мира...» (Посредине мира) 153

СОДЕРЖАНИЕ

Свеча	5
«Блеют овцы, суетится стадо...»	6
«Не уходи, огни купальской ночи...»	7
Перед листопадом	8
Прохожий	9
«Все ты ходишь в платье черном...»	10
«Соберемся понемногу...»	11
«Под сердцем травы тяжелеют росинки...»	12
Колыбель	13
«Река Сугакля уходит в камыш...»	15
Дом	16
«Если б, как прежде, я был горделив...»	17
«Записал я длинный адрес на бумажном лоскутке...»	18
Град на Первой Мещанской	19
Кузнечики	
I. «Тикают ходики, ветер горячий...»	20
II. «Кузнечик на лугу стрекочет...»	20
Мельница в Даргавском ущелье	22
Игнатьевский лес	23
Цейский ледник	24
Портрет	25
Дом	26
25 июня 1935 года	27
Близость войны	28
25 июня 1939 года	29
Сверчок	30
«Стол накрыт на шестерых...»	32
Ялик	34

«С утра я тебя дожидался вчера...»	35
Марине Цветаевой	36
Памяти Марины Цветаевой	
I. «Где твоя волна гремучая...»	37
II. «Я слышу, я не сплю, зовешь меня, Марина...»	37
III. «Друзья, правдолюбцы, хозяева...»	38
IV. Стирка белья	39
V. Как двадцать два года тому назад	40
VI. Через двадцать два года	40
Чистопольская тетрадь	
I. «Льнут к Господнему порогу...»	42
II. «Беспомощней, суровее и суше...»	43
III. «Вложи мне в руку Николин образок...»	44
IV. Беженец	44
V. «Дровяные, погонные возвожу алтари...»	45
VI. «Смерть на все накладывает лапу...»	45
VII. «Нестерпимо во гневе караешь, Господь...»	46
VIII. «Упала, задохнулась на бегу...»	47
IX. «Вы нашей земли не считаете раем...»	47
X. «Зову — не отзывается, крепко спит Марина...»	47
«Русь моя, Россия, дом, земля и матери!..»	49
«Немецкий автоматчик подстрелит на дороге...»	50
«Стояла батарея за этим вот холмом...»	51
Белый день	52
«Чего ты не делала только...»	53
«Не стой тут...»	55
Проводы	56
«Ехал из Брянска в теплушке слепой...»	57
«Хорошо мне в теплушке...»	58
Ночной дождь	59
Земля	60
Охота	61
«Как золотая птичка...»	62
Полька	63
Слово	64
Памяти друзей	65
Бабочка в госпитальном саду	67
Книга травы	68

Суббота, 21 июня	69
Звездный каталог	71
Страус в 1913 году	72
«Тебе не наскучило каждому сниться...»	73
Дождь в Тбилиси	74
Надпись на книге	76
Ночная работа	77
«Порой по улице бредешь...»	78
«Ты, что бабочкой черной и белой...»	80
Ночной звонок	81
«Снова я на чужом языке...»	82
Две лунные сказки	
I. Луна в последней четверти	83
II. Луна и коты	83
Дагестан	85
«Когда купальщица с тяжелою косою...»	86
«Тянет железом, картофельной гнилью...»	87
Дума	88
«Я боюсь, что слишком поздно...»	90
«Смерть никто, канцеляристка, дура...»	91
Верблюд	92
Портной из Львова, перелицовка и починка (октябрь, 1941)	93
Кактус	95
«Жизнь меня к похоронам...»	96
Фонари	98
«Мне в черный день приснится...»	99
На берегу	101
Деревья	
I. «Чем глуше крови страстный ропот...»	102
II. «Державы птичьей нищеты...»	103
«Позднее наследство...»	105
«Я учился траве, раскрывая тетрадь...»	106
«Ходить меня учила мать...»	107
Две японские сказки	
I. Бедный рыбак	108
II. Флейта	108
Русалка	110

«Я надену кольцо из железа...»	111
Анжело Секки	112
Пауль Клее	114
Рифма	116
«Кухарка жирная у скаред...»	117
Имена	119
Малиновка	121
Елена Молоховец	122
«Я прощаюсь со всем, чем когда-то я был...»	123
Стань самим собой	125
Телефоны	127
Вещи	128
Фотография	130
Конец навигации	131
Балет	132
Стихи из детской тетради	134
Бессонница	136
Синицы	138
Телец, Орион, Большой Пес	139
Затмение Солнца. 1914	141
Греческая кофейня	143
«Я долго добивался...»	144
Петровские казни	145
«Мы шли босые, злые...»	146
Из окна	147
Четвертая палата	148
Лазурный луч	149
Иванова ива	151
«Сирени вы, сирени...»	152
Посредине мира	153
Ранняя весна	154
Малютка-жизнь	155
Зимой	156
«Над черно-сизой ямою...»	157
Утро в Вене	159
Голуби	160
Дом напротив	161
Поэты	163

«Пускай меня простит Винсент Ван-Гог...»	164
Титания	165
Могила поэта	
I. «За мертвым сиротливо и пугливо...»	166
II. «Венков еловых птичьих лапки...»	166
Темнеет	168
«Вечерний, сизокрылый...»	169
Оливы	170
«На черной трубе погорелого дома...»	171
Кóра	172
Актер	173
Серебряные Руки	174
Дерево Жанны	175
Поэт начала века	177
Превращение	178
В дороге	179
Эсхил	180
«Вы, жившие на свете до меня...»	181
Карловы Вары	182
Сократ	183
Ветер	184
Комитас	185
«Мы крепко связаны разладом...»	186
После войны	
I. «Как дерево поверх лесной травы...»	187
II. «Меня хватило бы на все живое...»	187
III. «Бывает, в летнюю жару лежишь...»	188
IV. «Как дерево с подмытого обрыва...»	188
V. «Приди, возьми, мне ничего не надо...»	189
Ода	190
Вторая ода	191
Песня	192
У лесника	193
Загадка с разгадкой	194
В музее	195
Снежная ночь в Вене	196
Переводчик	197
Земное	199

Только грядущее	200
К стихам	202
Камень на пути	203
Рукопись	204
Под прямым углом	205
Предупреждение	206
Руки	207
Шекспир — Эсхил	208
Зуммер	209
Степь	210
Эвридика	212
Степная дудка	
I. «Жили, воевали, голодали...»	214
II. «На каждый звук есть эхо на земле...»	214
III. «Где выюгу на латынь...»	215
IV. «Земля неплодородная, степная...»	215
Шиповник	217
Кузнец	218
Сны	219
Первые свидания	220
Поэт	222
Словарь	224
«Мне опостытели слова, слова, слова...»	225
Граммфонная пластинка	
I. «Июнь, июль, пройди по рынку...»	226
II. «Я не пойду на первое свиданье...»	226
Полевой госпиталь	227
Весенняя пиковая дама	229
Дорога	230
Мщение Ахилла	231
До стихов	233
Поздняя зрелость	234
«О, только бы привстать, опомниться, очнуться...»	235
Жизнь, жизнь	
I. «Предчувствиям не верю и примет...»	236
II. «Живите в доме — и не рухнет дом...»	236
III. «Я век себе по росту подбирал...»	237
Ночь под первое июня	238

Явь и речь	239
Новогодняя ночь	240
«Я по каменной книге учу вневременный язык...» . .	242
«Тогда еще не воевали с Германией...»	243
«Когда вступают в спор природа и словарь...»	244
Ночная бабочка «Мертвая голова»	245
«Третьи сутки дождь идет...»	246
«Я в детстве заболел...»	247
Памяти А. А. Ахматовой	
I. «Стелил я снежную постель...»	248
II. «Когда у Николы Морского...»	248
III. «Домой, домой, домой...»	249
IV. «Пó льду, пó снегу, по жасмину...»	250
V. «И эту тень я проводил в дорогу...»	250
Зима в детстве	
I. «В желтой траве отплясали кузнечики...»	252
II. Мерещится вейлка	252
Ласточки	254
«И я ниоткуда...»	255
Дом без жильцов	256
Первая гроза	257
«Стихи попадают в печать...»	258
«Вот и лето прошло...»	259
«Мне бы только теперь до конца не раскрыться...» .	260
«Мамка птичьья и стрекозья...»	261
«Во вселенной наш разум счастливый...»	262
«Наша кровь не ревнует по дому...»	263
«На пространство и время ладони...»	264
«Струнам счет ведут на лире...»	265
«Пляшет перед звездами звезда...»	266
«Отнятая у меня, ночами...»	267
Приазовье	268
«Как сорок лет тому назад, сердцебиение при звуке...»	269
«Как сорок лет тому назад я вымок под дождем...» . .	270
«Хвала измерившим высоты...»	271
«Когда под соснами, как подневольный раб...»	272
Манекен	273

Засуха	274
«Мне другие мерещатся тени...»	275
«Красный фонарик стоит на снегу...»	276
Зима в лесу	277
Мартовский снег	278
«И это снилось мне, и это снится мне...»	279
«Я тень из тех теней, которые, однажды...»	280
«С безымянного пальца кольцо...»	281
«Тот жил и умер, та жила...»	282
Феофан Грек	283
Жили-были	284
Пушкинские эпитафии	
I. «Почему, скажи, сестрица...»	286
II. «Как тот Кавказский Пленник в яме...»	287
III. «Разобрал головоломку...»	288
IV. «В магазине меня обсчитали...»	289
«Где целовали степь курганы...»	291
Григорий Сковорода	293
«Душу, вспыхнувшую на лету...»	294
«Просыпается тело...»	295
«Был домик в три оконца...»	296
«Еще в ушах стоит и гром и звон...»	297
«Ночью медленно время идет...»	298
«А все-таки я не истец...»	299
Бобыль	300
«Влажной землей из окна потянуло...»	301
«Меркнет зрение — сила моя...»	302
«Бабочки хохочут как безумные...»	303
«Сколько листвы намело. Это легкие наших деревьев...»	304
«В последний месяц осени...»	305
От составителя	306
Хроника жизни и творчества Арсения Александровича Тарковского	309
Указатель	316

Литературно-художественное издание

АРСЕНИЙ ТАРКОВСКИЙ
БЛАГОСЛОВЕННЫЙ СВЕТ

Ответственная за выпуск Галина Соловьева
Художественный редактор Валерий Гореликов
Технический редактор Ольга Иванова
Корректоры Алевтина Борисенкова, Станислава Кучепатова
Верстка Алексея Соколова

Подписано в печать 10.10.2011. Формат издания 76 × 100 ¹/₃₂.
Печать офсетная. Гарнитура «Петербург». Тираж 3000 экз.
Усл. печ. л. 14,8. Заказ № 8876.

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака АЗБУКА®
119991, г. Москва, 5-й Донской проезд, д. 15, стр. 4
Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
в Санкт-Петербурге
196105, г. Санкт-Петербург, ул. Решетникова, д. 15
ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»
04073, г. Киев, Московский пр., д. 6 (2-й этаж)

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ЗАО «ИПК Парето-Принт», г. Тверь
www.pareto-print.ru

ПО ВОПРОСАМ РАСПРОСТРАНЕНИЯ ОБРАЩАЙТЕСЬ:

В Москве:

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
Тел. (495) 933-76-00, факс (495) 933-76-19
E-mail: sales@atticus-group.ru; info@azbooka-m.ru

В Санкт-Петербурге:

Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
Тел: (812) 324-61-49, 388-94-38, 327-04-56, 321-66-58, факс: (812) 321-66-60
E-mail: trade@azbooka.spb.ru; atticus@azbooka.spb.ru

В Киеве:

ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»
Тел./факс: (044) 490-99-01
E-mail: sale@machaon.kiev.ua

Сайты в интернете:

www.azbooka.ru, www.atticus-publishing.ru

КАКВ884801R